

Андрей Кокоулин

ОСТРОВ

Annotation

Я очень люблю эту повесть. Как бы кому не мнилось иное, она очень светлая. К сожалению, в платном варианте оказалась мало кому нужна. Поэтому спустя три года выкладывается в свободный доступ.

Это повесть о жизни в нелегкие времена. Мистическая или, если хотите, фантастическая. Магреализм. Почти.

«И тогда Светлана побежала, побежала, что было сил. К сожалению, очень скоро она провалилась в сугроб. Метр, два, десять, и Кумочкин настиг ее. Взлетел топор...»

Господи...

Лаголев закрыл газету. Перегнул. Гадливо подвинул от себя. «Криминальная Россия» — жирные черные буквы на кроваво-красном фоне.

Прочитай. Ужаснись, где ты живешь. И среди кого.

Сволочи, тоскливо подумал Лаголев, какие же сволочи... А полиграфия хорошая. Почему-то для такого — не жалко.

Ему вспомнился месяца два назад купленный по случаю томик Желязны. Серая, с вкраплениями, криво обрезанная бумага, периодически двоящийся текст и бесстыдно дублированный в самом конце кусок из середины. «Бог Света» в темном царстве...

Так и не прочитал. Не смог. Сволочи.

— «Байки и анекдоты» есть?

Лаголев поднял глаза на спрашивающего.

Перед лотком, сунув руки в карманы ветровки, двигал челюстью один из удачно жжившихся в исковерканную реальность. А может и вовсе ее, реальности, порождение.

Наушник в ухе, проводок от него тянется вниз, к приспущенным штанам. И хорошо, трусы не торчат.

Жует. Почему они все жуют?

Ох, глупый вопрос. Что есть, то и стимулируют. Мозгов вот нет...

— Эй, дядя! «Байки и анекдоты»...

Лаголев очнулся.

— Э-э, да... Вам какой номер?

— Последний. И предпоследний.

Пачкая пальцы, Лаголев выдернул журнальчики из стопки.

— Двенадцать рублей.

— Подорожал что ли?

Порождение нахмурилось. Челка упала, закрыв один глаз.

— С какой ценой приходит, с той и продаю, — развел руками Лаголев.

— Охрененно!

Парень закопался в штанах.

На лоток упала скомканная «десятка». Затем — двухрублевая монета. Лаголев смахнул их в коробку с выручкой.

Слева сунулась старуха, повела носом, протянула перебинтованную грязной марлей ладонь:

— Сынок, помоги, чем можешь! Ради Христа нашего!

— Нету, — сказал Лаголев.

От попрошайек он устал. А, может,росло что-то на душе со временем, не трогали уже ни среднеазиатские побирушки в переходах, ни бомжи, копающиеся в мусорных бачках.

Наверное, думалось ему, есть какой-то критический порог, сострадания или просто душевных сил, за которым любые человеческие беды в каких угодно масштабах воспринимаются уже лишь фоном, оттеняющим собственное существование.

«Криминальная Россия». «Топор взлетел...». А нам пофиг, нам бы самим...

— Сынок.

Старуха и не подумала убраться.

На ней было потертое серенькое пальто с воротником, поеденным молью. Левый рукав заштопан сослепу белой нитью, крупными стежками.

Худенькая, словно усохшая.

Глаза слезятся. Морщины вокруг рта — будто те же стежки.

— На хлебушек, сынок.

Сколько было той слабости?

Две секунды, три, не больше. Парень с купленными байками со спокойной совестью в наушниках успел встать на автобусной остановке. Маршрутка затормозила у перехода. Велосипедист дзынкнул звонком.

Что сделалось с Лаголевым — бог его знает.

То ли штопка обожгла сердце, то ли дрожащая узенькая ладонь.

Ушла его «десятка». Ушла вместе со старухой, подаренная, пожертвованная, изъятая из коробки. Ушла в сереньком пальто и в туфлях. Медленно, припадая на правую ногу в советской поры еще коричневом чулке.

Ушла.

Лаголев опомнился, когда старуха доковыляла до будки с цветами. Он даже выскочил из-за лотка, чтобы бежать и отнимать. Он даже исторг горлом какие-то звуки, то, что получилось от обиды и злости, какой-то скулеж пополам с обмылками слов.

Но потом отрезвел.

Куда бежать? А лоток? Так вот бросить ради «десятки»? Раздербанят, только отвернись. Криминальная ж Россия. Знаем, читали. Пусть подавится.

Пусть подавится, повторил Лаголев про себя.

Он вернулся обратно, сел на ящик, служивший стулом. Достал из пакета термос.

— «Комсомолку», пожалуйста.

— Сейчас.

Пришлось отложить питье.

Он вытянул номер «Комсомольской Правды», где на всю первую полосу с кем-то, вся в вихре завитых волос, целовалась Пугачева, принял деньги, мельком скользнув взглядом по бледному женскому лицу.

Ему сказали «Спасибо», но он не ответил.

Она же эти десять рублей у меня отняла, думалось Лаголеву. У меня, у моей семьи. Вот просто так, руку протянула...

А ведь у нее наверняка сын есть или дочь. Что ж они-то не помогают? Почему я-то несчастными десятью рублями обязан делиться?

Я ей кто?

Сушило горло. Нервы, нервы.

Отвинтив крышку-стаканчик, Лаголев в него же набулькал кофе. Паршивого, но хотя б горячего. Глотнул. Мрачно заглянул в коробку с деньгами. Да уж, негусто.

Впрочем, скоро покупатели пошли потоком, бом-бом-на работу бегом. Некогда стало о потерянном жалеть.

— «Гороскопы» можно?

Пожалуйста.

— Вот календарик этот, с собачкой...

Угум.

— Ах, это старый номер! А поновее?

Сейчас посмотрим.

— Ну, давайте, ну, быстрее же!

Стараемся.

— Телепрограмму, пожалуйста...

— И мне.

— Вчерашний «Спорт» есть?

Отчего ж нет?

Лаголев метался от газет к журналам, от журналов — к календарям и газетам, показывая, выпрямляя, разворачивая, вынимая из придерживающих резинок. Разменивал сотни и полтинники, отсчитывал сдачу. Зорким соколом следил, чтобы никто ничего...

В такие моменты он напоминал себе какого-то индийского божка многорукого. Шиву вроде бы. Одной рукой — «Экспресс» подаю, другой — «Шанс», третьей — мелочь проверяю, правильно ли, пятой — убираю наверх не понравившийся номер глянца с зубастотитястой молодой соплюхой в купальнике.

То есть, какой там купальник — ниточки одни.

А еще приходилось говорить: «Да, есть», «Нет, кончились», «Возьмите», «С вас эн-дцать рублей». Губы сводило.

Потом поток спал, превратился в струйку.

Лаголев перехватил бутерброд. Попристал, разминаясь. Затем принял товар: журналы «Игры», «Джентльмен», «Недвижимость», «Плейбой», связки газет «Ваша Дача» «Заработай», «Спорт-Экспресс» и новые выпуски кроссвордов и sudoku.

К девяти распогодилось.

Отданная десятка уже и не вспоминалась. Дважды еще случался наплыв, разобрали всю недвижимость и спорт («Недвижимость» есть?» — «Увы, только лоток»), выручка перевалила за шестьсот рублей, последний номер «Криминальной России», бросив две десятки, подхватил молоденький милиционер, спешащий к павильону дежурной части.

Лаголев, дурак, чуть не крикнул ему, мол, негатива на работе не хватает, что ли?

Куда катимся? В кого превращаемся? В смакующих расчлененку? Это же так будоражит. Картинки чужой смерти шепчут: ты-то еще живой.

А где здесь жизнь?

Лаголев помрачнел, вспомнив, что за квартиру еще не плачено, Игорь порвал кроссовки, а денег — только на продукты.

И Ната с утра уже...

Самому в пору за топор. Метр, два, десять — Лаголев настиг ее...

Холодок скользнул меж лопаток.

Ох, какие мысли. Так вот начитаешься, насмотришься и съедешь с катушек напрочь. Скажут потом: странно, а такой тихий был...

К двенадцати на задрипанном «каблучке» приехал хозяин торговой точки, плотный, пузатый, светловолосый Руслан. Окинул взглядом фанерные стенки, прилавок, потоптался, в кожаной куртке, в свитере с воротом под горло, с барсеткой в толстой лапше. Лицо насупленное, рыжеватая щетина вопит: проблемы, парень, такие проблемы, что бриться некогда.

— Выручка?

Лаголев засуетился.

— Вот, около семисот.

Чужие деньги почему-то всегда жгли ему пальцы. Было страшно не то, что не отдать, а даже дотронуться. Дрожала душа — не твое.

— А точнее?

Хозяин потряс торопливо сунутой пачкой.

Лаголев, согнувшись, полез в записи, в палочки, кривым заборчиком поставленные напротив названий на разлинованном листе, защелкал калькулятором. Тридцать два на четыре... Девятнадцать на двенадцать...

Дятлом тюкала мысль: почему так? Почему в его жизни все так? Где и когда все сломалось? Не вместе ли со страной?

Один работает, другой деньги получает, третий гоняется с топором.

— Ну?

— Шестьсот девяносто шесть.

Лаголев повернул к Руслану экранчик калькулятора, вспомнил про десятку и, мгновенно возопрев, поправился:

— Э-э, шестьсот восемьдесят шесть. Я десятку там...

Лицо у Руслана, секунду назад снисходительно-доброжелательное, схлопнулось. Брови к переносице, щетина — иглами.

Даже глаза выцвели.

— Ты смотри мне... — тяжело проговорил он, сгребая в кулак ворот Лаголевской куртки. — Я такого не люблю.

— Я же... — задушено прохрипел Лаголев.

— Ты же, ты же...

В лицо ему пахнуло отголосками коньяка.

Мгновение, жуткое и оттого мучительно-длинное, Руслан смотрел куда-то внутрь Лаголева, в черноту зрачков, в дрожь и испуганное трепыхание естества.

Ухмыльнулся:

— Ссышь, да?

— Н-нет.

— Ссышь.

Кулак разжался. Лаголев уполз за прилавок.

Было страшно и стыдно. Но испуг таял, а стыд разрастался, заставляя судорожно перебирать периодику, шелестеть страницами журналов, что-то вроде бы подсчитывать, изображать хмурую занятость, лишь бы не поднимать мертвое, бледное, со сжатыми губами лицо к жизнерадостной чужой харе.

Руслан не уходил.

— Ну и чё ты? — услышал Лаголев. — Чё ты стух? А зарплату чё, не надо тебе?

— Надо.

— Чё? Громче говори!

Лаголев еще ниже опустил голову.

— Надо!

— Ну! Я же знаю! Я, в отличие от тебя, честный.

Руслан встал к прилавку вплотную, зашелестел только что отданными купюрами, затем

полез за пазуху — за недостающим.

— Я тебе сколько должен?

— Пятьсот.

— Чё ты опять шепчешь?

Толстые крепкие пальцы с круглыми ногтями загибали купюры, пережимали и перекладывали: одну на другую, третью под четвертую, красненькую — на свет. По-свойски. Привычно. И никакого мошенства.

Лаголев протолкнул колючий воздух в горло.

— Вы мне должны пятьсот рублей.

— Э, нет, опять ты в расчетах ошибся, считала, — хмыкнул Руслан. — Двести аванса было? Было. Сейчас десятка куда ушла? Мимо ушла. — Он поплевал на пальцы. — Так что тебе причитается двести девяносто. Верно?

Лаголеву пришлось согласиться.

Руслан, шевеля губами, отсчитал купюры, в карманах джинсов нагреб металлической мелочи.

— Вот. Все по чесноку.

Бумажный ком упал Лаголеву в ладонь. Монеты, проскользнув сквозь пальцы, разбежались по журналам на прилавке.

— Спасибо.

— Косорукий, блин, — прокомментировал Руслан.

С ним нельзя было не согласиться.

Лаголев, опустив голову, принялся сцарапывать рубли с первых страниц. Ему вдруг сделалось дурно до дрожи. Сволочи. Все сволочи. Нелюди, закрутилось в голове. Упыри! Всем на все плевать, кроме себя. Себя-то уж не обидим! Десятку, но выцепим. А потом унизим.

Потому что кто я? Никто.

Не могу ни с топором, ни украсть... Ни к чему не способное, вымирающее животное. Таких уже не делают, делают других, у тех челюсти помощнее.

Которые жрут, жрут, жрут!

Дрожащими пальцами Лаголев выдавил набрякшую слезу из уголка глаза. Ладно. Ничего. Он утрамбовал деньги в карман брюк.

Вкус жизни — горький.

В два часа Лаголев сменился, уступив место за лотком меланхоличному Тиму, отрастившему себе жидкую, козлиную бородку. Брезентовая куртка болотного цвета с нашивками «Геохим» и «Serpent», капюшон на голове и постоянно чуть прикрытые веками светло-зеленые глаза в мечтательной дымке.

Тим был студентом последнего курса в местном экономическом институте. Учили его, как он выражался, всяческой хрени.

Мы — сторонники практики. Теория сосет. Ну и прочее.

— Как торговля, чувак? — по-свойски спросил он, хотя Лаголев был лет на двадцать его старше.

— Вполне, — сказал Лаголев, собирая термос и упаковывая его в сумку.

— Бабло давали?

— Давали. Руслан заезжал.

— Клево.

Тим заткнул уши наушниками и закачал головой в такт слышной только ему музыке. Лаголев постоял около. Захотелось то ли пожаловаться на жизнь, то ли с иронией рассказать про упорхнувшую «десятку», но Тим, пользуясь отсутствием покупателей, уже развернул журнал с полуголыми моделями.

У кого чего болит...

Да и будет он слушать? Надо оно ему? Максимум, чем разродится коллега-продавец — это, пожалуй, сочувственно-кислой физиономией. Бывает, чувак. Со всеми бывает. А про себя подумает: лох. Какая интересная, подумалось, жизненная кривая. Школьник — студент — научный сотрудник — лох. Лаголев махнул рукой, прощаясь со сменщиком, и потопал через улицу.

По небу, словно в поисках лучшего места, метались облака. Ветер качал указатели на проводах и шелестел бесплатными объявлениями. «Требуются девушки в стриптиз бар». «Покупаем лом черного и цветного металла».

Из лома, наверное, делают шесты для стриптиз-баров.

Под табличкой остановки он встал третьим. Полная женщина с густо накрашенным, круглым лицом смерила его безразличным взглядом. Лаголев в ответ предпочел смотреть в другую сторону. Ясно, она тоже думала, что он — лох. Оно и понятно, заношенные джинсы и тоненькая куртка в его возрасте формируют, скорее, образ человека, вынесенного на обочину жизни, чем успешного распорядителя денежными знаками.

А вот если бы с топором?

Вырос бы, наверное, до распорядителя судеб. Потом — метр, два — догнать, потом... Что потом? Куда потом? Ноет, ноет в душе: суки, все суки, все куда-то устроились, нашли норки теплые, только он...

За двести девяносто.

Посчитать бы на доперестроечные. Давай, мужик, шевели мозгами. «Труд» — три копейки тогда. «Байки» — шесть рублей сегодня. Зарплата...

— Что вы смотрите?

— Что?

Лаголев неожиданно обнаружил, что задумавшись, повернулся и воткнулся взглядом в солидную женскую грудь.

Да уж, «Байки» шесть рублей.

— Извините.

— Ни стыда, ни совести! Совсем быдло распустилось! — Женщина, покраснев лицом, принялась наступать на Лаголева. — С голой задницей, а туда же! Того и гляди слюна потечет. Тебя, наверное, в милицию надо сдать!

— Зачем?

Лаголев, отступая, задел чей-то локоть и сдачей получил от задетого крупного мужчины обидное слово и существенный тычок в бок.

— Как зачем? — повысила голос женщина. — Ты же меня сейчас раздел и изнасиловал! Ты что, думал, это тебе с рук сойдет!?

— Успокойтесь, — тихо сказал Лаголев.

Перед нахрапом, особенно женским, он робел.

А что делать? Вот что делать? Попытаться перекричать, равняя себя с мартышкой в зоопарке? Противно, честное слово. Потом — не получается у него с ответным напором, потому что напор в его голове связан с осознанием собственной правоты. А тут всегда

начинает копошиться червячок сомнения — может быть, все-таки ты не прав, посмотри, как человек расходится, вот-вот удар хватит, тем более, женщина, женщинам надо уступать, это в подкорке, женщины — более слабые существа.

Проклятое воспитание.

Когда Натка заводилась, он считал удачей, если она не шла за ним в комнату после того, как ссора начиналась на кухне, или на кухню после того, как ссора начиналась в комнате. Отступление Лаголева считалось признанием поражения, но в последнее время Натке и этого было мало, и она следовала за ним, как Суворов за турками, добиваясь окончательного разгрома и капитуляции.

Измаил пал!

Ты ничего не можешь! Вполне возможно. Будь же мужиком! Попробую. Мужик деньги зарабатывает, о жене заботится, о сыне! Я не понимаю, как когда-то согласилась выйти за тебя замуж! Я и сам не понимаю.

Что-то в душе ломалось и потрескивало от Наткиного крика. То ли гордость кукожилась, то ли его место в мире, в жизни, в квартире теряло квадратные метры. В окно уже хотелось выпрыгнуть, даром, что четвертый этаж.

На улице, слава богу, беги, куда хочешь. Хоть под машину.

— А я не успокоюсь! — победительно наступала на Лаголева женщина, чувствуя за собой превосходство. — Ты какое право имеешь? Посмотрите, люди, на убогого! Он меня успокоиться просит! Получил удовольствие и считает, что все в порядке! В штанах своих тербит!

— Вам что, денег дать? — растерялся он.

Женщина хватанула воздух ртом.

— Ты!

Она обернулась к подошедшим спортивному парню и девушке, беря их в свидетели. Лицо ее сделалось пунцовым. Рука махнула сумочкой.

— Я тебе не проститутка!

В ее гневном возгласе Лаголеву почудились нотки легкого сожаления. Мол, двадцать лет назад — да, возможно, определенно, она могла бы претендовать. Она бы — ух! «Метрополь», валюта, интересные интуристы...

Она бы и сейчас не прочь, но возраст, возраст.

Сумочка прилетела Лаголеву в плечо, больно стукнув то ли пряжкой, то ли замком. Хорошо не в голову, честное слово.

— Вы — больная?

— Я?

После этих слов будущее Лаголева, возможно, стало туманным.

Но ему повезло — как чудо подоспел грязно-желтый автобус и раскрыл створки. Женщина на долю секунды замерла, соображая, что для нее важнее — тщедушный насильник Лаголев или место в салоне. Лаголев, конечно, проиграл — куда уж ему! — и автобус вобрал женщину в себя, втянул вглубь, как в пищевод, растворяя среди пассажиров ее темно-синий пиджак и серые брюки, запечатал выход парнем с девушкой.

Хлоп! Поехали.

Лаголев, разумеется, садиться не стал. Хотя и опаздывал. Заныло, задергало изнутри: сволочи. С ума посходили. Я вам кто? Почему на меня-то все? И ведь ни одна тварь слова против этой дуры не сказала.

Защемило под лопаткой, ввинтилось ржавым шурупом. Довели, суки.

Пытаясь успокоиться, Лаголев с силой втянул воздух через нос. Тише. Все хорошо, все хорошо. Ты адекватен, это все вокруг переломанное и кривое.

Не помогло.

Он стоял, вобрав голову в плечи и минуту или две жил болью, грызущей левую сторону. Что влево отдает? Сердце? Может, микроинфаркт? Межреберная невралгия? Бог знает. Не раньше проявлялось к вечеру, а сейчас и трех нет. Симптом. И никто, никто не подошел, не спросил, все ли у него в порядке. Времена, нравы. Все правильно.

Лаголев скрипнул зубами.

Боль постепенно утихла. Он решил слегка «расходиться» ее и медленно двинулся к следующей остановке. Отразился в витрине какого-то помпезного, облицованного мрамором бутика. Метров двадцать манекены в элегантных костюмах и галстуках за стеклом сопровождали его фигуру, одетую в ветровку и в джинсы, вытертые на коленях до белизны. В пустых глазах пластиковых идиотов чудилось брезгливое недоумение: что это тут ковыляет мимо? Как это недоразумение еще допустили до нашего фасада? Кыш, кыш, убожество!

Ладно. Он и сам не будет задерживаться.

Лаголев пересек улицу и нырнул под дощатый навес. За забором реконструировали дом, в щели виднелись груды кирпича и леса, составленные из металлических труб. На лесах сидели, попыхивая сигаретками, угрюмые рабочие.

Сколько им, интересно, платят? Наверняка больше, чем ему платит Руслан. Может, попробовать устроиться?

Автобус обогнал его, когда оставалось пройти дом со скоростно скончавшейся пельменной на первом этаже и свернуть за угол. Лаголев сначала побежал следом, наливаясь злостью и отчаянием, потом понял, что не успеет.

Будь все проклято.

Выдыхая, он упер руки в колени. Мимо, ойкнув, проскочила какая-то девчонка, обмахнув штанину юбочными складками. Молодость. Тоже на автобус? Ну-ну. Но что-то он да, встал враскоряку...

Лаголев распрямился. Ладно. Бог с ними со всеми. Со старухами. С дурами. С равнодушными идиотами. Бог им всем все припомнит. Жалко, уже потом, не в нынешней жизни. Ничего.

Ему пришлось отсчитать двенадцать рублей смуглому водителю маршрутки, который будто караулил его неудачу с автобусом.

— Ай, маладца! — сказал железнозубый водитель, когда Лаголев разобрался с мелочью. — Прахади, дарагой!

Лаголев забрался на сиденье и уставился в окно, за которым пятнами поплыл мимо город. И жизнь вся так, в расфокусе, пятнами.

Маршрутка подсакивала на трамвайных рельсах, и в Лаголеве, перемешиваясь, подсакивали внутренности и мысли. Он едва не проворонил свою остановку и, уже переехав, попросил высадить его на углу. Все, подумал, выскакивая наружу, Кярим теперь живьем съест. Ай, Саша, Саша, необязательный ты, да.

И возразить будет нечего.

Подбегая к широким ступеням, Лаголев невольно поднял глаза на жестяной, идущий волной козырек и буквы, дугой изгибающиеся выше.

«Сельскохозяйственный рынок «Победа».

В тамбуре, внутренние двери которого отсутствовали, как класс, Лаголев испытал привычное секундное замешательство. Запахи, шорох шагов, звон тележек, развозящих овощи и фрукты, шумное многоголосье с гортанными выкриками, людские суета и хаотичное, прерывистое — от прилавка к прилавку — движение его, человека, испытывающего дискомфорт от всего вышперечисленного, заставляли каждый раз собираться с духом, чтобы преодолеть и окунуться.

Не любишь? Люби!

— Чего стоишь?

Его подтолкнули сзади, и он, опомнившись, поспешил в дальний конец рынка, на бегу освобождаясь от куртки. Стол номер тридцать четыре. Пирамидки розовых помидоров. Рядок зеленых пупырчатых огурцов. Желтые попки абрикосов.

— Здравствуйте, Кярим Ахметович.

Между фермами потолочных перекрытий перепархивали воробьи.

— Ай, Саша, опоздал ты.

Кярим Ахметович был плотный, носатый азербайджанец. Его широкое, в малозаметных оспинках, плохо выбритое лицо гримасой выразило неудовольствие. Вскинув руку, он посмотрел на часы.

— На десять минут опоздал, да?

— Автобус, — выдохнул Лаголев.

— Что — автобус, Саша? Ты — автобус? Я — автобус? Может быть, жизнь — автобус?

Наклонившись, владелец места под номером тридцать четыре вытащил с полки из-под стола мятый белый халат.

— Уехал автобус.

— А ты остался, да? — Кярим Ахметович кинул халат Лаголеву. — Гульнар уже полчаса как ушла, я за тебя стою. Одевайся.

Лаголев, покаянно сгибаясь, просунул руки в рукава.

Мимо прошла пожилая женщина в очках и кудряшках, качая на ценники головой. Натура Кярима Ахметовича взяла верх над желанием усостить нерадивого работника.

— Цена не нравится, да? — взмыл он над пирамидкой помидоров. — Скидку даю! Хорошую скидку, девушка! Купи помидор, сочный, вкусный, как ты!

Женщина махнула на него рукой.

— Какая я вам девушка? Бабушка я уже.

— Ай, как хочешь!

Кярим Ахметович, растеряв энтузиазм, тяжело опустился на бетон с полки, на которую забрался ногой в сандалете.

— Что за люди? — пожаловался он Лаголеву. — Ты к ним с хорошим словом, а они у тебя не то, что купить ничего не могут, остановиться не хотят.

— Время такое, наверное, — сказал Лаголев.

— Ай, Саша! — эмоционально заметил Кярим Ахметович. — Тебе ли говорить с времени? Ты опоздал, подвел меня!

— Но...

— Все, стой, продавай. Ценник видишь? Вот. Одна помидорка лишняя — не страшно. По товару Левончика проси, он подвезет, что надо. Все есть, черешни нет. Я, если что, у пашлычной на заднем дворе.

— Их там две.

Кярим Ахметович, удаляясь, пожал плечами.

— Мне и там, и там рады.

— Я понял.

Напоследок Кярим Ахметович указал пальцем в небо. То ли Бог следит за тобой, Саша. То ли, «видишь, какую умную мысль сказал».

Лаголев застегнул халат на две пуговицы. Он еще пах женскими духами Гульнар. Что продаем? Все продаем.

Обойдя стол, Лаголев проверил ценники, поздоровался с Рахматуллой, стоящим за местом номер тридцать два, затем устроил небольшую ревизию электронным весам и запасам на полках под прилавком.

Люди шли мимо. Впрочем, какие же это люди? Это потенциальные покупатели, обладатели кошельков и бумажников. Звериный оскал измененной реальности — вместо людей видеть денежные знаки, которыми они могут с тобой поделиться.

Как всегда пришлось сделать над собой усилие, чтобы выпихнуть из горла первые слова:

— А кому помидоры? Красные!

Показалось, эхо зазвенело под фермами, устроив переключку с воробьями. Но дальше пошло легче.

— Покупайте огурцы, редис, зелень!

Ничего-ничего, думал Лаголев, хочешь жить, умей вертеться. И так все орут, слева орут, справа орут, над головой орут. Чем я хуже?

Кто виноват, что это у тебя, в думалке твоей, стоит психологический барьер? Родители виноваты? Светлое прошлое? Или коллективное бессознательное? Не любишь драть горло? Научат. Жизнь научит. Ах, тебе казалось, что это неприлично? Коробит тебя? Извините — вас. Конечно же, вас. Коробит вас?

Топор в руки — и вперед.

Тут ведь как? Тут или примиряешься с действительностью, или сходишь с ума и гоняешь кого-нибудь по сугробам.

— Подходите! Подходите! Помидоры розовые, мясистые! Бычье сердце! Астраханские! Черри! Идеальные для засолки огурцы. Без горечи!

Люди плыли, как цветные облака. Джинсовые, ситцевые, шерстяные, хлопчатобумажные. От стола к столу и дальше в проход, в лабиринт рынка, изучая, где бы пролиться денежным дождем. Родства с ними Лаголев не чувствовал. Он вообще в последнее время не ощущал своей принадлежности к роду человеческого. Точнее, думал, что он-то как раз настоящий, последний, а вокруг инопланетяне.

Или облака.

— Килограмм помидоров, пожалуйста.

Высокая женщина с сыном лет шести в ладном джинсовом костюмчике встала у прилавка. Пистолет в руке мальчишки трещал и брызгал светом из пластмассового дула.

— Конечно.

Лаголев ожил и быстро накидал круглых, крепеньких ягод на чашу весов. Зубы плохие, но как без улыбки? Поэтому — улыбаемся.

— Сорок пять.

Он «не заметил» лишних пятьдесят граммов. Это сыграло в его пользу — женщина, подумав, попросила взвесить три огурца.

— Дядя, ты убит!

Мальчишка выстрелил в него из пистолета.

— Я не могу быть убит, — сказал ему Лаголев, — я твоей маме товар отпускаю. Она тебе потом салат сделает.

— Все равно!

Мальчишка чуть не сшиб своей тархтелкой на пол пучок укропа.

— Он не любит огурцы, — пожаловалась женщина, оттягивая непослушное чадо от прилавка. — Говорит, твердые.

Ну и дурак, чуть не ответил Лаголев.

— Сорок пять да двадцать пять, итого семьдесят, — сказал он, заворачивая огурцы в пакет и стараясь не кривиться от бесконечного треска игрушки.

— Пожалуйста.

Женщина подала две пятидесятирублевые купюры, и Лаголев нырнул вниз за разменом. Пока копался в коробке с деньгами, выискивая сдачу, слушал, как мать отчитывает сына.

— Юра, хватит! Если будешь так себя вести, ничего больше не получишь — ни мороженого, ни компьютера!

— Мне папа разрешит! — упорствовало чадо.

— А я ему на тебя пожалуюсь.

— Вот! — Лаголев, выпрямляясь, протянул тридцать рублей.

— Спасибо.

Женщина на секунду отвлеклась от сына, складывая купюры в кошелек, и этого хватило мальчишке, чтобы лягнуть прилавок ногой. Бамм!

— Ты — злюка!

Помидорная пирамидка качнулась. Лаголев выставил руки, охраняя товар.

— Осторожнее!

— Злюка!

— Извините.

Высоко вздергивая за руку, женщина потащила сына дальше. Треск пистолетика заглох.

Лаголев, обмирая, несколько секунд нависал над прилавком, готовый в любой момент среагировать, если абрикосы или помидоры вдруг вздумают ринуться с подставок на пол, но, кажется, предосторожность была излишней. Что за люди! — закипело в него душе. Следить надо за своими отпрысками! Лаголев высверлил спину уходящей женщины. Дура! Деньги есть, чего бы по рынку не пошастать! Ладно, бог с тобой, но сына-то зачем брать? Возраст неадекватный. Понимания — ноль. А может, сама и разбаловала ребенка. Долго ли? Другие воспитанием занимаются, а не по рынкам ходят. Тут своему балбесу четырнадцатилетнему новые кроссовки не купить...

Пытаясь успокоиться, он занялся наполнением только что обмелевшего лотка с огурцами — доставал из большого желтого пластикового ящика под стойкой пупырчатые экземпляры, протирал тряпочкой, выкладывал один к одному.

Где-то за дальними столами мелькнул Кярим Ахметович или кто-то на него похожий. Белый халат. Лысина. Лаголев представил вдруг, что было бы, покатайся весь товар с прилавка под ноги покупателям (не расплатиться, сука, не расплатиться!), и судорожно сглотнул.

— Абрикосы! Редис! — крикнул он тонко.

За соседними столами заулыбались.

— Ай, душевно кричишь!

— Как петух утром!

Пришлось виновато вжать голову в плечи. Рахматулла в ответ показал большой палец и засмеялся, сверкая золотыми зубами. Конечно, подумал Лаголев. Поизмываться над бывшим приверженцем науки — чего бы и нет? Ах, и все довольные!

— Укроп!

Две женщины прошли мимо, одна что-то рассказывала другой, а та таращилась на лотки бессмысленными, рыбьими глазами. В другую сторону прошла семейная пара — мешковатый серый костюм, мешковатое, в цветочек, платье, обоим по пятьдесят. Умиляться было нечему, но Лаголев с горечью подумал, что они с Наткой до таких лет, пожалуй, не доживут. Разведутся раньше. А он потом с голоду подохнет.

Или от тоски.

— Почем абрикосы?

— Что? — Он не сразу сообразил, о чем его спрашивают, а потом суетливо, перегибаясь, полез смотреть ценник. — Сто семьдесят. Два килограмма — по сто пятьдесят.

— И не стыдно?

У пожилой женщины, спросившей его про цену, некрасиво сморщилось лицо, а глаза, прячущиеся за выпуклыми очками, налились колючим светом. Одета она была вполне прилично, серый плащ, крепкие сапожки-дутьши, шею богемно охватывал красный шарф. Из-под несколько старомодной шляпы выглядывали кудряшки. Вместо сумочки на плече у женщины желтела ляжка небольшого рюкзачка. Надо признать, вид у покупательницы был весьма эклектичный, и, уже позже, Лаголев укорил себя, что не насторожился сразу.

— Вы должны отдать мне по сто! — заявила женщина.

— Не могу, — сказал Лаголев. — Это не мой товар.

Женщина подступила. Она взгляделась в Лаголева, как, бывает, взглядываются на опознании в подозреваемых.

— Вы — дьявол? — спросила она вдруг.

Взгляд ее высверлил Лаголева насквозь.

— Нет, — ответил тот, исполняясь дурных предчувствий.

— Тогда возьмите деньги! — не терпящим возражения тоном заявила женщина.

Сунув руку в карман плаща, она достала мятую бумажку. При ближайшем рассмотрении, бумажка оказалась криво вырезанной картинкой из журнала. На одной стороне — модель в пальто. Без головы. На другой — бессмысленный из-за обреза кусок текста. Лаголев вертел бумажку в пальцах и не знал, что делать.

— Вам мало? — спросила женщина и, нырнув ладонью в карман, насыпала на прилавок еще фантиков.

Больших и маленьких.

— Я могу купить весь ваш товар! — выкрикнула она.

— Извините, — сказал Лаголев, — я не могу... не могу это принять.

Сумасшедшая, понял он. Больная на всю голову. Что ж мне так не везет-то? То бабища неадекватная на остановке, то идиотка с бумажками. Господи, весь мир, похоже, превращается в дурдом. И не мудрено. Нисколько.

Пора бежать за топором. Даже, честно, самому уже хочется. Послать всех, сбросить оковы. Мы — дикие люди, и наш бронепоезд...

— Почему? — с напором спросила женщина.

Зубы у нее блестели от слюны.

— Простите, но на это вы нигде ничего не купите, — сказал Лаголев. — Вас, наверное, обманули, что это деньги.

— Что-о?

Женщина отстранилась, а затем вдруг залепила Лаголеву пощечину. Это случилось настолько неожиданно, что он даже не успел отпрянуть. Рука оказалась длинная, протянулась над прилавком. Шлеп! Острые ногти расцарапали кожу.

— Дьявол!

Лаголев заморгал, прижимая ладонь к щеке, а сумасшедшая сгребла в горсть несколько абрикосов.

— Изыди!

Первый абрикос попал Лаголеву в лоб и отскочил под ноги.

— Вы...

— Антихрист!

Второй абрикос, посланный по неверной траектории, полетел к соседям-продавцам. Лаголев выдвинулся из-за стола. Что делать, он ещё не решил, поэтому встал барьером между столом и женщиной, раскинул руки. Не бить же ее, прости господи!

— Прекратите!

В душе, отдавая в голос, словно задрезжала от напряжения туго стянутая, ржавая пружина, грозя раскрутиться и раскромсать все напрочь. Что тогда с ним случится, Лаголев не знал. Предполагал, что сойдет с ума. Возможно, это будет кратковременное помешательство, уступка звериному, беспросветному началу. Лишь бы память благоразумно выключилась, когда это начало позовет скакать его голым по столам или, плотоядно урча, гоняться за особями противоположного пола. Ладно, это ладно, откачают, проколют, чем надо, и даже, пожалуй, исполнятся жалости, вот, мол, до чего человека жизнь довела. Не выносит нормальный человек искаженной реальности, может быть, последний такой и был. Если же рассудок помутится, скажем так, на постоянной основе, то и того лучше. Сиди себе, ковыряй в носу, считай единорогов, дружи с носками, веди военные действия с пехотным полком песочных человечков имени Сальвадора Дали. И жди ремиссии, вдруг случится. А из ремиссии, выглянув, сразу обратно. Все безумства хороши, выбирай на вкус.

Мысли эти Лаголев передумал в короткое мгновение, пока закрывал собой стол с лотками. Женщина смотрела сквозь стекла очков на него колючими, пустыми глазами.

— Дьявол!

Что-то мелькнуло в ее взгляде, будто шторка приоткрылась, что-то тревожное. Она отступила, бросила абрикосы на пол и раздавила их каблуками дугих сапожек, остервенело, как дети давят гусениц и жуков на асфальте. Впрочем, лицо ее при этом оставалось совершенно мертвым, неподвижным.

Лаголев зажмурился.

Сейчас, сказал он себе, сейчас. Привиделось, как он кричит, как бьет сумасшедшую дуру в лоб, очки слетают, накрашенный, обметенный морщинками рот распахивается, но, конечно же, богемный шарфик дан нам не просто так, беремся за красные концы, сильнее, сильнее, нам в горле задушить поможет...

— Чего стоим, Саша?

Лаголев открыл глаза.

Неслышно подобранный Кярим Ахметович внимательно заглядывал ему в лицо, словно ища признаки душевного нездоровья. А до нездоровья было недалеко. Рукой подать,

абрикосом добросить.

— Здесь женщина... сумасшедшая...

Лаголев заглядывался. Народу было немного, но в движении, в толкотне у столов и на выходе, в мешанине верхней одежды, платков и шапок, ему так и не удалось вычлениить ни серый плащ, ни шляпу с полями. На мгновение даже подумалось, что женщина специально затаилась где-то в закутке или за одной из стальных опор, поддерживающих высокую крышу рынка. И хихикает. А что? Не может быть?

— Не туда смотришь, Саша, — с укором сказал Кярим Ахметович. — На прилавок смотри, на овощи-фрукты смотри.

Он с кряхтением наклонился и подобрал раздавленный абрикос.

— Это не я, — сказал Лаголев.

— Ты следить за товаром должен, Саша. И торговать должен.

— Я как раз...

Кярим Ахметович отмахнулся от слов, как от назойливых насекомых. Брезгливо, полужестом, едва намеченным движением пальцев.

— Дай мне тысячу из коробки.

— Сейчас.

Лаголев вернулся за прилавок, чувствуя на себе взгляды скучающих продавцов-соседей, и нырнул рукой на знакомую полку.

Опа! Коробки на привычном месте не было.

Лаголева бросило в жар, в озноб, в оторопь, но, к счастью, по-настоящему испугаться он не успел — судорожно шевельнул рукой, и край картонной стенки с готовностью царапнул ладонь. Господи, сам же сдвинул в сторону!

— Саша.

— Да-да.

Лаголев торопливо отсчитал тысячу, дважды открепляя липкую сторублевую купюру. Лишняя ты, лишняя. Душа дергалась, как на сдаче выручки Руслану. От сходства хотелось реветь белугой.

— Вот.

Он вынырнул, вспотевший, раздерганный, с рукой, похожей на ветку, вдруг разродившейся шелестящим цветком с разноцветными лепестками.

— Медленно, Саша. Ты все делаешь медленно.

Кярим Ахметович взял деньги и пошел прочь. Степенно, чуть косолапя, подшаркивая сандалетами, как и должны ходить хозяева жизни. Какой шашлык сможет сбежать от такого человека? Э, будь он даже вполне живым барашком...

— Кярим Ахметович, — набравшись смелости, позвал Лаголев.

Кожаная куртка на спине Кярима Ахметовича застыла кривой складкой. А поворот головы был, наверное, достоин какого-нибудь древнеримского патриция, к которому обратился с просьбой пусть собрат-римлянин, но, увы, плебей. Высоко поднятая бровь выразила все его отношение к собеседнику.

— Что-то еще, Саша?

— Вы обещали заплатить мне сегодня, за два месяца.

— Сегодня? — очень натурально удивился Кярим Ахметович.

— Да.

— Ай, Саша, значит, заплачу! Ты работай, работай. Ты плохо сегодня работаешь.

Опоздал. Вечером все решим.

— Мне просто нужно...

— Работай, Саша. Кярим Ахметович сказал, что заплатит, значит, заплатит. Не переживай, да?

— Спасибо.

— Э!

Кярим Ахметович широким жестом вкрутил невидимую лампочку над бургистым затылком. В его восточной душе, видимо, только так можно было выразить отношение к глупому беспокойству работника.

Э!

Лаголев выпил воды из бутылки, стоящей под прилавком, мысленно встряхнулся: работаем! Левон (ласково — Левончик), провозивший мимо тележку, груженную клубникой и огурцами, на секунду подскочил к столу:

— Надо чего?

В круглых карих глазах, грустных, как у незабвенного Фрунзика Мкртчяна, застыло ожидание ответа.

— Да нет, — Лаголев окинул взглядом разделенное пластиком и дощечками овощное и фруктовое изобилие, зеленое, красное, желто-оранжевое. — Ну, может быть...

Просить было неловко. Вроде и сказано: проси, а все равно через силу. Нет жилки командной. Ну нет. У Натки вот есть, она и генерала, и фельдмаршала включить может — не знаешь, куда спрятаться.

— Не тяни, брат, — попросил Левончик.

— Может, помидоров еще? — несмело предположил Лаголев. — Килограмм пять?

Смуглое лицо Левончика сморщилось, оттопырило уши и губы.

— Помидоры плохие остались. Твердые. Нитрат один. Я ел, Марик ел, Додик ел, потом все животом болели. Лучше я тебе нектарины привезу.

— Зачем мне нектарины?

— Купят! — заверил Левончик.

Он махнул рукой и исчез с тележкой в одном из отворотов. Сосед Рахматулла слева рассыпался рахат-лукумом перед потенциальными покупателями — полной женщиной и ее взрослой дочерью. Поэму можно было написать. О, свет очей моих, купи себе киш-миш. О, серна, о, джейран, я уступлю в цене.

Лаголев так не мог.

— Огурцы, помидоры, абрикосы! Помидоры кончаются!

Мать с дочерью оглянулись на его голос. Кто это? Что это? Оно еще и говорит! стыдно стало до мурашек. Лаголев улыбнулся им, но понял, что сделал это впустую — женщины уже отвернулись. Конечно, там же: о, звезда моего сердца, о, мед моих слов, я не знаю, как жить, если вы не возьмете петрушку.

— Не проходите мимо! — выкрикнул Лаголев, внутренне скручиваясь от собственной никчемности.

Вокруг шаркали, постукивали каблуками, шуршали одеждой, солнце плыло за рядом верхних, под крышей, окон, чирикали воробьи, смешивались голоса. Вроде все как всегда, как раньше, как пятнадцать и двадцать лет назад, птицы и солнце, где-то чуть подновлено, где-то чуть подкрашено, но вы спуститесь, спуститесь с ферм вниз, здесь все жрут друг друга, и, чтобы выжить, приходится драть горло, давя из себя себя.

— Фрукты! Овощи!

Господи, соки-воды. Мать с дочерью, накупив всего у Рахматуллы, в его сторону даже не пошли. И пусть! Он не сам, его жизнь заставляет. Понимаете, жизнь! Хорошо ходить между столами, выбирая, прицениваясь, сравнивая сорта, когда ты можешь позволить себе это купить. А он может позволить себе только некондицию, которую Кярим Ахметович по-барски отпускает своим работникам почти задаром (Гульнар, впрочем, всегда первая). И килограмм обычных помидоров с рынка пробьет брешь в его финансах на полтора месяца, потому что за квартиру — плати, за домофон — плати, за проезд — плати, за стенку и телевизор в кредит, за стиральную машину в рассрочку, сыну — на одежду, обувь, какие-то карманные расходы, а еще на какие-то шиши надо существовать до следующей заработной платы, перебиваясь с хлеба на хлеб, и это хорошо, что хлеб еще дешевый.

А себе — хотя бы носки и джинсы. Но хрен там. И с Наткой они уже с полгода никуда не выбирались. Трещит семейная жизнь.

Много всего на душе. Много горечи и злости накопилось. Бьешься, бьешься, крутишься беличьим самцом в колесе, а вы смотрите по-рыбьи: чего там придурок от прилавка кричит? От радости я глотку деру. От радости.

— Покупай! Налетай!

Как на панели.

От несправедливости, от крика в горле застрял ком. Протопнуть бы его с водичкой, да все Гульнар выпила — пустая бутылка под прилавком. Та еще цаца, кстати. Ни здравствуй, ни до свидания. Родственница толстозадая. Все они там друг другу родственники. Чего сюда едут? От хорошей жизни? Едут и едут. Копятся, расползаются по рынкам, как саранча, а дома им не торгуется. Потому что русских повыгоняли, растащили все, что при Советах было построено — ай-яй-яй, холодно и голодно стало.

Ведь правда, правда.

Накрутив себя, Лаголев едва не гавкнул на какую-то старушку, подслеповато приблизившую к ценнику глаза.

— Что...

Сухость в горле спасла, дала опомниться. Он даже ущипнул себя пальцами правой за левую. А так бы — гав-гав-гав! И в сумасшедший дом. Хотя вот же, в сумасшедшие дома сейчас тоже не всяких определяют. Нет финансирования на большое количество сумасшедших. Ишь чего, пожить захотели за казенный счет и прикидываются! Докажи, что буйный. Докажи, что общественно опасный.

Не буйный и не опасный — домой, домой, пусть родные с тобой, болезным, мучаются, а не государство.

— Что-то подсказать? — в конце концов, кашлянув, спросил Лаголев старушку.

— Не вижу, сколько у вас редис стоит, — сказала та.

— Семьдесят.

— Господи! А я думала, там единичка.

— Не сезон пока для редиски.

— Не, я уж не куплю.

Старушка махнула рукой и пошаркала дальше в своем замшелом пальто. Старенькая, такая же вызывающая жалость как та, что выманила у него десятку. Лаголев сжал челюсти. Ну, нет. Он не подает больше. Хватит. Кто бы ему помог. А? Нет желающих? Половину дня уже криком исходит.

— Овощи! Фрукты!

Торговля вяло, но шла. Будний день. Рынок закрывался в семь, но уже к половине седьмого едва десяток покупателей бродил между столами. До Лаголева они не добирались, останавливаясь у первых от входа столов. Не всемогущ Кярим Ахметович, не смог выбить себе место получше.

Впрочем, на полторы тысячи Лаголев точно наторговал. Встрепенувшись, он достал коробку и проверил выручку. Одна тысяча шестьсот двадцать рублей. Совсем не плохо. У него и по семьсот рублей за смену бывало. Еще бы двести, и, считай, у него на руках зарплата за два месяца, что Кярим Ахметович должен.

Вокруг разбирали лотки, кто-то сметал мусор, кто-то торопился с пластиковыми мешками к контейнерам, громыхали тележки, увозя скоропортящиеся овощи и фрукты к рефрижераторам, выстроившимся на заднем дворе. Столы накрывали пленками. Оставляя за собой влажный след, по проходам поехала юркая поливомоечная машина.

Под сводом расчирикались воробьи.

— Эй!

Левончик затормозил с пустой тележкой у стола.

— А Кярим Ахметович? — спросил Лаголев.

— Там, — неопределенно мотнул головой Левончик. — Нектарин продал?

— Продал.

— Я же тебе говорил!

Вместе они загрузили тележку ящиками и лотками, коробку с яблоками спрятали под стол.

— Деньги, — протянул руку Левончик.

— А Кярим Ахметович?

— Я ему передам. Он просил.

— Но...

Лаголев механически опустил купюры в чужую ладонь.

— Ты уберись пока здесь, — сказал Левончик.

Он спрятал выручку в карман халата и в два приема развернул тележку. Колеса загромыхали по бетону.

— Но он придет? — крикнул Лаголев в худую спину.

— Конечно, придет! — отозвался Левончик. — Он шашлык кушает!

Лаголев, вздохнув, вооружился щеткой. Минут десять выскребал сор, листья, стрелки вялого лука из-под оставшихся лотков, из зазоров, подобрал половинку раздавленного абрикоса и выбросил в урну.

Под потолком зажгли лампы. Рынок пустел. Исчез Рахматулла, пропала дородная женщина, торговавшая с ним по соседству фермерским картофелем. Люди выходили в двери.

Лаголев снял халат и, сложив, убрал его под стол. Все. Он покрутил головой, выглядывая Кярима Ахметовича.

— Зак-ириваемся, уважаемый, — сообщил ему парень в тубетейке.

— Да, я знаю, — кивнул Лаголев, — я жду.

— Все уже, ворот зак-ириваем, — сказал парень.

— Что? — не понял Лаголев.

Собеседник показал руками — свел вместе, сцепил пальцы.

— Зак-ириваемся. Рынок.

— Но я...

— Нет-нет-нет, — закачал головой парень. — Стой. Сейчас. Нодир! — крикнул он, как, наверное, кричат в горах или в степи. — Нодир, иди!

И добавил что-то на незнакомом Лаголеву языке, отзвуки которого заметались под сводом.

Из каморки при входе выглянул человек в черной форме охранника с кружкой в руке и что-то недовольно спросил.

Лаголев снова не разобрал. Тарабарщина.

— Нодир, — парень указал на Лаголева. — Он!

Нодир спрятал кружку в каморке и вразвалочку, чуть косолапя, пошел между столами. Выглядел он старшим братом парня в тюбетейке, такой же смуглый и скуластый, такой же плосколицый, с тем же узким разрезом глаз.

— Домой иди! — крикнул он Лаголеву еще за метр.

— Я не могу, — сказал Лаголев. — Я жду хозяина.

— Нет хозяина, — оглянувшись, сказал Нодир.

— Он придет.

Охранник нахмурился и обменялся с парнем в тюбетейке короткими фразами. В руке его появилась снятая с пояса дубинка.

— Туда иди! — показал он дубинкой на двери. — Там жди. Здесь нельзя.

— Зак-иривается.

— Мне деньги должны, — упавшим голосом произнес Лаголев.

Нодир пристукнул каблуком.

— Там ищи!

Конец дубинки, покачиваясь, все так же смотрел на двери.

— Спасибо, — сказал Лаголев и пошел прочь.

Хотя зачем «спасибо»? Кому «спасибо»? — вертелось у него в голове. «Спасибо», что дубинкой не ударили?

Нодир проводил его до выхода, даже похлопал по плечу. Вечер дохнул холодом. Створки закрылись у Лаголева за спиной. Он встал на широких ступенях, глядя на асфальт, на каркас автобусной остановки, освещенный уличным фонарем, на пятна луж.

В кустах, застряв, шелестел обрывок плаката.

Все это подмечалось как-то исподволь, ненужными, лезущими в глаза деталями, растрепанным фоном для внутренней, звенящей пустоты. Подумалось: как так? Я же рассчитывал. Я, в конце концов, человек. Так это оставлять нельзя.

Осознавая, насколько близок он к безобразной истерике, Лаголев пошел в обход рынка к заднему двору. Ребро ладони так и пробовало на прочность прутья ограды. Рукой, рукой, ногой. Пум, пум, бам!

— Это же моя зарплата, — вслух зашептал Лаголев, не замечая рыдающих ноток в голосе. — Я на него два месяца... Не было в тот раз, я понимаю, деньги в товаре, товар в дороге, можно войти в положение. Но сейчас?

Он мотнул головой и зашагал быстрее. Мутная, темная волна поднималась в душе. Горечь сжимала пальцы. Теперь уже костяшками в железо — пум. Больно. Но все равно, вызовом, — пум! Еще бы топор!

Ворота, через которые заезжали на задний двор грузовики, были не заперты, только сдвинуты вместе. Лаголев протиснулся между створками и мимо прицепов и фургонов

направился к палатке с мангалом, лавками и белым столом. Человек пять там гортанно переговаривались, смеялись. Мангал сыпал искрами. Запах шашлыка набивался в ноздри.

— Здравствуйте, — подошел Лаголев.

Сразу стало тихо. Блики огня пятнали носатые, настороженные лица.

— Э, ты кто? — спросил кто-то.

— Мне Кярима Ахметовича, — сказал Лаголев.

— Кого?

— Кярима Ахметовича.

Сидящие переглянулись.

— Нет такого.

— Он мне денег должен.

— Не знаем, — качнулась кудлатая голова. — Хочешь шашлык?

К Лаголеву просунулась рука с одноразовой бумажной тарелкой. На тарелке дымился только что снятый с шампура кусок мяса.

— Вкусный.

Внутри у Лаголева все затряслось от злости. Сволочи! Выгораживают своего! Всегда и всюду, несмотря на вину. А если тот вор, убийца? На миг подумалось: выбить тарелку, полезть в драку, вымещая отчаяние в порыв. Изобьют? Скорее всего. Но так даже лучше. Тело придет в равновесие с душой. Больная душа, больное тело.

Не решился.

— Мне бы Кярима Ахметовича, — повторил Лаголев.

— Э! — встала с лавки фигура, взмахнула рукой. — Иди отсюда! Нет здесь его!

— А где он?

— Не было здесь!

Лаголев сник. Что делать дальше, он не представлял. Кто-то так и держал перед ним тарелку с шашлыком.

— Спасибо, — сказал Лаголев.

Он взял тарелку и пошел обратно к воротам. За спиной снова заговорили о своем. Мясо пахло. Лаголев вспомнил, что не ел с утра. Яичницу из двух яиц серьезным завтраком не назовешь. Тем более, без хлеба. Сын-то хлеб с маслом по ночам в одно горло наворачивает. Растет.

Рот вдруг оказался полон слюны. Лаголев жадно запихнул шашлык в рот, и всю дорогу до дома жевал его, размалывая зубами на волоконца. Кярима Ахметовича можно достать и завтра, решил он. Нет, послезавтра. Завтра — выходной. Досадно, что он Натке зарплату анонсировал. Хотели по такому случаю по магазинам прошвырнуться, те же кроссовки оболтусу купить. Теперь-то, конечно, вряд ли.

Но на кредит и рассрочку хватит. Натка разозлится, как пить дать. В последнее время у них вообще не ладится. Она — в кровати, он — на кресле. Семейная жизнь!

А так как бы вместе.

Настроение, чуть приподнятое шашлыком, с последним жевком покатило вниз. У мусорных контейнеров на Лаголева еще свалилась какая-то баклажка с дрянью, которую неведомые засранцы поставили прямо на выгнутую контейнерную крышку. Стоило ему запнуться, и баклажка слетела, а дрянь обрызгала джинсы. Лаголев едва не зарычал. С минуту он корчился в темноте, прияхиваясь, моча, не моча, оттирая о траву разношенные, худые ботинки. В чередѣ случившихся с ним за день неприятностей, эта казалась вишенкой

на торте. Бывает же: торт из дерьма и — вишенка.

Радуйся!

Только уже у подъезда Лаголев понял, что с вишенкой обознался. Вишенкой была компания из трех хмурых личностей, которая перехватила его у скамейки.

— Тихо, дядя! — просипел один, видимый в половину испитого лица, подтягивая его к себе.

Второй кольнул Лаголева острым в солнечное сплетение, чтобы не думал рыпнуться. Ловкие руки третьего хлопнули куртку и выловили мелочь из джинсового кармана. Ключи пожалели, автобусный билет выкинули.

Весь процесс грабежа занял не более трех секунд.

— И это все?

Мелочь на ладони поднесли к лицу.

— Все, — сказал Лаголев.

— Ты что, доходяга что ли? — поинтересовался, обдав алкогольным выхлопом, первый.

Нижняя губа у него была влажная, оттянутая книзу. Ей очень не хватало квелой папиросины, просто-таки просилась для образа.

— А вы найдите работу! — прорвало Лаголева. — Найдите, а я посмотрю! И мы вместе посмеемся! И если заплатят обещанное, то посмеемся во второй раз. И по...

Укол ножом заставил его умолкнуть.

— Безработный? — просипел тот, кто обшаривал карманы.

— Да!

— А по профессии кто?

— Биолог!

— У-у! — выдохнул первый. — Динозавр! Уважаю. Биолог! Еще скажи — генетик.

— Научный сотрудник лаборатории...

— Понятно, — грабитель сплюнул в кусты. — Малый, верни мелочь динозавру. Не хочу, чтобы кто-то из них из-за меня вымер.

— Зла не держи.

В руку Лаголеву стукнули монеты.

— И как бы это... ну, чтобы по понятию... — сказал второй.

Шмыгнув носом, он ударил Лаголева кулаком в живот, и, пока тот, сложившись, хрипел на земле у скамейки, троица растворилась во тьме вечера.

Лаголев полежал, тронул деньги, спрятанные в носке, и поднялся. Вишенка на торте! «Эй! — чуть не крикнул он, задрал голову к темно-синему небу. — Что-нибудь еще? Я жду! У меня был замечательный день! Очень не хватает молнии в темечко для комплекта!».

Впрочем, ожидать ответа было бы форменным сумасшествием. Лаголев отряхнул штанины и шагнул в подъезд.

Явился.

Натка с брезгливым ожиданием смотрела, как Лаголев, раздеваясь, топчется в прихожей. Уляпал где-то джинсы, глаза виноватые. Что-то опять с ним случилось. Ну как же иначе? По другому же не бывает! Господи, подумала Натка, раздражаясь, когда вместо того, чтобы нормально повесить куртку, муж оборвал петлю, ну откуда руки-то растут? Из задницы растут! Знакомьтесь, мой муж.

— Тут это...

Лаголев повернулся к ней со слабой улыбкой.

— Просто повесь, — сказала Натка.

— Прости, задержался.

Натка бросила взгляд на круглый циферблат «Кварц» на батарееках, посаженный на гвоздь, конечно же, известно чьими руками.

— На час, — сказала она.

— Там ситуация, — шевельнул плечами Лаголев.

Хотел, видимо, что-то прибавить, но сдержался. Это постоянное одергивание самого себя, честно говоря, Натку в муже уже бесило.

— Понятно. Есть будешь?

Лаголев кивнул и зачем-то вытер губы тыльной стороной ладони. Натка, почти шагнувшая в кухню, развернулась.

— Ты уже перекусил где-то что ли?

Лаголев замялся. Глаза сразу в сторону. Ни дать ни взять поймала с поличным. Ох, как ей вдруг захотелось ему врезать! В унылое, осточертевшее до колик лицо. С трудом вспомнила, что восемнадцать лет вместе прожили.

— Так что?

— Угостили шашлыком.

— И поэтому ты на час опоздал?

Лаголев не ответил, бочком-бочком, виновато улыбаясь, протиснулся в санузел. Эта перманентно виноватая улыбка тоже бесила, просто наизнанку выворачивала. Натка чуть ногу в дверь не вставила, чтобы не заперался. Не следишь за идиотами, сама дура. То кран сорвут, то дорогое мыло себе на клешни пустят.

— То есть, хлеб ты не купил? — спросила Натка.

Лаголев вынырнул из санузла.

— Пусть Игорь...

— Игорь уже! Игорю напоминать не надо! — сказала Натка. — Сын, правда, весь в тебя, вместо черного хлеба батон принес!

— Другого не было! — крикнул из комнаты Игорь.

Когда не надо, со слухом у него было все в порядке. А когда надо, например, те же шторы поменять, не дозовешься. Яблоко от яблоньки в ванной недалеко падает.

— Я тебе так тапки куплю! — крикнула в ответ Натка. — И скажу, что кроссовок не было!

— Ну, ма-ам!

Горестный вопль сына сопровождал стук опрокинутого стула. Тоже нервы. Все тут на

нервах. У всех — особенности! Все, видите ли, показывают, какие они ранимые, как им непросто живется, требуют понимания, участия и, вообще, чтобы не мешали. Хоть раз у них в головенках промелькнуло, что и она тоже нуждается хотя бы в покое? Что, нет желающих об этом подумать? Милая, милая семья!

— Натусь, ну, ты чего? — встрял, снова высунувшись, Лаголев.

— Ничего, Лаголев. Ничего! — в конец разозлилась Натка. — Джинсы снимай, трусики твои там висят.

— Я сам застираю.

— Ага, застираешь! Застиратель нашелся!

— Нат, — Лаголев смочил физиономию и стал похож на побитого пса. — Хватит, а?

— Не хватит!

Чувствуя, что срывается, Натка переместилась на кухню, больно стукнулась об угол стола и встала у окна. На подоконнике некуда было пальцы положить — все теснились, жались к стеклу какие-то блюдечки, формочки, фаянсовые плоски, из которых тянулись на свет былинки, стебельки, листья, крохотные бочкообразные кактусы. По идее (Лаголева, чьей же еще?) все это зеленое богатство предназначалось радовать взгляд, но что-то не радовало.

Время от времени Натку так доставал заставленный подоконник, что она находилась в секунде-другой от того, чтобы сгрести посуду вместе с землей и ростками в помойное ведро.

Останавливало всегда одно: растения ни в чем не были виноваты. Кого уж признавать виновным и судить, так это существо, в трусиках и майке босиком несмело вышедшее на кухню из санузла. Что-то Лаголев даже сесть уже боится.

Лаголев!

Не Саша, не Сашка, не Александр и даже не Шурик. Боже упаси! Только по фамилии, и вслух, и мысленно, чтобы не ассоциировать себя с этим неприспособленным рохлей. Чтобы лишней раз не задавать себе вопрос: как, как она могла прожить восемнадцать лет с ним в одной квартире? Не вспомнить уже, чем завлек дурочку девятнадцатилетнюю. Может, как раз своей мягкотелостью и завлек. Ай, ой, Наточка, Натусенька... Много ли надо дурочке? Слово шепнуть, по головке погладить.

Игоря как-то еще родили! Тоже удивительно. Собственно, Лаголев даже старался, какой-то запал что ли у него был. И коляску приобрел, и поддерживал, и ухаживал, но, скорее всего, из-за страха, как бы чего не случилось. Вроде же и любили друг друга когда-то.

Натка смахнула злую слезу. За окном было темно. Цепочка фонарей перебежала через улицу и пряталась за тополя.

— Натка, ты как?

Засюсюкал!

Сколько же в нем отвратительного, гадкого, раздражающего дерьма! Ничего не может, только сюсюкает. Тут бьешься, как рыба об лед, еле сводишь концы с концами, себе — ничего, все ему и сыну. А в ответ?

— Никак я, все нормально, — сказала Натка. — На ужин — гречка с курицей.

— Класс! — сказал Лаголев.

Натка чуть не фыркнула на показной энтузиазм.

— Ты деньги принес? — спросила она, повернувшись. — Надо, знаешь ли, за кредит платить. Уже день просрочки.

Физиономия Лаголева сразу погасла.

— У меня — вот.

Он выложил на стол скомканные купюры. Подвинул их от себя, будто они были грязные или заражены.

— Сколько? — спросила Натка.

— Двести девяносто.

— И все?

Лаголев побледнел. Имел бы панцирь, весь в него и спрятался. И физиономия стала — как у попрошайки на улице, которому никто не подает. Шлепнуть бы по ней и раз, и другой! Чтобы слиплись глазки эти прищуренные.

— На рынке завтра... послезавтра...

Натку передернуло, но она замаскировала это движение тем, что отвернулась к плите.

— Что?

— Ну, выдадут. Должны.

— Ты потребовать можешь? — Натка взяла тарелку с посудной полки. — За два месяца, там, кажется, у тебя уже накопилось.

— Понимаешь, — замямлил Лаголев, — Кярим Ахметович...

— Носатый этот?

Натка плюхнула пластиковой лопаткой захладевшую гречу в тарелку. Не разогревать же Лаголеву второй раз? Обойдется, и так сожрет. Тем более, что не заслужил.

— Ну, да, ты его видела. Я просто не поймал его сегодня.

— А он не знал, да?

— Знал.

— Ясно, ты не смог настоять.

Натка выбрала со сковороды кусок курицы, водрузила его на гречку и поставила перед мужем его поздний ужин.

— Ешь.

— Еще хлеба, если можно, — попросил Лаголев.

Каким-то чудом Натка смогла спокойно открыть хлебницу, достать оставшуюся треть батона и положить на стол.

— Вилку тоже дать? — выразительно посмотрела она на мужа.

Сморщился. Понял.

— Я сам.

Сутулое ничтожество! Господи, скривилась про себя Натка, с души воротит. Похоже, пора разводиться. Квартиру только делить не хочется. Все вкладывались, и его родители, и ее, сами лет пять только на нее и впахивали.

Но ведь невозможно жить дальше!

— Нат, — подал голос Лаголев.

— Да?

— Сядешь рядом?

Был у них такой ритуал. Жена влюбленными глазами должна смотреть на то, как ее избранник употребляет ее стряпню. Вроде как общность. Вроде как возможность показать друг другу свои чувства. Поговорить. Только о чем говорить с Лаголевым? Был бы Шурик, еще можно было бы найти какие-то точки соприкосновения. С Лаголевым точки у каждого свои.

— Хорошо, — словно назло себе согласилась Натка и опустила на стул напротив. —

От меня не убудет.

— Сейчас.

Лаголев вскочил, поставил чайник на плиту, включил газ и снова сел.

— Сидим? — спросила его Натка.

— Сидим.

— Ешь.

— Ага.

Говорить было не о чем, играли в гляделки. Лаголев церемонно жевал. Ну ни на грош не было в нем маскулинности, мужского начала. Уставший мужик как ест? Торопливо, жадно, с аппетитом. Дикарь! Добытчик! А этот? Куриное филе — ножичком, будто в ресторане. С хрена ли мы в ресторане? Впрочем, по-мужски у Лаголева есть и не получилось бы, сколько он не старайся. Вот по-свински, это пожалуй.

И, извините, есть разница.

— Завтра идем? — спросил Лаголев.

— Куда? — спросила Натка, глядя через плечо в окно.

Все интересней. Нет этой физиономии, в которой перманентная виноватость мешается с унылостью. Темнота приятней. Через темноту — пятнышки чужих окон.

— По магазинам. Мы же хотели. У меня выходной.

— А деньги?

Лаголев посмотрел на холмик из купюр у Наткиной руки.

— Ну, не все же на кредит. Рублей двести останется.

— И что мы купим? — наклонилась к нему Натка. — Кроссовки, знаешь, сколько стоят? Восемьсот пятьдесят!

— Ну, можно же кроссовки оставить на потом. Я послезавтра...

Натка не стала дожидаться, когда Лаголев обрябит свою мысль в завитушки междометий и прилепит ей крылышки предположений.

— Игорь! Сынок! — крикнула она. — Никаких тебе кроссовок завтра! У нас папа без денег пришел!

— Ну, Нат... — начал Лаголев, но было уже поздно.

Сын с шумом притопал на кухню. Долговязый, в шортах и растянутой футболке с трафаретной надписью «FIFA 96», он встал на пороге, стиснул кулаки и напрягся.

— Эй, вы чего? Вы же обещали!

Тощий, как глист. А не прокормить. Волосы отрастил, пора в косичку заплетать. Лаголев номер два.

— У отца спрашивай, — ядовито сказала Натка.

Сын нервно стукнул костяшками в косяк. Глаза у него сделались стеклянные, с искорками близкого срыва. Губы задрожали.

— Бать, мы же два месяца назад договаривались!

Но Лаголев и перед отпрыском своим показать себя не мог. Голову в плечи втянул, ложку с гречей в рот засунул. Нет, чтоб грохнуть кулаком по столу. Кто хозяин в доме-то? Имел право, тюфяк.

— Па-ап.

Нет, не получится у Лаголева отмолчаться, злорадно подумала Натка.

— Ответь, ответь сыну-то, — сказала она.

Лаголев вынул ложку.

— Игорюшка...

Яблочко пятнадцатилетнее аж передернуло. Уменьшительно-ласкательные от родителя его, видимо, бесили, как и Натку. Хоть что-то от матери перенял.

— Так кроссовок не будет?

— Завтра, нет, послезавтра мне отдадут деньги, — сказал Лаголев, — это точно, и тогда мы, как и планировали...

— Блин, верить вам! — Игорь притопнул ногой. — Да-да! Твои новые кроссовки у нас в приоритете! — передразнил он. — А сами?

— Игорек.

Впустую. Секунда — и нет сына. Без слов усквозил к себе в комнату. Зато дверью там бахнул — любо-дорого. Наверное, обои поотставали.

— Что? — выговорила Натка Лаголеву. — Добился? У парня уже год нормальной обуви нет. Какая девчонка с таким нищесбродом на свидание пойдет?

— Не в деньгах же дело, — сказал Лаголев.

— А в чем?

— В голове. В душе.

Натка захохотала.

— Ты себя-то слышишь, Лаголев? На него ж даже не посмотрит никто! Он ботинки твоего брата донашивает!

— Хорошие ботинки.

— Лаголев, ты дурак?

— Нет.

Зашипел чайник. Натка выключила газ. Игорь мелькнул в проеме, одетый в джинсы и в толстовку, потом, уже в куртке, в обуви, заглянул на кухню.

— Ненавижу! — прошипел он и выскочил из квартиры.

— Это он тебе, — сказала Натка.

Лаголев поежился.

— Он же не прав, Нат.

— А кто прав? Ты прав? Надо же! — всплеснула руками Натка. — Ты семью прокормить не можешь! Если бы я не работала, сдохли бы уже вместе с тобой и твоей заботой.

— Нат.

— Что — Нат?

— Не бесись, — сказал Лаголев. — Пожалуйста.

— Что? — взвилась Натка. Но постаралась тут же взять себя в руки. — Ты поел? Все. Наливай чай и иди, мне здесь прибраться надо.

— Хорошо.

Лаголев шагнул к чайнику и, оказавшись за спиной, попытался неловко ее обнять. Одну руку пропустил к животу, другой поймал за грудь. Никаких ощущений. То есть, ощущения были, но совсем далекие от страсти или желания. Натке подумалось, что так мог бы обнимать вежливый, виноватый зомби.

— Брысь!

Лаголеву хватило окрика и шлепка по ладони. Он отступил, завозился с чаем: звякнул ложечкой, вытащил пакетик, плеснул кипятка. Не надо было даже поворачивать голову: все было в звуках, приглушенных, стесненных.

— Знаешь, что? — сказала Натка. — Я возьму в долг у Поляковых. На неделю они без процентов дадут.

Чувствовалось: Лаголев занемел спиной. Занемел весь.

— Может, не надо? — спросил он.

— А сын у тебя босиком ходить будет? Или еще по психу из окна выбросится. Что ты тогда делать будешь?

— Что он, два дня не подождет?

Натка скривилась.

— Ты налил?

— Налил.

— Ну и иди.

— Нат, — встал перед ней Лаголев, — ну, бывает. Я виноват.

Выбесил.

— Очень хорошо, — сказала Натка, — значит, завтра мы с Игорем идем за кроссовками. А ты разбираешь антресоли и перемещаешь холодильник.

— Куда?

— На полтора метра правее.

— Нормально же стоит.

— Это для тебя нормально! — взорвалась Натка. — А я бы стол наконец к окну подвинула. Чтобы в тот угол можно было спокойно сесть! И вымыть линолеум там нужно. Воняет, то ли вода протекла, то ли еще что. И если ты не слепой, то увидел бы, что холодильник часть окна своей тушей загромождавает, ни встать, не пернуть!

— У нас — широкое окно.

— Заткнись!

— Нат.

— Все, это решено! Хоть какая-то польза от тебя будет. А то все, как с козла молока. Можешь еще балкон разобрать.

— Я думал, мы вместе...

Натка издала горловой, захлебывающийся звук.

— Вместе! Когда ты мне помогал? Ты денег из своего азера выбить не можешь! Руки у тебя, сказать, откуда растут?

— Не надо, — буркнул Лаголев.

— Иди! — махнула рукой Натка.

Она взяла его тарелку, опустила в раковину, нарочно производя, как можно больше шума, чтобы не стоял вечной занозой, включила воду, подобрала ложку, крышку от сковороды, обернулась: ушел.

От злости даже подташнивало.

Ничего, ничего ведь не может! Только взбесить. Обниматься он насобачился! Герой, блин, любовник. Сексом уже месяца четыре не занимались. Или полгода? А почему? Просто противно. Пр-тив-но! Это все-таки близость. А какая близость может быть, если особи противоположного пола — Лаголев? В этом и вопрос.

Натка иступленно принялась оттирать посуду от остатков еды. Нормальный бы муж — что? Купил бы посудомоечную машину, а не заставлял жену чистить тарелки за собой. Поел он! Греча ему, видно, поперек горла встала, когда она про кроссовки заговорила. Оставил ложку или две. А курицу всю употребил.

Натка сбросила гречу в помойное ведро. Потом вымыла тарелку сына. Взялась за ножи и вилки.

Вода шипела, колола кожу. Не вытерпела, с мокрой тряпкой пошла в комнату. Там — новость: Лаголев устроился с кружкой на диване.

Пьют оне, барствуют!

— Вот знаешь, — сказала она, — если послезавтра денег не будет, мы крупно с тобой поссоримся. Я вообще тогда подумаю о разводе.

Лаголев моргнул.

В телевизоре шла какая-то демонстрация, красные флаги соседствовали с белыми, то ли коммунисты сдавались, то проходила акция в поддержку не понятно чего. Снега, может быть? Нет, делать людям нечего! Такое ощущение, что они по любому поводу готовы строиться в колонны и идти к Кремлю.

Ура! Долой! Да здравствует!

— Хорошо, — сказал Лаголев.

Натка, отвлекшаяся на телевизионную картинку, не сразу смогла переключиться.

— Что?

— Я говорю: хорошо, — повторил Лаголев. — Нат, я устал. Давай сегодня не будем цапаться.

Он был все-таки идиот.

Восемнадцать лет живет с человеком и не знает, что, когда жена на взводе, предложение успокоиться ее только больше распаляет. Или намеренно провоцировал? Ах, это было уже не важно, не задержалось в мозгу. Натка кинулась в скандал, как в последний бой.

— А почему это мы не должны цапаться? — спросила она высоким голосом, встав от Лаголева справа.

Это была маленькая женская месть. Не любил Лаголев, когда ему в левое ухо кричали. Чувствительное, видите ли, восприимчивое было ухо. Отитное.

— У нас что, все хорошо? — Натка покрутила тряпкой у Лаголева перед носом. — Мы что, в деньгах купаемся? У нас сын в новых кроссовках ходит? Я, наверное, что-то не то говорю. Мы сейчас обнимемся и станцуем. Мы же всегда так делаем, когда у нас в квартире шаром покати. И в головах тоже.

Лаголев склонил голову влево и закрыл глаза.

Словно устранился, уплыл, представил себе, что Натки здесь нет. Или его здесь нет. Только бесполезно. Натка тронула его за плечо.

— Ты от разговора не уходи.

— Нат, я все понял, — не собираясь на нее глядеть, пробормотал Лаголев. — Зачем по десять раз повторять? Я понял.

— Да?

Он добился того, что довел-таки Натку до рукоприкладства. Пощечина вышла звонкая. Бац! Палец зацепился за Лаголевскую губу и дернул ее вниз.

— Ты дура? — вскочил Лаголев.

Продолговатый след от щечины мгновенно образовался на его щеке.

— Не смей от меня отворачиваться! — крикнула Натка.

— Да ты десять раз повторяешь одно и тоже! — заорал в ответ Лаголев.

Показал себя! Мужик!

— Потому что с идиотами только так и возможно общаться! — Натка тряпкой махнула у него перед носом.

— Не надо тут! — Лаголев попытался перехватить тряпку свободной от кружки с кофе рукой, но это ему не удалось.

— Ой-ой! — насмешливо сказала Натка. — Кружку положи!

Лаголев скрипнул зубами.

— Я тоже могу ударить! — процедил он.

— Ты?

— Я!

— Тогда я тебя посажу! — сказала Натка.

— А так?

Кофе плеснуло Натке в лицо. Ход был достаточно неожиданным, а кофе — довольно горячим, чтобы Натка застыла, приоткрыв рот и чувствуя, как напиток капает на грудь с подбородка.

— Что...

— Наточка! — тут же подхватился Лаголев, ужаснувшийся самому себе.

Мерзкая натура! Сначала напакостит, а затем, поджав хвост, лебезит, как бы чего ему в ответ не сделали. Какая тварь! В руках у Лаголева откуда-то появилась салфетка, и он попытался вытереть Натке щеки, подбородок, шею.

— Отстань!

Натка отпихнула влажный бумажный комок.

— Я не хотел, — сказал Лаголев.

— Ну да!

— Нат.

— Заткнись! — взвизгнула Натка.

Она влетела на кухню, думая, чего бы схватить потяжелее. Скалку? Колотушку, которой отбивают мясо? Маленький кухонный топорик для рубки костей? Задергала ящички тумбочек и остановилась. Прислушалась. Лаголев сидел в комнате тихо-тихо, видимо, ожидая своей участи. Картинка, возникшая перед глазами, где муж, поджав ноги, с пустой кружкой у груди невидяще смотрит в стену, заставила ее поморщиться.

Какой же урод.

Натка отерла мокрую шею. По ребру ладони заскользила коричневая капля. Хоть что-то мужское проклюнулось. Плеснул, правда, по-бабски. Ничего другого не придумал. Похоже, она его-таки допекла. Так и правильно.

Натка постояла, ловя звуки из комнаты. Совсем тихо болботал телевизор, и все. Затаился. Она бросила тряпку в раковину. Ничего, она ему еще устроит! Где-то на периферии сознания крутилось: это из фильма или из литературы. Оттуда, где влюбленные ссорятся, затевают грандиозные разборки с битьем посуды, обвинениями, криком и разорением жилой площади, чтобы тут же слиться в любовном экстазе.

Жалко, у нее не так.

Ничего эротического Натка не ощущала, а вот злость жгла, горела под сердцем незатухающим огнем. Повернешься — здесь она, злость, на жизнь, на изменчивую погоду, на скачущие цены, на разбитый асфальт на переходе, на котором она, запнувшись, чуть не сломала ногу. И на Лаголева. Конечно, на Лаголева, который клялся защищать, оберегать, вечно любить. На тот же асфальт лечь. Но не может ни того, ни другого, ни третьего. Ох,

Господи. Натка обнаружила, что с минуту уже смотрит в недра раковины, как в гипнотическое ничто.

— Нат.

Лаголев, неожиданно подобравшийся со спины, заставил ее вздрогнуть.

— Чего тебе? — сквозь зубы сказала Натка.

— Там тебя к телефону.

Телефон у них стоял в коридоре на узкой полке, но посредством длинного провода его можно было затащить хоть в комнату, хоть на кухню.

— Ты еще заплатишь, — пообещала Натка Лаголеву, отпихивая его с пути.

— Нат, послезавтра, — пообещал тот.

Натка усмехнулась.

— Завтра. Ты уже забыл? Холодильник и антресоли.

— Я помню.

— Вот и помни.

Она добралась до телефона и с трубкой, притиснутой подбородком к плечу, понесла аппарат на кухню. При Лаголеве, притащившемся за ней в комнату, разговаривать не было смысла. Стоит он, кружку тискает!

— Не ходи за мной, — сказала Натка, прижимая трубку к уху.

— Что?

— Не подслушивай!

Натка закрыла за собой кухонную дверь. Хотя, наверное, стоило на лестничную площадку выйти. Впрочем, чего ей скрывать-то? Она — взрослая женщина, просто муж у нее — придурок, и они — в шаге от развода.

Максим Сергеевич дисциплинированно ждал, пока она скажет: «Алло».

— Наталья Владимировна? — бархатным голосом поинтересовался он.

— Она самая.

— Как ваше ничего?

Натка провела ладонью по волосам.

— Держимся.

За мутным стеклом кухонной двери мелькнул Лаголев, но, кажется, прошел в туалет. А куда еще бедному идти? Натка отвернулась.

— В прошлый раз вы так и отказали мне во встрече, — сказал Максим Сергеевич. — А я, знаете, все тешу себя надеждой. Я уж, извините, не могу вилять из стороны в сторону, я говорю прямо. Вы моего склада женщина.

— Вы серьезно? — спросила Натка.

— Разумеется.

— Я замужем, Максим Сергеевич.

— Этим вы мне и нравитесь, Наталья, — сказал Максим Сергеевич. Замечательный баритон, волнующий, и нотки иронии. — Вы честны. Вы сразу ставите перед мужчиной препятствие, которое он должен преодолеть. Так и знайте, я преодолею! Только это может помешать нашей встрече?

Натка вздохнула.

— И я уже старая, Максим Сергеевич. Вам, наверное, для ваших намерений стоит подобрать кого-нибудь помоложе, — сказала она, мягко оглаживая шею.

Складки, складочки, вот они. Еще немного, и оформятся в безобразные морщины. И

жалко, честное слово, жалко, что Максим Сергеевич прятался где-то восемнадцать лет, а всплыл только сейчас. Лаголев ладно, обойдется. Куда деть Игоря? Что будет с таким нервным парнем, стоит ему объявить, что они теперь...

Впрочем, вилами, вилами по воде.

— Ах, Наталья, не наговаривайте на себя, — возмутился тем временем Максим Сергеевич. — Ваш возраст я знаю. Вы, извините, всем этим молодым сикухам сто очков вперед дадите. Умные люди, — выделил он голосом, — женщину не по формам или длине ног выбирают, а по совсем другим качествам.

— Например, по каким? — спросила Натка, разглаживая платье на бедре.

— А как в военном деле, — сказал Максим Сергеевич. — Я все время, даже неосознанно, прикидываю, пошел бы я с тем или иным человеком в разведку или от греха подальше в тылу бы оставил, да там и забыл.

— И со мной пошли бы?

— Без сомнения.

— А муж?

— Что муж?

— Как вы его собираетесь устранить?

Максим Сергеевич помолчал.

— Я думаю, — ответил он наконец, — это будет зависеть от вас. Вы же еще не согласились сходить со мной в ресторан?

— Нет, — сказала Натка.

— Значит, какие-то чувства у вас к нему имеются. Не буду врать, что меня это радует. Но с другой стороны, я могу поставить себя на место вашего мужа. Что, если бы кто-то звонил моей жене вот как я? Что я подумал бы, уже как телефонный собеседник, согласись вы сразу и без малейших угрызений совести? Мне все же кажется, Наталья, что вы вышли замуж не по расчету, а по любви.

— Так и есть, — тихо сказала Натка.

— И сейчас чувства угасли.

— Потому что он сделался идиот.

— Люди меняются, — мягко сказал Максим Сергеевич.

Натка фыркнула.

— Как раз нет.

— Живет прошлым?

— Да, и за это, честно, иногда его хочется прибить.

— Ну-у, — протянул Максим Сергеевич, — постарайтесь без эксцессов, Наталья. Я буду в городе во вторник и среду, если надумаете, мы с вами сходим в «Ковбой». Там готовят лучшее мясо на ребрышках, что я когда-либо ел.

— Хорошо, я подумаю, — сказала Натка.

— Отключаюсь.

Телефон забил ухо короткими гудками. Натка положила трубку на рычажки.

— Это кто?

Лаголев, неслышно отворивший дверь, каким-то гротескным, карикатурным персонажем застыл, сутулясь, в проеме. Муж-ревнивец с перекошенной физиономией. Ох, далеко ему было до Максима. Что у нас здесь в наличии? Тренировочные штаны и майка, прикрывшие бледное, худое тело. А там? Строгий темный или серый костюм. Подтянутый,

уверенный в себе, обеспеченный человек.

Контраст, как говорится, разительный. И, казалось, даже в трусах Максим Сергеевич не потеряет брутальности и шарма, даст Лаголеву сто очков вперед. Впрочем, как иначе? Разные весовые категории.

— А ты не подслушивай! — сказала Натка.

— То есть, за моей спиной...

Натка не дала мужу договорить.

— Да! — крикнула она в моргающее нелепыми глазками лицо. — Шашни строю! Ничем другим заниматься не могу!

— Вот как, — произнес Лаголев.

В нем вдруг проступило какое-то незнакомое ожесточение, он словно оброс иглами, волосы встали торчком, рот расползся в жуткой, широкой — все зубы напоказ — улыбке, правая ладонь сжалась, словно охватывая невидимый предмет, а глаза сделались пустыми, но через мгновение перед Наткой вновь был уже прежний Лаголев, нелепый, загнавший показавшегося уродца глубоко внутрь.

— Иди ты...

Он развернулся и ушел в комнату.

— Сам иди! — крикнула Натка.

И выдохнула. И отвернулась к окну в ожидании, когда холодок от выглянувшего из Лаголева не-Лаголева сойдет сам собой. Ах, черт, даже зубы стукнули. Лаголев, пожалуй, и страшеньким может быть. Бр-р-р. Натке захотелось вдруг набросить что-нибудь на плечи, платок или кофту, но для этого необходимо было пройти в комнату, где приглушенно бормотал телевизор и сидел муж. Нет, пожалуй, стоит выждать.

Натка вытерла стол, потом подмела там, где сидел Лаголев. Он, конечно, не мог не насвинячить, просыпав несколько гречневых зерен. В горле пересохло. Натка включила газ под чайником, хоть он и был, согретый Лаголевым, достаточно горяч. С минуту смотрела на холодильник, прикидывая, куда его лучше подвинуть. Может, к другой стене вообще? Там тоже есть розетка. Под вентиляционную решетку. Будет, конечно, несколько неудобно, зато в углу место освободится, хоть пой и пляши там. По большому счету холодильник вообще стоило выкинуть и купить новый, но у них и так долги, дай бог, к следующему лету накопить получится. А до следующего лета еще дожить.

— Зил, — произнесла Натка, разглядывая значок на дверце, — завод имени Ленина. Или нет, имени Лихачева.

Холодильник был еще советский, подаренный родителями, кажется, на первый год их с Лаголевым семейной жизни. Прямоугольный, шумный и иногда бьющий статическим электричеством, если подходишь к нему в шерстяных носках.

Натка попробовала его сдвинуть и не смогла. Вот пусть Лаголев завтра и мучается. Авось метр пропердохать его хватит.

Натка помедлила и повернула голову к дверному проему.

— Лаголев!

— Что? — донеслось из комнаты.

— Иди сюда.

— Скандалить?

— Нет.

Натка оттерла следы грязных пальцев с холодильника. Шлепая босыми ногами, Лаголев

появился с кружкой наперевес.

— Чего еще?

Это был прежний унылый Лаголев. Холодок страха увидеть другого Лаголева растворился где-то под сердцем.

— Скажи, где лучше. Здесь? — Натка встала ближе к двери, сместив Лаголева вглубь кухни. — Или здесь?

Она шагнула наискосок, под вентиляционную решетку.

— Для холодильника? — спросил Лаголев.

— Для твоего чучела!

Лаголев вздохнул.

— Мне без разницы.

— Это «ЗиЛ», — сказала Натка. — Он под сто кэгэ. Смотри, тебе его ворочать. Я о тебе беспокоюсь, вобщем-то.

— Тогда лучше там, — указал Лаголев на первую точку.

— Понятно. Тебе, что меньше работы, то и лучше. А дверца, если открытая, проход будет загоразживать.

— Решай тогда сама.

Натка посмотрела на Лаголева.

— Самоустраняешься? Я и так все решаю сама. Как кормить, чем кормить, чем одевать, где деньги брать, у кого до зарплаты можно в долг перехватить. А ты, значит, только у телевизора полеживать будешь?

— Перетащу я твой холодильник, — сказал Лаголев. — Куда скажешь, туда и перетащу.

— Он не мой! — взвизгнула Натка. — Не мой! Это ваша жратва! Чтоб вы с голоду не сдохли! Жрать же каждый день хотите?

— Нат, тебе что ни скажи...

— Иди! Иди от греха!

Натка дождалась, пока Лаголев, эта пародия на мужчину, потоптавшись, уберется в комнату, и опустилась на стул. Сил никаких нет. Она прижала ладони к лицу. Хотелось то ли зарыдать, то ли расхохотаться и сойти с ума. Довел Лаголев. Вроде ничего не сделал, а добился, умелец, что чуть-чуть и затрясет.

Натка выдохнула. Как жить? Раньше не смотрела в будущее, жила и жила, а сейчас, как не подумается, так хоть в петлю. Темнота, мрак. Может, и Лаголев-то не так плох, просто время его прошло, может, общее их время. Кончился социализм, развалился, не осталось ни благодущия, ни гарантий, ни льгот, ни справедливости, ни человеческой доброты. Человек человеку — волк. И деньги. И ничего впереди. Ни единого просвета. Квартплата растет, бюро вот-вот прикроют, и она, как и Лаголев, тоже пойдет на вольные хлеба. Кто ее куда возьмет? А из каждой щели долдонят: замечательные перспективы! С новыми кредитами МВФ мы — ого-го! Всем малоимущим — натовские пайки! Вкладывайте! Богатейте Грызите друг друга или ползите на кладбище. Только там тоже не богадельня, даром не похоронят.

Но зато говори, что хочешь! Жри, сри, воруй! Демократия! В Думе только языками и чешут. Президент, видите ли, каждый день «с бумагами работает». До потери сознания. Местная власть ни черта не делает, у нее — все хорошо. Подумаешь, пол-зимы — горячей воды нет. Терпите. Трубу прорвало, заменить нечем. Недофинансирование. А сами на джипах разъезжают. По границам мотаются. Еще Игорь девиц водить начнет. Сейчас

девчонки тоже умные пошли, из области понаехали в поисках жилья, чтоб хоть как-то в теплом углу...

Натка всхлипнула. Нет-нет, ну-ну-ну, потекло, раскисла. Она торопливо сжала губы. Завтра купим кроссовки, с этой стороны хоть крика и припадков не будет. Хотя тоже оболтус растет, весь в Лаголева, подай ему и принеси. Чуть что — в крик. А ей, может, тоже так хочется, лечь и засучить ножками: хочу! хочу! хочу! В ресторан вот не в чем пойти. Трехгодичной давности платья. Так бы давно...

— Нат, твой сериал! — крикнул Лаголев из комнаты.

Проявил заботу. А чего бы и не проявить? Никаких усилий не требует. Не надорвет же глотку? Натка провела ладонью по мокрой щеке. Ладно.

— Началось уже?

— Нет, пока реклама.

— Иду.

Сериал был французский, исторический, кажется, пятисерийный. Шла уже четвертая серия. Хоть какая-то в нем была отдушина. Благородные дворяне, замки, протестанты и гугеноты, дуэли, монастыри, кардинал Ришелье, погони, интриги и любовь. Же ву при, же не манж... Господи, как славно, что не имелось в нем ничего, что напоминало бы о действительности. Можно было сесть и с головой погрузиться во Францию семнадцатого века. Или шестнадцатого? Ах, не важно! Даже Лаголев в это время не раздражал.

— Подвинься.

Натка согнала с насиженного места у левой боковины Лаголева, который постоял у дивана, изображая несчастную, несправедливо обиженную жертву, и пропал, растворился где-то вне поля зрения. Натка легла, подобрав ноги.

— Прекрасные господа из Буа-Доре, — хорошо поставленным голосом произнес диктор. — По роману Жорж Санд. Четвертая серия.

Купленный в кредит «Сони тринитрон» радовал цветами.

— Я еще чаю, — сказал Лаголев.

Натка его проигнорировала. У нее сейчас была другая компания: маркиз Сильван, Лорианна, племянник маркиза Марио и коварный аббат. Пусть хоть что Лаголев делает. Топится, вешается или пьет чай. Ей все равно.

Натке вдруг пришло в голову, что Максим Сергеевич имеет с маркизом Сильваном определенное внешнее сходство. Умный взгляд, посадка головы. Густые, зачесанные назад волосы. Только черные, а не каштановые, как у маркиза. Эх, был бы еще у Максима Сергеевича замок! Не дача, а замок. Можно не средневековый.

Натка усмехнулась. Раскатала губень. Станет с ней возится Максим Сергеевич! Кажется, его планы идут не дальше ночи любви в гостинице. И все эти красивые слова о женщине его склада — всего лишь слова.

Всюду ложь.

Маркиз изображал повара. Капитан Макабр сверкал глазами. Лаголев звякал из кухни ложечкой, будто подавал сигналы бедствия. Дзынь-дзынь. Нарочно ведь, стервец!

— Эй, можно не звякать? — крикнула ему Натка.

— Прости.

Угомонился. Раньше, конечно, не мог сообразить! Задумался? Как будто Лаголеву есть, о чем думать! Хотя сейчас как раз есть. Она же сказала ему, что разведется. Теперь, наверное, спрашивает себя, где он столоваться будет.

Маркиз сообщал, что будет готовить раков, суп, жаркое и прочие разносолы. А гречку, господин маркиз? Гречку сможете?

Натка едва не заснула. Бросила взгляд на часы — половина десятого.

— Лаголев! — крикнула она. — Лаголев, Игорь еще не появился?

— Нет, — показался в проеме муж.

— Ты чаю попил?

— Да.

— Так выйди и поищи его! Сын бог знает где шляется, а ему и дела нет! Твой сын, между прочим! Твое яблочко!

— Нат.

— Что — Нат?

— Он уже взрослый человек, пятнадцать лет, не нужны ему няньки.

Натка села.

— Ты не видишь, что на улицах по ночам делается? Ему голову проломают, ты скажешь, что он сам виноват, взрослый уже?

Нет, Лаголев не унялся.

— Нат, где я его искать буду? — спросил он. — Он же каждый вечер так уходит. Почему вдруг тебе сейчас приперло?

Ничего тяжелее пульта на диване найти не удалось. А бросать в Лаголева пульт было жалко.

— Лаголев! Быстро! Хотя бы по микрорайону пройди.

— А если мне голову проломают?

— С тебя взять нечего.

— Тогда ради удовольствия.

— Лаголев! Какое с тебя удовольствие?

Заворчал. Вроде бы даже сказал: «Обычное», но принялся одеваться. Обулся, набросил курточку свою легкую.

Дверь хлопнула. Натка снова опустилась на диван, правда, прекрасные господа-французы уже не вызывали никакого желания их досматривать. Маркиз не сидел на месте, все куда-то рвался, махал шпагой, стрелял из пушек, бежал из плена и брал в плен, в общем, вел себя как человек, у которого не было других забот.

Серия кончилась. Натка выключила телевизор. Господи, какой бред! Она полежала, будто в каком-то забытьи, безвременье. Ни мыслей не было, ни желания спать. Стены квартиры покачивались вверх и вниз, словно собирались сделать кувырок. Натка наблюдала отстраненно. Хотят, пусть кувыркаются.

Из пустоты ее выдернули часы. Десять десять. То есть, получается, Лаголева уже полчаса нет. Может, действительно кто по голове треснул? Навозишься теперь с ним. Он будет агукать, а ты его корми. Еще спать с собой клади.

— Лаголев? — бросила она в тишину коридора.

Слово булькнуло, как камень в воду. Без плеска, без волн.

Натка встала и пошла по квартире, механически наводя порядок, поправляя покрывала, подушки, скатерти, салфетки, возвращая вещи на их места, книги — в шкаф, газеты — в нишу под книгами, подвернула чашки сервиза в серванте за стеклом, чтобы стояли красиво, единообразно, подобрала, наматывая на палец, несколько ниток с ковра. В комнате сына постояла, глядя на постельный ком, разбросанную одежду, диски и журналы на полу. Сердце

наполнилось глухим раздражением. Помнится, кто-то обещал убирать в своей комнате, лишь бы мать не лезла, куда ее не просят. Ну-ну. Никаких кроссовок, пока пол не вымоет. Никаких!

На кухне Натка долго пыталась разглядеть в окно подъездный козырек и дорожку, забирающую к торцу дома. Есть там кто, нет?

Было темно. В темноте колыхались ветви рябины. Тоже ведь разрослась, зараза. Дальше, на детской площадке, кажется, помигивали огоньки сигарет, но Натка была уверена, что ни сына, ни Лаголева там нет. Лаголев к таким компаниям интереса не испытывает. Или, пожалуй, даже побаивается. А Игорь — мальчик не компанейский, нервный, его, скорее, отгонят толпой подальше, чем примут в свои ряды. Он и из одноклассников как-то сразу выбивается, тощим чучелом, видимо, папочкина заслуга. Вроде и не трудный ребенок, а в последнее время не тронь его, не скажи ему, не командуй, пропади с глаз долой, чуть что — сразу в крик, недалеко — и руку поднимет. Лаголев с ним сю-сю да сю-сю, как слепой, не видит, что у мальчишки уже гормоны вовсю колобродят.

Такие вот спиваются или какую-нибудь глупость устраивают, от которой потом родителям — хоть вешайся. Впрочем, Лаголеву-то все равно. Это все на ней, на Натке. Взвыть бы, да смысла нет. А впустую — зачем? Легче не будет.

Беспокойство, зародившись ломотой в боку, мурашками переползло к сердцу.

Что-то долго. Что тот, что другой. Как за смертью посылать. Ну, ладно, один распахнулся, дверью хлопнул, другой-то, постарше, понимать должен, что она тут места себе не находит. Хоть бы позвонил с таксофона! Номер уж, наверное, не забыл. Натка замерла в коридоре, гипнотизируя телефонный аппарат.

Где звонок? Давай, звони. Придурок!

Она сняла трубку с рычажков, проверяя, есть ли соединение. Телефон разразился длинными гудками. Натка бросила трубку. А лучше бы Лаголеву в его звонкую, пустую голову! Ладно, что теперь? Она постояла, раздумывая. А пустьдохнут! Пусть не возвращаются! От горечи повело, искривило рот. Нет, какие сволочи! Кроссовки дай, ужин дай, не ругай, денег не требуй, а сами? Злые слезы закололи глаза. Дождутся, она тоже уйдет куда-нибудь. Есть варианты.

Натка одела кофту.

И снова к окну. Фонарь у автостоянки логично освещал автостоянку. Еще один фонарь освещал проезд между домами. Что же за тварь методично уничтожает лампочки у подъездного козырька? Натка шурилась: не Лаголев ли сидит на скамейке, закрываясь чертовой рябиной? На детской площадке — ни огонька сигаретного, разбежались.

Зашумело в ушах. Пальцы застегнули пуговицы. Несколько секунд во времени вдруг выпали, и Натка обнаружила себя в легком пальто уже на пороге квартиры — вот-вот отщелкнутся крупные зубы дверного замка. Ах, да! Не хватало еще за Лаголевым его глупости повторять и оставить семью в неведении. Натка прошла в комнату, выдернула лист из тетрадки и написала: «Буду через полчаса». Ну, вот, поспокойнее.

Бумм!

Входная дверь распахнулась, и кривящий губы, мрачный сын влетел в квартиру. Он содрал куртку и скинул ботинки.

— Игорь! — крикнула Натка, когда сын направился в свою комнату.

— Что? — обернулся тот.

По беглому осмотру — вроде бы не дрался, синяков нет, царапин тоже, а угревая сыпь

— так без нее никуда, возраст. Губы только коричневые. Шоколад что ли ел?

— Ты где был? — спросила Натка.

— Где надо, — буркнул Игорь.

Интонации один в один Лаголевские.

— Тебе поздно никто не разрешал черт-те где шляться.

— Это мое дело.

— Стой! — окриком остановила сына Натка. — Как ты со мной разговариваешь?

— Нормально я... — сразу понизил тон Игорь.

Глаза — в пол. Челка — защитным частоколом. Руки живут своей жизнью — трут джинсы, цепляют швы, крючат пальцы.

— Что?

— Ботинки протекают! — выпалил сын. — А вы не можете мне вшивых кроссовок!.. — Он посмотрел с вызовом. На шее проступили жилы. — Меня в классе вообще уже бомжом называют! Понятно?

— Завтра купим, — сказала Натка.

— Ага!

Вселенское неверие прыгнуло в голосе, обозначилось междометием. Сын резко двинул плечами, продавил грудью дверь своей комнаты.

— Игорь! — Натка вошла следом. — Посмотри, какой у тебя бардак!

— Это моя комната! — проорал в лицо ей сын.

Кровь бросилась Натке в голову.

— Нет! Это моя комната! Моя! — заорала она в ответ, щепотью из трех пальцев клюнув себя в грудь. — И если ты слишком взрослый и самостоятельный, изволь оплачивать ее сам. Сорок процентов квитанции! Давай, я жду! А если ты все еще хочешь считаться моим сыном, то прибери свой свинарник! Я за тебя это делать больше не буду! Иначе ни кроссовок, ни карманных денег ты больше не получишь!

— Ну и пусть!

Игорь рухнул на раскладной диван, зарылся головой в постельный ком из простыни, подушки и одеяла. Весь разобиженный!

— Что? — Натка встала над ним. Напряжения, скопившегося в руках, опущенных в карманы, не выдержала нижняя пуговица на пальто, со звоном выстрелила в пол. — Я тебе сказала? Сказала. Хочешь кроссовки? Будь добр прибраться. И вымыть пол!

— Еще пол? — выдохнул из-под кома сын.

— Вылизать! Быстро!

Сын потрянул ногой и что-то буркнул.

— Я не слышу! — наклонилась Натка.

— Хрош.

— Не поняла. Громче.

— Хорошо, — отчетливой повторил сын.

— Прекрасно. Ведро и швабра сам знаешь, где. И давай, не откладывай.

— Сейчас.

Игорь пошевелился и сел.

— А кроссовки точно будут?

— Будут, — кивнула Натка. — Завтра идем. У отца — холодильник, у нас — кроссовки. Давай-давай, — она глазами показала в сторону двери, — вперед, скоро уже спать ложиться.

— Сейчас.

Натка вышла в прихожую. Пока прибирала ботинки, сын прошел мимо. В ванной зашумела вода. Через несколько секунд Игорь с ведром и шваброй, показывая, как ему это неприятно и тяжело, проковылял к себе.

— Отца-то не видел? — крикнула ему вслед Натка.

— С чего? — спросил сын.

Ведро звякнуло в комнате.

— Вообще-то он тебя искать пошел.

— Ага, отец найдет, жди. Он ни хрена найти не может.

Громко шмякнула швабра.

— Мой давай, — сказала Натка.

— Я мою.

Нет, расстегиваться было рано. Лаголев, конечно, та еще пародия на человека, но все же не совсем чужой. Чуть ли не двадцать лет совместной жизни. Это какая бы свадьба была? То ли хрустальная, то ли фарфоровая. Не дотянем.

Натка втиснула ноги в сапожки, тоже старые, дешевые, того и гляди развалятся. Лет пять им уже, наверное. Год-то точно.

— Я выскочу минут на десять! — крикнула она сыну.

— За отцом, что ли? — отозвался Игорь.

— Ты комнату мой.

На лестничной площадке было светло, а вот пролет уже терялся во тьме. На всякий случай Натка, спускаясь, то и дело ладонью касалась стены. Во тьме, слава богу, не было видно, грязная ли стена, что на ней написано и чем. И все ради Лаголева, от которого подобного не дождешься. На черта вообще? Подумав это, она чуть не поднялась обратно.

У почтовых ящиков под светом тусклой лампочки, заплывшей больной желтизной, сунув руки в карманы джинсов, мерзла невысокая фигура.

— Лаголев?

Муж мгновенно стал похож на фрица, которого застали врасплох. Вжался в простенок между ящиками, лицо сделалось испуганно-пустым.

— Я это...

Он рванул к подъездной двери.

— Стой!

Лаголев обернулся.

— Я сейчас еще по дорожкам...

— Не надо, — сказала Натка.

— Почему? Игорюшка нашелся? — Лаголев побледнел. — Его нашли? Он где, в мили... в полиции?

Натка вздохнула.

— Ты почему здесь стоишь?

— Грелся, Нат. Холодно. Я до Серого переулка дошел, потом до стройплощадки. Везде темно, Игоря нет.

— Он дома, — сказала Натка, хотя ее так и подмывало послать его по какому-нибудь заковыристому маршруту, чтобы пострадал, померз, потерзался.

— Как? — удивился Лаголев.

— Уже с полчаса.

Натка повернулась и зашаркала наверх. Объяснять ему еще! Раздражение к мужу вернулось. Хорошо, хоть сам не потерялся. А мог. Она тоже — с чего вдруг подпрыгнула и побежала искать? Дура набитая.

— Ты серьезно? — спросил снизу Лаголев.

Натка через перила посмотрела вниз, на его задранное лицо. Из-за расстояния и света оно выглядело пятном с провалом рта.

— Да.

— Как же он мимо меня?

Этот вопрос ответа не требовал. Господи, ну, слепой ты, слепой, чего об этом спрашивать? Зрение лечи.

В коридоре поблескивала свежая лужа, в ванной ведро и швабра были кинуты как попало, полотенце для рук лежало на полу.

— Игорь!

Скинув сапожки, Натка зашла к сыну. Вымыто, конечно, было плохо, но, по крайней мере, она увидела, что пол в центре и под столом протерт, а прежний бардак уменьшился в размерах, переместившись частью, скорее всего, в шкаф и под кровать.

— Все, я вымыл, — сказал сын, отвернув голову от телевизора с присоединенной приставкой.

Он играл. По экрану бегал непонятный человечек.

— Я вижу, — сказала Натка. — Но углы, я смотрю, сухие.

— Там шваброй не дотянешься.

— Что ж, завтра перемоешь.

— Ма-ам, — заныл Игорь, щелкая кнопками, — я же сделал все, что ты сказала!

— Перемоешь.

— Ну, бли-ин!

Сын отбросил джойстик, и тот брякнул об пол.

— Утром перемоешь, я проверю, а потом идем за кроссовками, — сказала Натка.

— Тогда и за мороженым!

— Хорошо. Выключай все.

Натка вышла, закрыла дверь. В прихожей уже возился Лаголев, пристраивая свою куртку на вешалку.

— Я спать, — сказала ему Натка.

— Мне снова на кресло? — спросил Лаголев.

— Разумеется.

— Ну, я так спросил. Думал, вдруг...

Натка сузила глаза. Неуклюжий тупица!

— Неужели героем себя почувствовал? В подъезде постоял, и я тут же должна и место под боком тебе устроить, и сексом одарить?

Лаголев покраснел.

— Я просто...

— Все!

От злости едва не свело челюсти. Натка шагнула в большую комнату, которую вынуждена была делить с Лаголевым. А как? А так! Все-таки муж и жена. Может, к сыну его переселить? Вот будет цирк.

— Не входи пока.

Она притиснула дверь плотнее, подняла сиденье дивана-книжки. Скрежетнул, клацнул механизм. Лаголевские простыню и плед, достав из диванной ниши, она швырнула ему на кресло и, надавив, заставила диван разложиться в кровать. У Лаголева вечно с первого раза не получалось. Ну, на то он и Лаголев.

Свое постельное белье Натка взяла из комода, застелила, кинула подушку и принялась раздеваться сама. Кофта, платье, колготки. В зеркале напротив отразилась женщина в черном лифчике и синих трусиках. Ничего особенного. И грудь, уже, простите, и на бедрах... За это бьется Максим Сергеевич?

Натка погладила себя по животу. Нет, живот еще хорош, с Лаголевым не разжиреешь, держит жену в форме. Да и сама, как лошадь... Приблизившись к зеркалу, она помяла, потискала лицо пальцами.

Круги. И морщины. Все, с этим теперь и жить. До старости. А как жить? Ох, устала устала, вечно кричи, вечно добивайся, чтоб хоть как-то, хоть с грехом пополам, словно никому ничего не надо. Не разглядеть уже, что в глазах. Но уж не веселье. Одичала. Осатанела. Отпуск в октябре, сейчас никто не даст, скорее, выгонят без выходного пособия. А поваляться бы где-нибудь на пляжу...

— Ната.

Лаголев поскребся в дверь. Руки сами дернулись прикрывать интимные места. Почему? Зачем? Муж же. Ладно, примем это насчет того, чтобы не распалился на ночь глядя. Еще целоваться полезет, жалей его потом.

— Чего? — спросила Натка.

— Уже можно?

— Нет. Еще минуту.

Она быстро набросила на себя ночную рубашку и выключила люстру, оставив гореть слабосильный торшер. Лаголеву хватит. Легла.

— Можно!

Вошел. На цыпочках. Будто боялся разбудить. Ну вот что с человеком? Она что, может заснуть за секунду? Натка раздраженно засопела.

— Лаголев, — приподняла она голову с подушки, — прекращай цирк.

— Какой?

— Ложись нормально.

— Извини.

Натка перевернулась на другой бок. Даже под закрытыми веками Лаголев маячил тенью, ходил туда-сюда, ковырялся, шелестел, раскладывал кресло. Рождаемые им шорохи и приглушенные звуки только действовали на нервы.

— Угомонись уже, — шикнула на него Натка.

— Я новости еще, — прошептал Лаголев. — Минут десять.

— Да смотри ты, что хочешь!

Она перевернулась снова. Голова потяжелела, явный признак будущей головной боли. В основании черепа, в затылочной части, появилось знакомое ощущение, будто там скапливается и давит на мозг жидкий свинец. Кто виноват? Конечно, Лаголев. Он, со своими двумястами девяноста рублями.

Натка встала и в комоде, в аптечном отделении, нашарила цитрамон. Выдавила две таблетки из упаковки, направилась на кухню за водой. Лаголев обернулся, но ничего не сказал.

— Новый очаг напряженности на Ближнем Востоке, — шептал телевизор. — На Синайском полуострове...

В чайнике было на дне, но на то, чтобы запить цитрамон хватило. Раскусила, протолкнула горечь в горло.

День закончился, и ладно. Завтра Лаголев не отвертится от холодильника, а она займет у Поляковых и купит наконец Игорю чертовы кроссовки. Вот такая у нее жизнь.

Натка легла. Свинец в голове рассосался. Хорошо б и завтра утром ничего о нем не напоминало.

Сквозь подступающий сон шелестели телевизионные голоса. Кажется, говорили о бомбежках Ирака, о миротворческой операции, которую вот-вот начнет сформированная коалиция. Чтоб вы все сдохли, подумалось Натке.

Кресло несколько секунд ожесточенно скрипело под Лаголевым, все ему, видимо, было неудобно, все узко, все шатко и мягко.

— Лаголев, спать! — не выдержала Натка.

Затих.

Когда мать сказала, что завтра никаких кроссовок не будет, а отец, по привычке мямля, подтвердил, оставаться в квартире дальше стало невозможно. Родаки, называется! Ах, мы тебя любим, Игоречек!

Не, ну, честно, ну, полный пэ. Он выместил первую злость на постели, скатав одеяло с простыней и подушкой в аляповатый ком. Уроды. Уроды. Уроды! Несколько секунд Игорь месил кулаками податливую постельную плоть. На! На! А вот ногой в боковую спинку было больно. Ну и нахрен! Он вылетел из комнаты одеваться, накинул куртку, вернулся и добавил постели несколько ударов. Затем в прихожей вбил ступни в идиотские ботинки, которыми только говно месить, и чуть не заревел от обиды и ощущения вселенской несправедливости. С такими говнодавами в поле хорониться. Или на кладбище.

— Ненавижу!

Он выплюнул слова в пространство кухни, в моргающего отца, вид у которого как всегда был слегка пришибленный, и выскочил вон.

Ну уроды же! Ступеньки легли под каблуки. Бум. Бум-бум. Бум-бум. Это не кроссовки. Это говнодавы. Кто к нам в говнодавах спешит? Нет, не доктор Айболит. А тот, кто зарубился с Мельником, что придет в понедельник в новых кроссовках. Костяшки пальцев ударили в стену. В последний момент Игорь задержал руку, но боль все равно вмазала по кулаку и даже отдалась в локте.

Сука! Слезы брызнули, и он торопливо затушил их ладонями, растер, втер в кожу. Ничего, когда он заработает свой первый миллион, они пожалеют, что не купили ему кроссовки. Сынок, не поделишься ли с нами? — спросят. А он им: помните, однажды ваш сын пришел к вам с простой просьбой? Что вы ему сказали?

Отец, конечно, в ноги бухнется. Да и мать тоже, сначала, конечно, постоит, что-то себе воображая, а потом сдастся. Сыно-ок! Только хрен им! Может, вот эти вот говнодавы вернет, если еще сохранятся.

Игорь распахнул подъездную дверь. Надо было куда-то идти, а куда? В темноте покачивались деревья, какие-то придурки курили на детской площадке, со стороны проспекта донесся затухающий рев сирены. То ли пожарники куда торопились, то ли «скорая» опаздывала. А может менты спешили на бандитские разборки. Чтоб их уже ухлопали всех.

Игорь застегнул куртку. Ветрено, не до форсу. Да и кто видит? Сунул руки в карманы. Пошел. Независимый и неприкаянный. Как Рэмбо. Время есть, а денег нет, и в гости не в кому пойти. Здесь Цой на сто процентов прав. Он пошмыгал носом и снова потер щеку. Обида комом сидела в горле. Уже родакам ни в чем верить нельзя. Хотя приставку купили, только было это почти год назад. Люди меняются.

Срезав путь через клумбу за торцом дома, Игорь вышел на пустую улицу. Идти можно было направо, можно было налево, никакой нахрен разницы не виделось. В редких вспышках фонарей улица одинаково тянулась в никуда. То есть, с одной стороны — к проспекту Коммунизма, а с другой стороны — к улице Лесной, но в обоих случаях пешехода и любителя вечерних прогулок ждала тьма, простроченная редким оконным светом. Впрочем, Коммунизм был все-таки посветлее.

На Коммунизме вообще было, где затусоваться, там и стройка была, где одноклассники

и школьники постарше любили зависать, познавая мир взрослых отношений и взрослых же пристрастий. Но, однажды пришедший, Игорь часа два посидел там сычом, почти не участвуя ни в разговорах, ни в совместном распитии вина, жмурился на огонь, горящий в разрезанной пополам бочке, грел руки. Полетаевой вообще нагрубил.

Его и вышвырнули. В пролете, Лага! Не приходи сюда больше, понял? И даже придали ускорение. Пинок был легкий, но обидный.

Игорь их всех запомнил. Всех! И Фрязина, и Колобоева, и Шустина, и Бердника, и Чусову, и Бойкову. И Полетаеву, само собой. Приползут еще на коленях, станут прощения просить. Только он — во! Фига! Как и они. Тогда узнают.

И вообще там, в основном, только сосались. Фрязин — с Чусовой. Бердник — с Бойковой. Колобоев и Шустин все никак Полетаеву не могли поделить. Придурки. И девчонки — страшные. Ну, Чусова еще ничего.

А Королева к ним не ходила. Ха-ха, не королевское это дело с такими удолбышами время проводить. У них какие разговоры? Одноклеточные. Девчонки о подружках и учителях сплетничали. Наряды из «Мэри Клер» обсуждали. А парни, в основном, об автомобилях трепались да мечтали, куда бы баксы потратили, если бы они у них были.

Он-то чего пошел? Подслушал, как Королева с Фрязиным болтала. Он — ей: Придешь? Улыбка до ушей. Она: Когда? Он: Сегодня. Она: А завтра? Он: Мы и завтра собираемся. Она: И какая у вас программа? Он: Посидим, языками почешем... Она: Ага, руками пощупаем...

Дальше Игоря нашел Мельник, чтобы в десятый раз рассказать ему, как был крут «Парк Юрского периода», и пришлось срочно изображать, что он изучает учебник по геометрии, а вовсе не подслушивает. Конечно, подумалось, что если Королева у Фрязина будет, то и ему там надо обязательно...

Игорь нырнул от фонарного света поглубже во тьму, прижался к секции бетонного забора, пропуская кого-то, неуверенно бредущего из Коммунизма навстречу. Фиг ли, отморозков развелось, того и гляди нарвешься. Он подождал, пока человек, так и оставшись невидимым, пьяно бормоча и всем телом продираясь через кусты, прошуршит мимо. Существо без страха, блин. Безголовое.

На Лесной вообще ничего интересного не было. Ну, бар «Огонек» — цень зашибические и братки за столиками. Прошлой зимой там перестрелка была. Три человека попали в морг, два — в тюремную больницу. Еще имелся дискотечный клуб «Ника», но контингент там собирался исключительно взрослый, малолеток, типа Игоря, просто выставляли за дверь, когда с подзатыльником, когда без. Музыка долбила — дай боже, и девчонки на подиуме танцевали — длинноногие, в чулках-сеточках, можно глаза стереть и из штанов выпрыгнуть.

Но Королеву и в «Нике» искать было нечего.

Не, имелся, конечно, вариант. На Пожарной. Там в доме номер двадцать находился бесхозный подвал класса «люкс» с отоплением, светом, мебелью и даже с видеодвойкой. То ли переделанный из бомбоубежища, то ли пристроенный к нему.

Чехов Игоря звал. Чем-то Игорь ему импонировал. Приятно, чего уж. Приходи после восьми в любой день недели, кроме пятницы и воскресенья. В субботу можно днем.

На самом деле, конечно, не Чехов, а Рябов. А Чехов потому, что имя-отчество у Рябова были Антон Павлович. Как-то и закрепилось, что Чехов, а не Рябой или Рябчик. За Рябчика, кстати, и в рыло от Чехова можно получить.

Вопрос только в том, ходит ли в подвал Королева. Большой вопрос. Честно говоря,

Игорь за Королевой и в «Огонек» бы пошел и вообще. Спас бы. С моста прыгнул. И в подвал, если она там, — легко.

Эх, если тебе снится Королева, все, ты пропал. А если ты с ней три года назад на экскурсии в областной музей держался за руки — тем более. И не объяснить, отчего у тебя в голове Королева лезет с каждой мыслью. Смеяться хочется, утопиться хочется. Что-нибудь сделать у нее на глазах хочется. Потому что — глаза. Зеленые. Взглянет — и у тебя мурашки, и воздуха не хватает, и потеешь.

А скажет тебе что-нибудь персонально — все, ты на пол-дня — курица без головы, бегаешь, придурок, кудахчешь, в груди тепло, даже жарко, вокруг поют голоса, и кто-то словно за шкуру подвешивает — перебираешь ногами, но кажется, что молотишь ими впустую. Королева, Королева, моя Королева. С чудным именем. Ольга. Оля. Олечка. Оленюшечка.

Чехов себя от компаши Фрязина ставит отдельно. У него как бы статус покруче. Родаки не как Игоревы отец с матерью, не жмутся на сына. Тут от говнодавов не знаешь, как избавиться, а ему — пожалуйста, целый подвал. С видаком! Не, завидно, конечно. Может, Чехову и на учебу разрешают забивать. Тогда вообще — мечта.

А Королева у Чехова точно может тусоваться. Не дома же ей сидеть. Игорь решительно свернул в переулок, выводящий через два квартала на Пожарную.

Теснились дома, деревянные, щелястые, приземистые, в два этажа. В пустых дворах угадывались редкие силуэты автомобилей. На одном крыльце сидел и курил какой-то растрепанный мужик в трусах и в майке. На другом, дальше, светил желтыми глазами котище, не двигался, только голова его поворачивалась вслед за Игорем, будто на шарнире. Из приоткрытого окна, рассыпающего по стеклу блик телевизионного экрана, слышалась неуверенная речь президента. Мнэ... Мнэ... Бухарик, блин.

Тарахтя, прокатили за спиной «жигули». За забором набивали мяч — слышался его звонкий стук от асфальта. На перекрестке сияли электричеством два ларька. У одного нетерпеливый покупатель чуть ли не с головой ушел в окошко. Игорь на всякий случай взял от ларьков подальше. Распотрошат всякие уроды на предмет мелочи, потом не обижайся. Лаяла собака. Темнела лужа, от нее на проезжую часть, освещенную фонарем, тянулась свежая, полная глинистых комков колея. Кто-то не отказал себе в удовольствии.

Немного постояв через улицу от дома номер двадцать, Игорь все же решил зайти к Чехову в подвал. Стремно, конечно, в говнодавах, но так-то чего? Узкая бетонная лестница в торце вела к железной крашеной двери. Игорь спустился вниз, в заглубленную темноту. Из-под подошвы отлетел осколок стекла.

На стук в дверь секунд двадцать не было никакого ответа. Потом с той стороны глухо бумкнуло, звякнуло, и в глаза Игорю через открывшееся окошко плеснул жидкий свет ручного фонарика.

— Кто?

— Лага.

— Сейчас.

Свет погас. Окошко закрылось. Игорь побил носком ботинка стенку рядом с дверью. Один раз попал по железу. Тут же со звуком передернутого затвора отщелкнулся засов.

— Не долби ты, — сказал незнакомый вихрастый мальчишка. — Я слышу. Входи. Саня, — подал руку он, здороваясь.

Игорь переступил порог и пожал ладонь.

— Игорь. Лаголев. А Чехов?

— Здесь, — сказал мальчишка, возвращая засов на место. — Ты по делу или так?

Пряча руки в карманах, Игорь пожал плечами.

— Так. А что, нельзя?

— Можно. Есть видак. Карты.

— А что крутите?

— «День независимости».

— А, я видел, — сказал Игорь.

— Все равно крутой фильм.

— «Миссия невыполнима» круче.

— Да чем круче-то?

— Ну, вообще. Сюжетом.

Саня скривился и, усевшись на табурет под тусклым плафоном у двери, указал Игорю на светлый проем впереди.

— Давай, топай.

Игорь потопал.

Через небольшую площадку, когда-то, видимо, служившую тамбуром, проход вел в основное помещение, которое представляло из себя просторную бетонную коробку без окон. Под потолком через одну горели лампы дневного света. Диван в центре как бы делил пространство надвое. В левой половине, изгибаясь, тянулись по стене в дальний конец разнокалиберные трубы, торчала клочьями разлохмаченная изоляция, висел пустой пожарный щит, лежали рулоны стекловаты, стояли лавка и стол для пинг-понга. В правой половине, явственно более обжитой, находились несколько стульев, кресло, в одном углу пристроилась тумбочка с видеодвойкой, в другом, накрытая цветастым одеялом, пряталась тахта, коврики драпировали бетонный пол, стояла колонка, с плакатов на стенах глядели скелеты, грудастые тетки, раскрывали пасть монстры и взмахивал мечом Шварц в роли Конана.

Еще имелся низкий стол, который совмещал в себе функции обеденного и игрового. Среди пивных бутылок и кучек шелухи от семечек валялись шашки и доминошные кости, в центре стояло блюдо с обглоданным куриным скелетом, а рядом, в россыпь, лежали карты и белела бумажка, на которой, видимо, велся счет. Вился тонкий сигаретный дымок. В телевизоре Уилл Смит тащил по пустыне инопланетного пилота.

— О, Лага!

Чехов, обернувшись с дивана, приветственно поднял руку.

— Ага.

— Садись, куда хочешь.

На стульях сидело трое. Двоих Игорь знал: светловолосый Титаренко с параллельного класса и очкарик Мылкий из класса на год старше. Мылкого все звали Ромычем. Титаренко, понятно, звали Титькой, и было не понятно, обижается Титаренко на такое прозвище или нет. Отзываться — отзывался, с кулаками не лез, но иногда словно бы и не слышал, что к нему обращаются. Игорь называл его Титом. Отец как-то сказал, что имя Тит с древнеримского переводится, как «Честный». Или «Почетный»?

Третьего Игорь раньше не встречал. Смуглый парень был то ли из другой школы, то ли являлся соседом Чехова по лестничной площадке. У него были большие уши и нос. Игорю он почему-то напомнил слоненка из мультика.

На коврике у видеодвойки сидел конопатый Ляпунов по прозвищу Ляпа и следил за перипетиями фильма, словно видел его в первый раз. А может, так оно и было.

Две девчонки тесной парочкой жались к диванному подлокотнику на дальнем от Чехова краю, оставив с полметра свободного пространства. Обе были из Игорева класса. Одну звали Танька Шинкарева, другую — Ленка Рачкина. Были они тихие подружки, в школе общались чуть ли не все время лишь между собой. Шу-шу-шу, шу-шу-шу. И смешки. Было даже удивительно, что они вдруг объявились у Чехова в подвале. Может, все же искали нормальной компании? Не Фрязина с Бердником, а более адекватных парней? Не семечками же Чехов их к себе заманил.

А Королевой не было.

Стараясь не показать свое разочарование этим обстоятельством, Игорь сказал: «Привет!» девчонкам, поручкался с ребятами (парень, похожий на слоненка, назвался Чирой) и сел от Чехова через стол.

— Пива? — спросил Чехов.

— Не. А че делаете?

— Пока ничего.

Чехов потянулся за бутылкой, сдернул крышку брелком-открывашкой, сделал долгий, вкусный глоток. Ромыч, отвернувшись от телевизора, принялся собирать карты в колоду, попутно сгребая шелуху.

— Играем в «дурака», — сказал он Игорю, блеснув очками.

— На раздевание?

Чехов хохотнул. Танька Шинкарева спросила:

— Дурак, что ли?

Игорь смутился.

— Ну, я не знаю...

— Играем на вылет, — сказал Чехов. — Четыре человека. Дурак уступает место следующему в очереди.

— И все?

— А тебе еще призы и подарки?

Ромыч фыркнул, неумело тасуя колоду.

— Лага может на пиво скинуться, — сказал Тит-Титаренко, поворачиваясь к столу вместе со стулом. — Мы все скидывались, пусть и он.

У Игоря екнуло. Денег у него было в обрез. Десятка. И рубля три мелочью. С родаками, которые кроссовки не могут купить, далеко не уедешь.

— Это по сколько? — спросил он, краснея.

— Новичкам — бесплатно, — успокоил его Чехов. — Но в следующий раз — пятнашка. Мужская половина обеспечивает женскую.

— И это по-божески, — заявил с коврика Ляпа.

— Понял, — кивнул Игорь.

Ромыч, тасуя, уронил несколько карт на стол.

— Ты раздавай уже, — сказал Чехов.

— Так Ирку ждем, — сказал Ромыч.

Ирку? — пронеслось в голове у Игоря. Он обмер. Ладони мгновенно вспотели, и из него понадобилось куда-то спрятать. В карманы. За спину. Под задницу. Неужели...

— Королева! — проорал Чехов, привстав. — Давай уже! Все ждут!

У дальней стены, там, где трубы изгибались по-змеиному вверх, открылась неприметная дверь.

Сердце у Игоря зачастило. Горло высохло, хоть нарочно его пивом проливай. Он несколько раз повторил себе: не пьясь, придурок, не пались, заметно же, что пялишься. Еще, блин, слюну начни ронять. Но все было бесполезно.

Королева...

Казалось, она выплыла из подсобного помещения, каморки, туалета или чего там и заскользила над бетонным полом, не касаясь его ногами. Вытертые джинсы и полосатый, красно-белый свитерок под короткой матерчатой курткой. Черные волосы. Лицо, которое снится из ночи в ночь. Аккуратненький носик. Большой улыбчивый рот. Ямочки.

И глаза.

— Привет, — сказала, заметив Игоря, Королева.

Она забралась на пустое место между Шинкаревой и Чеховым, двинув того локтем. Все в ней было прекрасно. Даже царапинка на щеке казалась самой лучшей царапинкой на свете. Смотреть бы и смотреть.

— Лага предложил играть на раздевание, — глубокомысленно сказал Ромыч и посмотрел на сидящих на диване поверх очков.

— Я? — Игорь с трудом перевел взгляд на Ромыча. — Я нет... я так... Я просто спросил, во что тут у вас...

Ирка рассмеялась. Глаза у нее были веселые, искристые. Шинкарева и Рачкина засмеялись тоже, не желая отставать от Королевы.

— Мы сразу ему сказали, что он дурак!

— Да нет! — сказал Игорь.

Тит-Титаренко толкнул его плечом в плечо.

— Игра покажет.

— Ой, дайте пива, — сказала Ирка.

Она потянулась к бутылке, но Чехов ее опередил, вскрыл брелком крышку, смахнул шелуху с горлышка, подал:

— Мадам.

— Мерси, — сказала Королева.

— И нам, — сказали Шинкарева с Рачкиной.

— Одну на двоих? — спросил Ромыч.

— Да!

— Ты раздавай, — сказал Чехов, передавая бутылку девчонкам.

— А кто играет?

— Я, Королева, ты и Титыч. Следующий на очереди... Ляпа, — позвал Чехов, — ты будешь за вылетевшего?

— Не, — ответил Ляпа, — я досмотрю.

— Значит, девчонки следующие, а потом Лага. Чира, ты как?

— Не, я не играю, — сказал Чира, деловито выбирая семечки из тарелки.

Игорь смотрел, как Ромыч мешает карты. Если незаметно косить, то видны были джинсовые коленки Королевы. И вытертая ткань на кармане. И складка свитера. И рука, которая лежала на бедре ладонью вверх.

— Игорь, пива?

Игорь не сразу сообразил, что Королева обращается к нему. Вскинулся, встретился

глазами. Бутылка качнулась перед носом.

— Не, я это... я не пью.

— Как хочешь.

Королева безразлично пожала плечами, и бутылка уплыла от Игоря. А там, на горлышке, наверное, еще хранилось тепло ее губ. Был бы почти поцелуй через бутылочное стекло. Губы в губы. В животе у Игоря заныло от упущенной возможности. Почти поцелуй!

— Сдаю, — тем временем сказал Ромыч.

Все играющие получили по шесть карт парами. Карты были уже не новые, где-то «рубашка» слезла, где-то отсутствовал уголок. Зажав бутылку в коленях, Королева сразу показала то, что у нее очутилось на руках, Шинкаревой и Рачкиной. Те покивали с важным видом. Рачкина даже царапнула одну карту ногтем. Мол, смотри, что у тебя есть. Наверное, про короля козырного или туза. Будто Королева была слепая!

— Пики — козыри, — сказал Ромыч.

— У кого шесть? — спросил Титаренко.

— Так под тебя ходим, — сказала ему Королева, — ты прошлый раз проиграл.

— Не, мы же по-новому играем! — сказал Титаренко. — Новый заход. Вон Лага еще пришел. Значит, все обнуляется.

— С чего обнуляется-то?

— С того!

— Ладно-ладно, — миролюбиво сказал Чехов. — Обнуляется. Это справедливо.

Игорь посмотрел на бутылку в коленях у Королевой. Бутылке, наверное, было классно. Лежит себе, греется. Он вздохнул, качнулся и встретился взглядом с Ромычем. Мылкий, обводя играющих, начертил пальцем невидимый круг.

— Не подсказывать, понял?

— Даже мне? — спросила Королева.

— Особенно тебе, — фыркнул Титаренко.

— Игорь, — подмигнула Ирка, стрельнув глазами на Титаренковские карты.

— Я тебе и так покажу, — Тит предъявил всем десятку пик. — Секретов нет. У меня десятка. У кого меньше?

— Восемь, — на мгновение открыл карту Чехов.

— Семерка под колодой, — сказал Ромыч. — Королева, шестерка есть?

— Сам ты шестерка!

— Значит, под тебя ход. Антоха...

— Чего? — поднял глаза от своих карт Чехов.

— Ходи, — сказал Ромыч.

— Я? Ага.

Чехов прищурился, соображая.

— Антон, — попросила Ирка. — С самой маленькой.

Выражение лица ее сделалось просительно-трогательным.

— В переводного? — спросил Чехов.

— В обычного.

— Тогда девять.

Чехов выложил на стол бубновую девятку.

— Антон, я же просила! — вскрикнула Королева.

Игорю на мгновение показалось, что она сейчас бросит карты. Пивная бутылка

наклонилась, грозя пролиться на диван.

— У меня мельче нет, — сказал, оправдываясь, Чехов.

— Королева, ты или бери, или бейся, — сказал Ромыч и поправил очки на переносице. — Мы так до полуночи играть будем.

— А сколько уже? — встрепенулся Ляпа.

Чира сплюнул шелуху в кулак.

— Половина десятого. Детское время.

— Дама, — сказала Королева. Бубновая дама покрыла девятку. — Все?

— Ты, это, не торопись.

Титаренко подбросил еще одну девятку — крестовую.

— Бли-и-ин!

Ирка сгребла неотбитое.

— На еще дамку, — поделился картой Ромыч.

— Вот вы свиньи! — с чувством сказала Королева.

Игорю вдруг стало ее жалко. Хоть действительно подсказывай. Чтобы немного подбодрить ее, он сказал:

— Ир, там говна еще много.

— Это да, — сказал Чехов, запуская руку в колоду. — Ромыч, твой ход.

— Семерочки, — сказал Ромыч.

Он подвинул две карты Титаренко.

— Ир, пиво, — сказал Игорь.

— Я вижу.

Королева хлебнула из бутылки и поставила ее на стол.

— Какой ты заботливый, — хлопнул Игоря по плечу Чира.

— Я это... прольется же, — попытался объяснить Игорь, чувствуя, что краснеет.

— Ирка, Лага к тебе явно неравнодушен, — сказал Титаренко, кроя семерки Ромыча валетом и козырной семеркой.

— Ну, это известно, — сказал Чехов, подбрасывая валета. — Он на нее так смотрит, так смотрит...

— Чего-о? — привстал Игорь.

Шинкарева и Рачкина заулыбались. Чира фыркнул в ухо. Ромыч сверкнул очками.

— Игорь, не обращай внимания, — сказала Королева. — Они все тут придурки. Олег, ты бейся давай.

— Я бьюсь, — сказал Титаренко, убивая валета королем.

— О, этого навалом, — Чехов скинул червового короля.

— Да вы задрали уже!

Титаренко шмякнул о стол туза. Карта встала на ребро и отлетела на пол.

— Круто побился, — сказал Ромыч.

Шинкарева и Рачкина заржали, словно слышали шутку года. Титаренко слез со стула.

— Я виноват, что карты летучие?

Несколько секунд он шарил рукой под ножками, пытаясь добраться до беглянки. Его светлая голова при этом работала поплавком — то уходила вниз, то с надутыми щеками всплывала вверх.

— Я вот думаю, — сказал Чехов, — надо играть на желание.

— В смысле? — спросил из-под стола Титаренко.

— Ну, проигравший что-то делает.

— Уходит и не возвращается? — выдвинул версию Ромыч.

Шинкарева с Рачкиной опять заржали.

— Ну, типа, — сказал Чехов, — пьет на спор пиво, молчит всю игру или там целует, кого скажут.

Титаренко забрался обратно на стул и накрыл короля найденным тузом.

— Вот вам, — сказал он. — Подбрасывать кто будет? А с поцелуями — к Лаге.

— Почему ко мне? — взвился Игорь. — Я только о раздевании сказал!

— О! С раздеваниями тоже к нему! — объявил Ромыч.

— Да идите вы!

Игорь сдвинул стул. Ему сделалось обидно. Сидят тут, ржут. Видно им все. А Королева еще подхихикивает! Сначала он хотел присоединиться к Ляпе, но потом решил просто осмотреть помещение. Сзади шелкали карты, Ирка сказала, что не будет подсаживать Титаренко, пусть он против Антона ходит, Ромыч попросил пива, Шинкарева предложила глотнуть из их бутылки.

— Так «бито» или не «бито»? — спросил Титаренко.

— Бито, — сказал Чехов.

Игра пошла своим чередом. Игорь же добрался до стола для пинг-понга, потрогал натянутую сетку, повертел в руках ракетки — одна оказалась без покрытия, такой, наверное, много и не наиграешь. Часть труб дышала теплом, внутри них шелестела вода. Подошвой Игорь наступил на что-то темное и испугался — показалось, крыса. Страх как теркой прошелся от пяток до макушки, заставил сжаться живот, но стоило поднять ногу, вместо крысы обнаружился комок утеплителя, то ли стекловаты, то ли еще чего.

У дальней стены имелся узкий и совершенно темный коридор, уходящий вглубь поддомного пространства. Большинство труб, изгибаясь, обзаведясь муфтами и вентилями, устремлялись туда. Но две, не поворачивая, таранили стену крохотной выгородки. Там был туалет с бледно-голубой кафельной плиткой, жестяным шкафиком, унитазом в ржавых потеках и раковиной. Трубы уходили под потолок.

Игорь поиграл кранами, смочил ладони в вялотекущей струйке холодной воды и вытер их серым вафельным полотенцем. Дошел до унитаза, вернулся к двери, защелкнул в паз шпингалет и, щелкая языком, помочился.

А Королева-то здесь! Значит, он правильно пришел. Классно было бы ее еще проводить. Не будет же она ночь сидеть? Королева, а, Королева, хочешь, что покажу? Он задвигался над унитазом. Смотри! Это что? Это писюн, то есть, член. Собственно, мы — взрослые люди, что нам прятать...

В жилой, диванной половине раздался взрыв хохота.

— Лага! — расслышал Игорь.

— Что? — крикнул он.

— Титаренко идет к тебе!

Дыхание перехватило.

— За... зачем?

Член неожиданно распух, пошел в рост, обретая чуть ли не вертикальную нацеленность в потолок. Боеголовка, блин. Утолкать его в прежние размеры было совершенно невозможно. Тут в штаны бы спрятать, чтобы никто не заметил.

Бум! Игорь подскочил от стука в дверь, сжав член в ладони. Тот, кажется, стал еще и

пульсировать.

— Лага! — забарабанил в хлипкую филенку Титаренко, грозя ее проломить. — Кочай дровичь!

— Я не дрочу!

С голосом вышла промашка. Фактически он как раз как бы дрочил. Вода! — сообразил Игорь. Если холодной, то он сам сожмется. Кажется, кто-то в классе...

— Лага!

У Титаренко терпения было с гулькин нос.

— Да сейчас! — крикнул Игорь. — Дай отлить-то!

На цыпочках он приподнялся над раковиной, подался вперед и включил воду. Сука! Член, сунутый под струйку, чувствовал себя прекрасно и опадать не собирался. Блин, теперь он еще и мокрый.

— Хватит отливать, — сказал за дверью Титаренко.

— Я руки мою!

— Ты их полчаса уже моешь.

— Сейчас!

В трясучке, чуть ли не в панике Игорь кое-как спрятал боеготовый член в трусы и в штаны. Не сжимается, зараза! Хорошо, выпирает не слишком. И джинсы удачно темные, если не приглядываться, не видно, что на них с пригоршню воды пролито.

— Все! — он дернул шпингалет.

— Давай! — придерживая дверь, Титаренко качнул головой в сторону дивана. — Гоу хоум!

— Вот тебя приперло!

Игорь на деревянных ногах выбрался наружу.

— Это не я, это пиво, — сказал Титаренко, занимая туалет. — Оно не спрашивает.

И звонко защелкнулся.

— Лага! Живой! — крикнул через весь подвал Чехов.

Королева обернулась тоже. Пришлось махнуть им рукой. Космонавт вернулся из полета, блин. Всем привет. Спасибо за поздравления. Поддернув куртку, Игорь медленно пошел к столу для пинг-понга. Джинсы, оказывается, вполне могли служить инструментом пытки. Особенно, если твой член...

— Лага, ты — следующий, — проинформировал Ромыч.

— Ага.

Какие все внимательные, когда не надо. Игорь остановился, пытаясь незаметно, через карман, повлиять на положение строптивой части тела.

— Эй-эй! — поднял крик Ромыч. — Что за поддавки? Антоха, ты подбрасывай! Я тебе девятки только что скидывал!

— Я приберегу, — сказал Чехов.

— Даешь Ирке выйти?

— Да.

— Антошка, спасибо, — с чувством сказала Королева.

Еще бы поцеловала! — с завистью подумал Игорь. Заметив, что к нему подходит Чира, он повернулся боком, опираясь о стол бедром.

— Сыграем? — спросил Чира, беря ракетку.

— Не.

— А че?

— Да у меня это... очередь подходит.

— До трех очков!

Чира подкинул шарик и послал его ракеткой через сетку. Игорь попытался поймать шарик рукой, но тот проскочил под пальцами и скакнул со стола.

— Руки-крюки! — сказал Чира.

— Сам бы попробовал.

Игорь сходил за шариком к трубам.

— Один — ноль, — сказал Чира.

— Не, я не играю.

Чира заступил ему проход.

— Ты че бычишь-то?

— В смысле? — Игорь остановился.

От ухмылки Чиры ему стало не по себе. На второй план отодвинулись большие уши и нос, зато черные, чуть прищуренные глаза, полные какой-то непонятной злости, пробили Игоря до мурашек.

— Ты бычишь, — уже утвердительно повторил Чира.

— Да нет.

— Тогда играй.

Ракетка без покрытия проскребла по столу. Как тут откажешься? У Игоря болезненно сжалось в животе. Чира ведь и драться полезет.

— Я с тобой сыграю!

Титаренко, хлопнув дверью туалета, на ходу потер ладони о штанины. Игорь, как к спасителю, исполнился к нему настоящей благодарности.

— А че ты? — спросил Чира, высоко задирая подбородок.

— Потому что я тебя вынесу, — сказал Титаренко.

— Ты? Меня?

— Ага, — Титаренко завладел ракеткой и хлопнул Игоря по плечу. — Давай, свободен, Лага, не мешай.

— Ла... ладно.

Мимо раскачивающегося на полусогнутых ногах Титаренко Игорь двинулся к дивану. За спиной застучал шарик — пок, пок, пок.

Напряжение в паху исчезло, будто его и не было. Как мало, в сущности, понадобилось, чтобы непослушное тело вновь стало послушным. Всего лишь один наглый пацан с холодными глазами. Но ведь задрал! Чего вдруг ему в пинг-понг именно с ним играть приспичило? Еще — быкуешь! То есть, бычишь.

Ромыч тем временем в сердцах бросил карты на стол.

— Ага, играй с вами! Жулики!

Он слез со стула и составил компанию Ляпе на полу.

— Ромчик, ты куда? — весело спросила Королева.

— В баню!

— Но все же честно!

— Ага, только кому-то подбрасывают, а кому-то не подбрасывают, — обиженно ответил Ромыч. — А так честно, сто пудов.

— Садись, Лага, — кивнул на стул, оставленный проигравшим, Чехов.

Игорь сел.

— Кто сдает? — бодро спросил он.

— Ты, конечно! — рассмеялась Королева.

В подвале было тепло, даже жарковато. От труб текла волна сухого, прогретого воздуха. Игорь расстегнул куртку и подобрал карты. Он хотел тасовать колоду быстро и уверенно, чтобы Королева оценила его мастерство, но карты уже были растрепавшиеся, одна вылетела и упала на стол. То ли Шинкарева, то ли Рачкина фыркнула.

Испытав к одноклассницам мимолетный укол обиды, Игорь стал мешать медленнее. Карты терлись друг о друга.

— Тит! Титаренко! — позвал Чехов. — У нас следующий заход. Ты как?

— Не, — сказал Титаренко под стук шарика, — без меня, я тут Чиру выношу...

— Хрен ты выносишь! — вставил Чира.

— Возьмите Ляпу, — предложил Титаренко.

— Ляпа кино досматривает!

— Ну, Ромыча обратно.

— Они жулят! — крикнул Ромыч.

— Блин, тогда Таньку или Ленку!

— Танька, — пихнула Королева подругу, — садись давай вместо Титаренко. Ты же хотела.

— А чего я? — сказала Шинкарева. — Пусть Ленка.

Рачкина возмущенно откинулась на диванную спинку, вздернув худые ноги.

— Вы чего? Я вообще играть не умею!

— Так я раздаю? — спросил Игорь, ища взглядом глаза Королевой, будто спрашивая у нее разрешения.

— Все! Тихо! — повысил голос Чехов. — Раз никто не хочет, на правах хозяина объявляю перерыв. Джипси-тайм!

— Чего? — удивился Игорь.

— О, я тоже хочу! — привстал Ляпа, вдруг совершенно расхотев смотреть свой «День независимости».

— И я! — втиснулся на стул рядом с Игорем Ромыч.

Чехов подошел к шкафчику у стены и вытянул из-за ворота футболки шнурок с ключом. Обернулся.

— Кто будет?

— Я! — высоко вверх вытянула руку Королева.

— И мы тоже, — сказали хором Шинкарева и Рачкина.

— Титыч, ты как? — крикнул Чехов.

— Всегда «за», — сказал Титаренко.

Чехов выпрямился и принялся загибать пальцы:

— Ромыч, Ляпа, Титыч, Чира, само собой, девчонки и я. Итого восемь «кораблей». Лага, ты как, будешь?

— Что буду? — спросил Игорь, не понимая.

Королева звонко рассмеялась.

— Антон, Игорь что, не в курсе? — спросила она.

Глаза ее весело сверкнули.

— Сейчас будет в курсе, — заверил ее Чехов и открыл шкафчик. — Мы, Лага, — сказал

он, достав десяток тонких, похожих на сигареты бумажных цилиндриков, — немножко балуемся растительным миром.

— Чем?

— Травкой, — сказал Чехов.

— Марьей Ивановной, — сказал Ромыч, поправив очки.

— Дымим мы, — сказал Чира от стола.

— Курите? — сообразил Игорь.

— Мы не просто курим, — Чехов пошел в обход компании, каждому раздавая сигаретины, — мы потребляем, так сказать, продукт, позволяющий иначе воспринимать ту реальность, в которой мы только гости.

Ляпа вдруг заржал.

— Ляпа, — обернулся Чехов, — ты что, пыхнул уже где-то?

Он сходил к Титаренко и Чире, а затем встал перед Игорем. Последняя сигаретина лежала у него на ладони, из неуклюже завернутого бумажного конца торчала короткая соломинка.

— Будешь?

— Но это же...

Игорь посмотрел на Ромыча, на Шинкареву с Рачкиной, на Ирку, которая деловито катала свой цилиндрик в пальцах.

— В Штатах, — сказал Чехов, — марихуана, между прочим, разрешена. Считается вообще лечебным препаратом.

— Ага, я тоже слышал, — поддакнул Титаренко.

— Я не знаю, — выдохнул Игорь. — Я вообще не курю.

— И все же? — Чехов с улыбкой покачал сигаретиной перед его лицом. — Другого шанса не будет.

— Я...

— Не очкуй, — подал голос Чира.

Злость вспыхнула в Игоре.

— Я не очкую! — громко сказал он. — Я не очканавт. Мне просто через час дома надо быть.

— Без проблем, — сказал Чехов. — «Косячок» как раз где-то на час действия. Полетишь домой как на крыльях. Кофе только зажуешь, прямо из банки, без воды, насухую, чтоб запаха не было. Итак, Лага...

Игорь так и не понял, как сигаретина оказалась в его пальцах.

— Ну, я не знаю...

— А Ирка тебя поцелует, — сказал Чехов. — За храбрость. Поцелуй за храбрость — круто звучит, да?

— Я могу, — сказала Королева.

— Не, ну это... — смутился Игорь. — Так-то зачем? Как будто я за поцелуй...

— Ты против? — шутливо возмутилась Ирка.

— Нет-нет, — быстро сказал Игорь. — Почему? Я готов.

— Ну, Лага, ты попал! — сказал Чехов.

Все засмеялись. Ромыч потеснил Шинкареву. Ляпа лег на пол. Чира и Титаренко, пихая друг друга, угнездились в кресле. Игорь, глядя на остальных, сунул сигаретину в рот. Чехов снова оказался рядом, предупредительно поднес зажигалку. Пыхнул оранжевый огонек.

— Сильно не затягивайся, — сказал он. — И сядь.

— А то что? — спросил Игорь.

— Ничего. Хорошо будет.

Кончик сигаретины заалел.

— Ну, — сказал Чехов.

Игорь, опустившись на свободный стул, втянул в себя сладкий, какой-то ласковый дым. Секунда, другая — и мир сделался бархатным, мягким, расслабленным, голова улетела под потолок, тело закачалось на невидимых волнах, где-то на небе заиграла музыка, и мысли поплыли ленивые, медленные, как ленивцы. Через час домой. А на черта домой? Что там дома? Дома, представьте, черти.

Игорь засмеялся.

Черти. Папа-черт. Мама-черт. Или чертиня? Ха-ха-ха. Четыре... нет, два черненьких чернявеньких чертенка...

— Ну как? — из мягкого, уютного тумана показалась физиономия Чехова и моргнула заботливыми серыми глазами. — Все хорошо?

— Круто! — кивнул Игорь. — Даже это... совсем...

Его вдруг обволокло такое настоящее, такое бескомпромиссное счастье, что ни говорить, ни куда-то идти, ни вообще двигаться стало незачем. Он смотрел на Чехова и Королеву, на Ромыча, на Шинкареву и Рачкину и любил их всех. Какие они все замечательные! Смеются. Он загоготал в ответ. Никогда не подозревал, что умеет издавать такие звуки. Кайф!

С новой затяжкой голова сделалась еще легче. Игорь даже придержал ее за ухо, чем вызвал взрыв хохота на диване.

— Вы что? — удивился он. — Улетит же!

— Куда улетит?

— У тебя — шея!

— Она что, вытягивается? — спросил Игорь. — Как у жирафа?

— Нет, блин, ты — утконос! — заржал Ромыч.

Утко нос. Утку носит. Что за утка такая, что ее приходится носить? Жирная, видимо. Или дохлая. Игорь захихикал.

— Игорек!

Из диванного подпространства навстречу ему выдвинулась улыбка. То есть, сначала Игорь увидел улыбку, а потом — зеленые, смеющиеся, игривые глаза. Королева! Огонек сигаретины проплыл, затирая все остальное приторным дымком.

— Ирка? — выдохнул он.

— Я же обещала, — сказала Королева.

Она обвила шею Игоря руками. Лицо ее оказалось совсем близко. Волосы щекотно мазнули по щеке. Губы у Ирки были припухшие, левый зуб-клычок стоял неровно, пятнышко от скорлупы темнело у крыла носа, а в глазах был он, Лага, Игорь Лаголев собственной персоной.

Остановись, мгновенье, ты прекрасно! — чуть не заорал Игорь. Он не знал, что с ним. Он не знал, где он. Он был все. Внутри него, стиснутая грудной клеткой, пыталась образоваться новая вселенная.

Кто-то заухал, с кресла, кажется, присвистнул Чира, Чехов, подняв руки, хлопал ладонями над головой.

Поцелуй у Королевой вышел короткий, но чувственный. Сладковатый. Игорь ощутил, как чужие губы втиснулись в его губы, ощутил касание, единение кожи, Иркины ресницы ласково укололи переносицу.

Где-то под черепом запустили фейерверк.

— Ну, как? — спросила Королева, отступив.

— Еще! — попросил Игорь.

Он протянул руки. Ему казалось, достаточно попросить. Как, как можно отказать в том, что необходимо?

— Ну, Лага, ты не наглей, — сказал Чехов, усаживая Королеву обратно на диван. — Это было поощрение, а не постоянная привилегия.

У меня есть писюн, то есть, член, подумал Игорь. Надо сказать об этом. Тогда все станет ясно. Я видел, как это делается. Видеосалон на Кузнечной, вечерний сеанс, по пятерке с носа. Мы — взрослые люди...

— Лага! — захохотал Ромыч. — Ты руки-то опусти!

Он спародировал позу Игоря после поцелуя. Получилось смешно. Как будто милостыню выпрашивал. Еще голову наклонил, придав лицу жалостливое выражение. Подайте копеечку!

Взвизгнула, застучала ногами по полу Рачкина.

— Ой, не могу!

С минуту подвал трясся от смеха, рычал, фыркал, икал, подвывал и колыхался в зыбких конопляных волнах.

— Шинкарева, поможешь?

— Вот еще!

— Может ты, Рачкина, подаришь поцелуй?

— Ой, ха-ха!

— Давайте я! — поднял руку с пола Ляпа.

Игорь смеялся вместе со всеми. Его корчило. Поцелуй горел в углу рта. Пробеушь языком — сладко. Сигаретина куда-то делась, выродилась в чинарик на полногтя. Но круто! Кайф! Кайф оф лайф!

— Что, Лага, — крикнул Чехов, — распробовал?

Игорь закивал. Все было классно. В голове звучала музыка. Или это в подвале кто-то врубил мафон? Ха, не важно. Он выстучал ритм по спинке стула — тра-та-та-та. Вечно так и сидел бы. Или лечь, как Ляпа?

— Сегодня вообще приход кайфовый, — авторитетно заявил Ромыч. — Травка — супер.

— Дерьма не держим, — сказал Чехов.

Игорь запрокинул голову. Потолок странно пульсировал. Он был серый, с видимыми швами, но волны по нему бежали зеленые. Он отдалялся, уносился вверх, в квартиры живущих над ним людей, увлекая за собой, как в трубу или в воронку.

Какие-то новые, необычные мысли елозили в голове. О жизни, о школе, о Королевой. Что отец — старательный неудачник. Что мать — без пяти минут истеричка. Что все вокруг связано невидимыми нитями. Дернешь за одну, а отзвук через сотню километров слышится. И вообще, надо открыто спросить, нравится ли он ей. В смысле, у Ирки. Хи-хи. Все сделается проще. А то ходит она тут, а джинсы для эрекции не приспособлены. В отказе, конечно, мало приятного, но тогда с чистой совестью можно переключиться на Куликову Аньку.

Или вот на Таньку.

Игорь улыбнулся Шинкаревой и зачем-то помахал ей рукой.

— Может, еще по одной? — спросил кто-то.

— Ай-яй-яй, Титыч, — расслабленно отозвался Чехов, — ай-яй-яй. Я же не... — он замялся, подбирая слово. — Ну, ты понял, я думаю.

— А если я попрошу? — спросила Королева.

— С поцелуем, как для Лаги? — уточнил Чехов.

— Антоша, — сказала Королева, небрежно запуская руку в его волосы, — я способна не только на поцелуи. Ты просто меня не знаешь.

— Не знаю?

— Нет.

— Э!

Игорь сфокусировал зрение на диване.

Ирка, оказывается, уже перекинула одну ногу через ноги Чехова и прижималась к нему всем телом. Курточка снята. Красно-белый свитер слегка задрался вверх, открывая светлую полоску голой спины. Носом Королева тыкалась Чехову в челюсть. Чехов улыбался, кайфовал видимой Игорю половиной лица, а свободная рука его путешествовала по интересным девчоночьим местам.

Игорь вскочил.

— А я?

Все рассмеялись. Королева повернула голову. В глазах ее, таких притягательных, таких зовущих, стоял туман.

— Ты?

— Я, может, тоже...

Игорь двинулся к дивану.

— К нам? — Королева захохотала.

— Куда? — лениво оттолкнул его ногой Ромыч, который головой уже лежал у Шинкаревой на животе.

Игоря, впрочем, это не остановило.

— Я с вами. Я умею. Я фильмы...

— Какие фильмы?

Веселый Чехов, освободившись от Королевой, поднялся и отбросил Игоря обратно на стул. Падая, тот под общий смех задел стол, сшиб пустую бутылку и карты.

— Вы чего?

Обида обожгла, выдернула с четверенок на ноги. Посыпалась шелуха. Игорь посмотрел на сидящих, лежащих, таких, казалось бы, свойских ребят.

— Вы вот так?

Голос его сделался тонким.словно ржавая пружина, разворачиваясь в животе, острыми краями врезалась в кишки. Прочь! Прочь! — зазвенело в голове. Они сами по себе, значит, ты тоже сам...

Со всей душой...

— Идите вы!

Он кинулся из подвала к двери.

— Блин, как он громко! — сказала Рачкина недовольно.

— Ты куда, олень? — крикнул Чехов.

— Все! Пока!

Игорь проскочил мимо стола для пинг-понга.

— Не туда! — захохотал Чехов. — Там туалет!

— Ой, не могу! — застонала Королева.

— Олень! У Лаги новая кличка! Он теперь Олень!

Игорь развернулся.

— Сами вы!

— Возьми кофе, зажуй! — потряс жестяной банкой Чехов. — Спалишь всю контору, олень.

— И спалю!

Под хохот и стоны, словно подхваченный мутной, шипящей, гремящей волной, Игорь за секунду пролетел через тамбур и задергал железную дверь, преградившую ему путь. На воздух! На волю! Отклонившегося сторожа Саню, взирающего на него с удивлением, он заметил только через минуту.

— Открой! — потребовал он.

— Ты как? — спросил Саня, складывая на коленях книжку.

— Я в порядке! — заявил Игорь.

Он притопнул ногой в дурацком ботинке и затряс дверь снова, чувствуя, как в уголках глаз копится злая обида.

— Подожди, здесь просто, — сказал Саня.

Он протянул руку, громыхнул запором, и вечер распахнулся перед беглецом, а свежий воздух ударил в лицо.

— О-о! — выдохнул Игорь.

Полутона и оттенки темноты, запахи, звуки ошеломили его. Во всем была удивительная красота, гармония, даже в шершавой бетонной стенке, которую косой полосой пометил свет лампы.

— Прошу, — показал рукой Саня.

— Ты это... Они там — дураки, — сказал Игорь. — Смеются, над чем... Сами... Я фильмы смотрел! Ты видел Королеву?

— Видел.

— Глаза — зеленые, заметил?

Посчитав, что сказал все, что хотел, сказал понятно, Игорь взбежал по ступенькам на тротуар, будто из одного мира в другой. Сизый дымок поплыл рядом, дружелюбно обвивая руки, ноги. Зажевать, да. Обязательно зажевать. А зачем? Ах, да, чтобы что-то там...

Улица танцевала под ногами. Взбрыкивала, как норовистый жеребец. Фонарные огни оставляли дымные следы. Дома прорастали в темноту. Или темнота оформлялась в дома, это было не до конца ясно. Странную силу вдруг приобрел ветер. Легкого порыва теперь было достаточно, чтобы сдвинуть его с места, сбить с шага, вытащить на проезжую часть. Ветер играл им, мотая по всей улице. Игорь смеялся. Потом свет фар заставил его забраться в кусты, и минут пять, напуганный, он наблюдал оттуда за шуршащей, обманчивой темнотой. Как он очутился у ларька, где к стеклам прилипли цветные обертки от конфет, водочные и пивные этикетки, Игорь, даже если бы напрягся, сказать не мог. Вылепилось окошко, в него, наверное, стоило постучать. Тук-тук, кто-кто в теремочке...

— Чего тебе? — дохнуло теплом из ларька.

— Кофе!

Игорь кинул десятку на приколоченное блюдечко.

— Этого мало, — сварливо сказала возникшая из глубины недовольная физиономия.

У физиономии имелись маленькие глаза, крупный нос и обведенный красной помадой большой, громкий рот.

— А мне и надо мало, — сказал Игорь. — Я же не прошу много. Я прошу отсыпать на десять рублей. Ложечку, буквально...

— Может, тебе в пакетике? — смягчилась физиономия.

— Ложечку, сударыня. Пакет для меня слишком большой. Вот сюда.

Игорь высунул язык. Физиономия свела брови.

— Наркоман, что ли?

Игорь хохотнул и тут же зажал себе рот ладонью.

— А как вы узнали?

— Все! — Женщина взяла десятку и бросила на блюдечко коричневый пакетик. — Бери кофе и иди отсюда! Пять рублей сдачи.

К пакету добавилась монета.

— Спа... — Игорь поклонился. — Благодарю!

Пакет он оприходовал тут же, и двух метров не отойдя от ларька. Сладко-горькая смесь склеила губы, заскрипела на зубах. Пытаясь как-то прожевать ее, Игорь медленно побрел к свету одинокого фонаря. Спасение приходит неожиданно, думалось ему. Как в кино. Мы все — герои кинофильма. Главное, уметь ждать. Кто терпеливей, того и спасение.

Минут через десять, когда эффект от марихуанны притупился, он обнаружил, что сидит на корточках не понятно где, вокруг темно, а в руках у него — мокрая, осклизлая палка. Где он ее достал и от кого прячется, так и осталось загадкой.

Место Игорь, слава богу, узнал, выбрался из узкой траншеи, что прокопали ремонтники недалеко от детской площадки, мелкими перебежками, влетев ногой в лужу, добрался до подъездной двери. Притормозил, обнюхал куртку,дохнул на ладонь — пахнет ли травкой. Ничего вроде бы не учуялось. Отец-то ладно, а вот от матери могло и влететь.

Носок в левом ботинке намок, и подаренное сигаретиной настроение улетучилось. Ни денег, ни кроссовок. Супер!

А Королева с Чеховым сосетя!

И, наверное, каждый день. Или раз в два дня. А что они еще там делают, лучше не представлять. Лучше башкой в стенку.

В квартиру Игорь влетел злым. Содрал куртку. Скинул ботинки. Мать, конечно, ждала. Стояла в дверях в большую комнату.

— Игорь!

Не принохивалась, просто была на взводе. Губы поджаты, глаза узяты, щеки вот-вот пойдут пятнами. В общем, здравствуй, мама.

— Что?

— Ты где был?

— Где надо.

Дальше мать прочно присела на уши, распаяясь до крика, а Игорь отвечал на автомате, почему-то представляя разговор, как игру в пинг-понг. Мать подает, он отбивает. Пок-пок. Пок-пок. Тебе никто не разрешал... Это мое дело... Да как ты разговариваешь с матерью! А как? Я нормально, у меня ботинки протекают!

Даже в комнате спрятаться не вышло. Мать то ли с ума сошла, то ли находилась близко к этому. Кричала на уровне ультразвука. Наверное, отец довел. У него это как-то само собой

получается. Чья комната? Моя комната! Хочешь кроссовки — драй комнату! Вылизывай. Скобли. Бешенство матки, блин.

Пришлось взять тряпку, налить ведро воды. Хорошо, мать над душой стоять не стала, выперлась на поиски заплутавшего папани. Ей-то все равно, что Королева с Чеховым с утра до ночи... Эх, Ирка, Ирка. Ирочка.

Ладно, полы он кое-как вымыл, но мать, вернувшись с пришибленным, проворонившим сына отцом, зашла проверить и, конечно, нашла, к чему придраться. Углы сухие, под кроватью вообще едва протерто. Не выбесила, но настроение убила. Ругаться с ней Игорь не стал только потому, что стало лениво. Ну ее.

Хорошо хоть кроссовки пообещала. Мечты сбываются, блин. А Ирка классно целуется. И все уже знают, что он к ней неровно... Игорь потрогал уголок губы. Пальцы липли. Блин, кофе.

Ближе к полуночи его пробило на хавчик.

Уснуть Лаголеву долго не удавалось.

Все никак не могло успокоиться взбаламученное болотце, называемое душой. То оно клокотало и дергало, то надувало кислотные пузыри и заставляло жаться в разложенном кресле и переворачиваться с боку на бок. Таков мир, шептал кто-то внутри Лаголева, перлюстрируя события дня. Что ты можешь? Ничего. Ты посмотри, это же паноптикум, сборище уродов вокруг. Это не твоё время, это их время.

В памяти, как в промоине, всплывали Руслан, бабка с протянутой рукой, пожилая клуша на остановке, решившая вдруг, что Лаголев имеет на нее виды, манекены, дурной ребенок с пистолетом, Кярим Ахметович и Левончик.

Всплывала Натка.

И ты, Натка, с ними, шептал Лаголев. Что с тобой случилось? Почему? Ты же была другая. Как же тебя перекрутило, Наточка моя. Коснуться невозможно. Улыбнуться невозможно. Обнять невозможно. Разве я плох? Я такой же, каким был. Лет, конечно, прибавил, но я просто... я не могу угнаться за изменениями. Не хочу я, как Кумочкин, с топором... Понимаешь? А мне говорят, что без топора никуда. Соответствуй. Обрастай. Становись зверем.

Ты тоже этого хочешь? Ты этого хочешь? Но кем я стану тогда? Я свихнусь. Наверное, беда моя в том, что я, оторопело фиксируя изменения привычной мне реальности, не следил, как эта искаженная реальность меняет тебя. По сантиметру, по кусочку, по мысли она поглотила мою Натку. А вместо нее появилось существо с твоей внешностью. Может быть поэтому мне так сложно расстаться с иллюзией, что мы все еще семья. Я все еще считаю, существо, которое ты, тобой прежней.

Дурак.

Но холодильник я подвину. Хоть он и туша, пожалуй, больше меня весом. Я еще не научился включать мозг. Я его подвину. С помощью плеча, рычага, лебедки, в конце концов. Я придумаю. Только оценишь ли ты это, Натка? Или посчитаешь, будто так и должно быть? Знаешь, я надеюсь, я не прочитаю в твоих глазах, что в кои-то веки косорукое чудо сподобилось на полезное действие.

А там и Кярим Ахметович отдаст обещанное. За два месяца, Натка. За два месяца! Это можно и на поход в ресторан разориться. Лаголев почти уснул, представляя, как перед ним распахиваются высокие стеклянные двери ресторана. Дамы, конечно, вперед. Он идет за Наткой, которая крутит головой от великолепия холла. Люстры, лепнина, позолота. Ростовые зеркала в старинных, вековой давности рамах. Они сдают куртку, пальто в гардероб. Лаголев — в костюме еще советской поры, плотная ткань в «елочку», сноса нет. При галстуке. Натка — в шикарном платье, купленном как-то по случаю у подруги, притаранившей его из-за границы. Из Италии что ли? В общем, прет-а-порте, высокая мода. Темное, с блестками. Напыщенный метрдотель сгибается у стойки. Извольте, я проведу вас к вашему столику? А почему бы и не изволить? Они изволяют. Натка смеется.

Ах, как она смеется!

Душа Лаголева наполнилась тихим светом, он почти уплыл в сон, как в другую, счастливую жизнь, но сын, решивший среди ночи проверить холодильник, вернул его обратно. Лаголев поднял голову.

— Игорь! — прохрипел он.

Сын не услышал. Стукнула крышка кастрюли. Зазвенела упавшая на пол ложка. Раздались шлепки босых ног туда-сюда.

— Игорь, — приподняв голову, снова позвал Лаголев.

— Встань, зараза, и посмотри, — отозвалась из кровати Натка. — Достали уже! Один жрать придумал, другой вдруг голос обрел.

Под ее телом раздраженно скрипнули матрасные пружины.

— Прости.

Лаголев сбросил одеяло. Сын на кухне стучал ложкой — бум-бум-бум-бум. Как будто никого, кроме него, в квартире не было. Когда ума прибавится? Он ведь тоже, как Натка, совсем другой стал. Чужой.

— Игорь.

Сын, поднявший голову от тарелки, едва не показался ему каким-то inferнальным существом. В одной руке у него была ложка, в другой — толстый кусок хлеба, покрытый двумя ломтями вареной колбасы. Глаза выпучены. Подбородок влажно блестел, словно Игорь то ли торопился, то ли изредка промахивался мимо рта. Челюсти ходили, перемалывая начинку борща — капусту, свеклу, картошку.

— Ты чего? — спросил Лаголев, встав на пороге в одних трусах.

Сын замер, будто вопрос застал его врасплох. Вор-домушник, прищученный хозяевами.

— Ничего, — ответил он.

— А зачем ложкой стучишь?

— Так это... суп, — показал глазами сын.

— А времени сколько? Мы с мамой уже спим, — сказал Лаголев.

Отпрыск фыркнул, словно что-то ему показалось смешным.

— Ну, меня че-то пробило... — сказал он.

— Пробило?

— Жор напал, — сын не замедлил загрузить в рот полную ложку. Проглотил. — Наверное, болезнь роста.

— Ты можешь хотя бы есть потише? — спросил Лаголев.

— А я громко?

— Да!

— Да я это... почти все.

Сын шумно всосал в себя остатки борща через край тарелки и утер губы ладонью.

— Ложись давай, — сказал Лаголев.

— Ага.

Игорь затолкал в рот большую часть бутерброда. Секунд пять Лаголев смотрел на его раздутые щеки, украшенные прыщами. Потом сказал:

— И свет выключить не забудь.

Вернувшись в комнату, он зябко поежился и забрался на кресло. Одеяло сползло на пол, у простыни завернулся угол.

— Что там Игорь? — спросила Натка.

— Жрет, — ответил Лаголев, укладываясь.

— Весь в тебя.

Возражать смысла не было. Что он мог возразить? Что это также и ее сын? Что мужчины еще не научились рожать? Что он пытался его воспитывать, но с этим слетевшим с

кагушек, повернувшись на деньгах миром все пошло наперекосяк? Увы, он утратил свое влияние, он стал Игорю не интересен, потому что джинсы — интересней, девочки — интересней, одноклассники, одноклассники, автомобили, игровые приставки, американские фильмы, пиво и взрослые журналы — все интересней, чем он.

Возможно, подумал Лаголев, слушая, как сын шныряет по квартире — в туалет, на кухню, в ванную, опять на кухню, — в этом есть и его вина. Он растерялся. Он не знал, как жить. Не кричать же на каждом углу: «Свобода!». От чего свобода-то?

Он с ужасом, с замиранием следил, как страна, подобно самолету, оставшемуся без пилотов, сваливается в пике. Господи, он был всего лишь пассажир. Пассажир! Один из миллионов. Он даже не смотрел на соседние кресла.

Ни на Игоря. Ни на Натку.

А земля — вот она. Тр-рямс! — и в мелкие осколки. Бартер! Неплатежи! Долги! Демократия! Гуманитарная помощь!

Не было времени. Не было воздуха. Не было денег. Новая реальность прожевала его и нашла невкусным. Горло не дерет, наглостью не страдает, в психических отклонениях не замечен. Нет, чтоб как Кумочкин с топором.

Лаголев засопел и сердито шевельнулся. Все, привязался маньяк. Засел в голове. Где бы найти толкового экзорциста?

— Спи! — прикрикнула вдруг Натка.

Лаголев замер. Кому это она? Игорю или ему? Сын наконец утопал в свою комнату и там затих. Сквозь вязкую ночную тишину проклюнулось тиканье часов. Ток-ток-ток. То громче, то тише. Ток-ток.

— Я и так сплю, — негромко сказал Лаголев.

Он перевернулся на живот и действительно уснул. Правда, ему показалось, что он лишь на мгновение сомкнул глаза. Шторка, отделяющая его от реальности, опустилась и тут же приподнялась.

— Лаголев, ты храпишь, как свинья.

Лаголев почувствовал, как в районе ребер подопнули подушку кресла.

— Что?

Он перевернулся на спину и сразу же зажмурился от света, текущего из окна.

— Вставай, Лаголев, — произнесла Натка, белой ночной рубашкой маяча где-то за поворотом головы, — тебя ждут великие дела.

— Уже утро? — сообразил Лаголев.

— Господи, глаза-то разуй.

Натка скрипнула дверцей шкафа и спряталась за ней. Лаголев приподнялся.

— Нет, серьезно? Сколько?

— Половина восьмого.

— Да, что-то я...

— Что-то ты! Это уж точно!

Натка стянула ночнушку через голову и повесила на дверце.

Со своего места Лаголеву переодевание видно не было, но в зеркале поставленного к стене трюмо отражались Наткины голая спина и ноги. И синие трусики. Когда Натка, зацепив пальцами, спустила их вниз, Лаголев почувствовал, как внизу живота у него, преодолевая тяжесть одеяла, выпрямляется...

— Игорь! — крикнула Натка. — Игорь, ты встал?

Словно пойманный врасплох, Лаголев нырнул вниз. Нет, это, конечно, не к нему относилось, слава богу, а к сыну, но достаточно было Натке оглянуться... Скрючившись, он прижал одеяло к животу.

— Лаголев!

— Что? — выглянул он из своей позы, как сурок из норы.

— Ты что там, самоудовлетворяешься? — спросила Натка, возникая перед ним через секунду.

Она успела надеть свободную блузку и чисто домашние серые штаны в мелкую светлую полоску. Лицо выглядело со сна злым, как-то ужалось что ли, усохло. Нижнюю челюсть обтянуло, как у мумии.

— Нет, ты это... глупости-то оставь, — сказал Лаголев, изображая обиду. — Я, если захочу, то сделаю это в одиночестве.

— Давай, делай, инструмент в руку, — сказала жена, выходя в коридор с полотенцем. — У тебя есть десять минут. Потом у тебя свидание.

— Совсем, да? — повернул голову Лаголев.

— Тогда заправляйся и приготовь завтрак, — уже из ванной ответила Натка.

«Яволь! — чуть не сказал Лаголев. — Яволь, гестапо-фюрер Наталья Владимировна!».

— И Игоря разбуди, — добавила жена и закрыла дверь, отсекая возможность оспорить внезапную обязанность.

— Ага, всегда готов, — пробормотал Лаголев.

Как так? Он считал, что во сне человек проходит перезагрузку. Обновляются клетки, вымывается негатив, укрепляется иммунитет, подсознание ковыряет жизненные проблемы, чтобы утром ты встал посвежевший, светлый, с желанием жить и творить добро. Но Натка разбивала это построение в пух и прах. Заснула злой, проснулась еще злее. О, господи, не слететь бы в самом деле с катушек.

Лаголев скинул одеяло и несколько секунд тоскливо смотрел на свои ноги с отросшими ногтями. Глухое раздражение росло в груди. На мгновение его чуть не вынесло в коридор. Мысленно с ноги он уже выбивал дверь ванной, заскакивал и с оттяжкой бил полотенцем по голой спине, голой заднице жены. Как ты, зараза, с мужем разговариваешь! Но очнулся стоящим у кресла со скрученной простыней в руках. Воин-простыненосец! А дальше, дальше что? Шлепнешь, а дальше?

Этого он не знал.

Лаголев сокрушенно вздохнул. Он на грани, на грани. И если Натка этого не видит, она — дура. Уйти только некуда. Натянув тренировочные штаны, майку и рубашку, Лаголев сходил в туалет. За стенкой зло шипела вода. Просто шипела, не меняла тональность, не прерывалась вмешательством человеческой руки. Возможно, Натка сидела на бортике ванны и беззвучно редела о том, какой Лаголев урод.

Только что он может сделать-то? Напасть на Кярима Ахметовича с ножом? Договорились же, что завтра...

«Нат», — чуть не сказал Лаголев через стенку, но вода вдруг ударила сильнее, застучала о капроновую шгорку, и порыв рассосался. Ладно.

На кухне он достал из нутра газовой плиты сковородку, сполоснул ее, поставил на конфорку. Почесал лоб, соображая. Завтрак так завтрак. Четыре яйца и помидоры. Демократично и вкусно. Можно добавить пару ломтиков колбасы, если Игорь не сожрал ее всю. И если у них есть помидоры.

Рутинные действия Лаголева чуть успокоили. Он наливал масло, выкладывал нарезанные кружками помидоры, бил яйца. Натка любила, когда желток не растекался, и ему удалось сделать это в двух случаях из четырех.

Пригасив огонь и накрыв яичницу крышкой, Лаголев направился к сыну.

— Игорь.

Комната, служившая отпрыску личным пространством, оказалась не заперта. Висели плакаты. В щель между шторами сочилось утро. Имелась хоть какая-то видимость порядка, хотя белье комками лежало на стульях. Игорь уснул на кровати, не раздеваясь, едва до середины бедер стянув джинсы. Лаголев подумал, что спать так, должно быть, жутко неудобно.

— Игорь.

Он включил свет. Пол был в разводах. Джойстик свисал со стола на шнуре, будто странная, короткокрылая бабочка траурно-черного цвета. Рюкзак на столе. И там же — пятиэтажная постройка из учебников. Лаголев шагнул в комнату.

— Игорь, вставай.

Сын со стоном повернулся.

— Бли-и-ин!

— Давай-давай, — поторопил Лаголев. — А то мать передумает.

— И чего? — спросил сын, протирая глаз тыльной стороной ладони.

— Ничего. Кроссовок не получишь.

— Получу.

Сын выгнул спину. Лаголев поневоле отметил его эрекцию, натянувшую плавки. Вырос, сынуля. Молодой самец. С кроссовками ранг его, как самца, взлетит на невиданную высоту. Ну, как он сам думает. Натка, конечно, научила, что в человеке главное. Кроссовки. Куртка. Джинсы. Шмотки.

— Ты это, — сказал Лаголев, — матери только свою эрекцию не демонстрируй.

— Папа, блин!

Сын резво, Лаголев и моргнуть не успел, завернулся в одеяло.

— Игорь.

— Тебя что, кто-то звал? — заверещало чадо. — Это частная территория! Я же к вам в спальню не лезу!

— Завтрак почти готов, — сказал Лаголев.

Сын что-то пробубнил. Из-под одеяла слышно не было. То ли «нафиг ваш завтрак». То ли «имел я ваш завтрак». Ничего умного, в общем.

Скорым шагом Лаголев устремился на кухню и поспел вовремя — яичница достигла нужной кондиции и плевалась в стеклянную крышку маслом и томатными семечками. Он выключил газ и, вооружившись деревянной лопаткой, принялся делить блюдо на три части. Помидорную часть — себе, с колбасой — сыну, с живыми желтками — Натке. Та как раз в банном халате выбралась из ванной. Где-то Лаголев читал, что вода тоже смывает негатив, но жена и после душа вовсе не выглядела подобрешей. Он чувствовал ее взвинченность и раздражение. Тряхнув мокрыми волосами, Натка взяла с полки фен.

— Что, не сжег завтрак? — на миг заглянула она в кухню.

Вроде и со смешком сказала, но желая задеть, убедиться, что косорукий муж такой же косорукий, как и был.

— Нет, — сказал Лаголев.

Но фен уже заработал, завыл, и ответ его пропал втуне. Значит, с грустью подумал Лаголев, это был риторический вопрос. Он нарезал хлеб, поставил кипятиться чайник, из шкафчиков достал сахар и кружки. Игореvu кружку, правда, пришлось изымать из раковины. Лаголев по-быстрому прошелся по ней губкой. Чистая? Чистая. Сполоснул.

Украдкой он поглядывал на Натку, которая остервенело вздымала волосы расческой и водила раструбом фена у корней. В один из моментов проскочил в туалет сын. Был он в майке и джинсах.

— Эй, — сказала ему Натка, — ты помнишь, что должен сделать?

Сын буркнул и хлопнул дверью туалета.

— Завтрак готов, — сказал Лаголев.

Натка выключила фен.

— Ты давай к холодильнику примеряйся, — сказала она.

— Вот вы уйдете...

— Мы, может, до обеда не соберемся, — Натка с феном прошла к кухонному столу и, наклонив голову, оценила яичницу и сервировку. — Хм, Лаголев, ты чего это вдруг разошелся? Думаешь, я о деньгах забуду? Или о том, что развестись хочу?

— Нет.

— Ладно.

Фен оказался у Лаголева в руках. Натка села за стол. Лаголев ссутулился рядом, как досадное недоразумение.

— Что ты стоишь? — спросила Натка.

— Выйти?

— Садись. Побудем примерной семьей. Игорь!

Сын вышел вместе со звуком клокочущей, захлебывающейся в сливе воды. Мотнул отросшей челкой.

— Чего?

— Руки мой — и завтракать!

— Да я это... не особо хочу.

— Слышали мы, как ты вчера ночью холодильник разорвал.

— Ничего я не разорвал.

— Садись! — прикрикнула Натка.

— Сейчас.

Игорь на несколько секунд закрылся в ванной, в кухне показал матери розовые, отмытые ладони. Лаголев выключил вскипевший чайник, обратно на полку положил фен.

— Садись, садись, — сказал сыну.

— Папа-то у нас как без денег, так сама доброта и предусмотрительность, — прокомментировала с усмешкой Натка.

Ели, игнорируя Лаголева напрочь. Вроде вместе, вроде за одним столом, но муж и отец как бы отсутствовал, был прозрачным. Натка почистила огурец, разбавила им яичницу. Сын вяло поковырял колбасу, потом зацепил ломтик, зажевал, шмыгая носом.

— Простыл? — спросила Натка.

— А-а, — отмахнулся Игорь.

— Сначала зайдём к Поляковым, — наклонилась к нему Натка, — а потом уже в центр. Ты помнишь, где твои кроссовки стояли?

Сын кивнул.

— Ага. На втором этаже.

Лаголев ловил на своей тарелке помидорные ошметки. Идиллия, с горечью думал он, все ниже склоняя голову. Мать и сын. А меня нет. Я — пустое место. И что мне делать? Настойчиво лезть в разговор, чтобы заметили? Улыбаться, угождать, предупредительно держать салфетку у чужих губ, чтобы вовремя их промокнуть? Так заметят, заметят, только скажут: «Заткнись, сядь, не отвечивай».

Господи, сдохнуть что ли?

— Эй, ты не заснул там? — стукнула его в плечо Натка.

— Нет, — сказал Лаголев.

Вилка в его руке дрогнула.

— Готовься к труду и обороне, готовься, — сказала Натка, вставая. — Игорь, за тобой полы, и идем.

— Мам, блин! Может после? — заныл сын.

— Сейчас!

Лаголев повернул вилку, большой палец уперся в изгиб. Ткнуть в бок, чтобы до крови. Чтобы поняла. А если не поймет, бить еще и еще. И еще. И еще, и еще! В руку, в грудь, в щеку, в выставленную ладонь.

Господи! Он сморгнул. Вилка, выпав из пальцев, зазвенела на полу.

— Лаголев, ты чего? — со смехом спросила Натка. — Совсем старый стал? Я с тобой возиться не буду.

— Не обращай... внимания.

Лаголев нагнулся за вилкой. Натка не ушла, стояла, раздумывая.

— В общем, — сказала она, — предварительно все из холодильника вытащи. Там кости для бульона, рыба и фарш. И с полоч. Легче будет. Стоять он должен где-то здесь, — ее рука указала на цветочный рисунок на обоях, — а стол, соответственно, придвинешь к окну, а туда, на освободившееся место, поставишь стул. Или даже два стула.

— Я понял, — сказал Лаголев.

Натка посмотрела как-то странно. То ли с жалостью, то ли с желанием сказать очередную гадость.

— Справишься?

— А у меня есть выход? — поднял голову Лаголев.

— Ну, не знаю, — сказала Натка, потрогав волосы, высохли ли, — ты можешь сделать и так, чтобы я окончательно в тебе разочаровалась.

— А ты еще не окончательно?

— Нет, но очень близко.

Натка придавила стол пальцем, словно точку поставила. За ее спиной с ведром, перегибаясь, будто оно весило тонну, прошел в свою комнату сын. Этаким вчерашним дежа вю. Шваброй он отталкивался, как костылем.

— Мой хорошо! — крикнула ему Натка и обернулась уже к мужу: — Все, Лаголев, я пошла собираться, ты можешь приступать. Да, за завтрак спасибо.

Лаголев кивнул. Он дождался, пока Натка выйдет, сгрузил грязную посуду в раковину и встал у двери, оценивая пространство кухни. Вилка так и прилипла к ладони. Себе что ли всадить, расковырять бедренную артерию?

Мысль показалась перспективной. Он вполне сдохнет к тому времени, как они вернутся. Правда, тогда и Кярим Ахметович будет свободен от обязательств.

Лаголев вздохнул. Где-то внутри, как фурункул, созрело ощущение бесполезности всего и вся, всех усилий, жизни. Дожил. Все обрушилось, и я шебуршусь в обломках. Глупо бедро расковыривать, но вот в окно выскочить, выброситься с криком... Плагиат, конечно. Много таких, которые из окон. А что делать?

Лаголев поймал себя на том, что смотрит в просвет между домами. Там была удивительная синь, посаженная на кончики веток деревьев едва видимого сквера. Правда, наплыв белого дыма из трубы котельной тут же ее сбил, расстроил.

— И там протри, — услышал Лаголев и вздрогнул, словно сказали ему.

Ладно, что у нас?

Он сосредоточился на кухне. Завернул рукава простой рубашки и первым делом передвинул стол к плите, освобождая рабочее пространство. Загнал к мойке стулья. Снял мешающую транспортировке холодильника полку с выставленными на ней фарфоровыми фигурками. О фигурках вспомнить было нечего — где куплены, по какому случаю. Баянист, расписанный под гжель, корова под нее же. Натка, видимо, самостоятельно приобретала. Это раньше они на двоих жили, обставляли квартиру, обговаривая, советуясь друг с другом. Сейчас все как-то мимо. С кроссовками сыну Лаголев был просто поставлен перед фактом: кроссовки покупаются, вопрос о цене не стоит, с тебя — денежный взнос.

Лаголев сел на стул, примеряясь к дальнейшим шагам. Холодильник походил на кряжистого, пузатого борца, изготавившегося к схватке. Чувствовалось, что просто с ним не будет. Может, повалить набок?

За спиной в коридоре звякнуло ведро. Потом послышался шлепок.

— Все, иди, иди, — раздался Наткин голос, — руки кривые, как у отца. Одевайся.

Лаголев усмехнулся.

— Что, уже устал? — заглянула к нему Натка.

— Нет.

— Из розетки холодильник не забудь выключить прежде, чем двигать.

— Спасибо за напоминание.

— А вам, полоротым, что напоминай, что не напоминай... — уже из прихожей, накидывая плащ, донесла свою мысль Натка. — Все равно умудритесь что-нибудь наворотить. Я надеюсь, — она поправила в зеркале макияж, — когда мы придем, мне не придется вызывать кого-нибудь с нормальными руками.

— Похоронную команду! — крикнул оказавшийся рядом с ней сын.

И получил подзатыльник. Правда, успел втянуть голову в плечи, и рука Натки прошла вскользь по волосам.

— Ты-то куда!

— Да я так, за компанию.

— За компанию ты мог бы мне помочь, — сказал Лаголев, полуобернувшись.

Щелкнул дверной замок.

— Не, у вас же это, междусобойчик, — насмешливо сказал сын. — Вдвоем на одного — это не по-мужски.

— Иди уже! — сказала ему Натка.

Хлопок двери обрубил звуки шагов, шелест одежды, обиженный, оправдывающийся голос Игоря: «Ну я же и так...». Сделалось тихо. Лаголев покрутил головой, прислушиваясь. Тикали часы. Шумела вода в трубах. Шумно задрезжал, завибрировал железными боками холодильник, словно разогреваясь перед схваткой.

Вот мы и остались одни.

— Вдвоем на одного — не по-мужски, — негромко повторил за сыном Лаголев.

Только вот Натка-то его мужиком как раз и не считает. Мужик — что? Мужик должен в первую очередь деньги в дом приносить. Мешками. Самосвалами. Вагонами. Чтобы хватало и на еду, и на кроссовки, и на отели с ресторанами. На красивую, яркую, совершенно пустую жизнь. На шубы, блин, и яхты.

Не окончательно разочаровалась...

— Я не умею — вагонами! — крикнул Лаголев.

От собственного крика, отразившегося от тесных стен и потолка, зазвенело в ушах. Нельзя же становиться чудовищем, подумал он. На черта мне тогда семья? Ни поддержки, ни отдыха, ни спокойствия. Давай, давай, давай, давай. Изо дня в день. Деньги, деньги, деньги.

Ладно, встряхнулся Лаголев, сморщившись. Посмотрим, кто кого.

Он встал, закрыл кухонную дверь, чтобы не мешала, подвинул стул. «ЗиЛ», казалось, наблюдал за этими действиями с недовольным ворчанием. Да, кстати. Лаголев опустил на колени и обесточил холодильник, выдернул вилку из низкой, выступающей из стены розетки. Не свернуть бы ее потом.

Лишенный электричества холодильник, содрогнувшись, умолк, но его холодное, настороженное молчание обмануть Лаголева не могло. Сражение намечалось не на жизнь, а на смерть. Хотя, конечно, смешно придавать рядовому перемещению бытовой техники эпический масштаб. И вообще представлять как битву. Он — человек. Холодильник — неодушевленный кусок железа, правда, и старше его по возрасту. Лет на пять где-то разминулись. Долгожитель. Неубиваемое советское качество.

Лаголев закатал рукава рубашки и попробовал сдвинуть исполина. Ни фигя. Даже не шелохнулся, мерзавец. Прирос? Приварен? Присев, Лаголев попытался поддеть его снизу, но пальцы даже не нашли за что зацепиться, ножек, считай, и не было, а острые опасные кромки так и норовили расслоить кожу. От одной мысли о том, как заржавевшее железо может взрезать ему палец до кости, Лаголеву сделалось дурно.

Он выпрямился. Хорошо. Гонг. Первый раунд.

Что ж, приглядимся повнимательнее. Лаголев отступил, посмотрел в упор, зашел сбоку. В пространство между стеной и стенкой холодильника голова протиснулась едва-едва. Еще подоконник мешал, твердым углом напирая на поясицу. Нет, с этой стороны глухо. Удушающе мало места. Качнуть холодильник тоже не удалось.

Какого дьявола Натке вообще понадобилось двигать эту тварь? Ее, наверное, сорок лет никто не ворочал, не трогал. Она точно в пол корни пустила. И линолеум, похоже, под нее специально квадратиком вырезали. А сейчас вдруг — надо. Стул она там хочет! Стол — к окну, стул — в жопу мира!

Тут, блин, отбойным молотком работать надо!

Лаголев обнаружил, что уже хорошо вспотел, снял рубашку, остался в майке и тренировочных штанах. Ладно, как там в греко-римской? Он обнял «ЗиЛ». Пальцы, ладони заскользили. Лаголев запыхтел, орошая слюной стенку.

Холодильная туша стояла непоколебимо. Будто и не заметив его копошения. Хотя почему «будто»? Как Лаголев не напрягался, не расставлял ноги, не цеплялся за углы, в конце концов все равно сполз вниз.

Сердце побежало куда-то прочь, уши заложило от шумных, торопливых толчков крови. С минуту Лаголев ощущал вокруг себя ватную тишину, потом услышал свое дыхание, скрип

тапка, насмешливое тиканье часов.

Ладно. Гонг. Раунд номер два тоже впустую.

А интересно. Он посидел на стуле, покрутил запястье, полез в холодильник за молоком. Уже цедя холодную белизну из стакана, вспомнил, что забыл облегчить себе работу. В нем — семьдесят килограммов живого веса, а в туше — все сто, одних продуктов, наверное, под десять-пятнадцать кило. Можно до морковкина заговенья пыхтеть и упираться.

За чем же дело стало?

Лаголев выложил яйца, пахучий салат из печенки в миске под крышкой, несколько банок с брусникой и смородиной, за которыми он ползал по лесу прошлой осенью. Не жрут же, ни сама Натка, ни сын. Для кого, спрашивается, собирал? А Натка настаивала: витамины, Игорю полезно. Оно, конечно, видно. Игорь без ума и от брусники, и от смородины, шарахается, как вампир от чеснока. Он выставил два пакета молока, вскрытый и нетронутый, кастрюльку с понедельничным, скисшим супом, банку шпрот, масленицу, блюдо с остатками сыра. Из бокового гнезда выковырял лимон и квелую, сморщенную, пустившую росток луковицу.

Все это скопилось на столе, создавая ощущение обильного застолья. Ну, праздник у нас. Холодильник передвигаем.

Дальше Лаголев взялся за морозильное отделение с его костями, фаршем, рыбой в пакете. Щучья голова с мертвым любопытством посмотрела на него из целлофана. Он скинул ее на подоконник — пусть в окно пялится, дура.

Ф-фух! Ножом Лаголев сбил наросшую снеговую шубу, что-то просыпал на пол, что-то донес до раковины. Подмел, подтер, остановился. Что ж, видимо, должно пойти полегче. Килограмм десять «ЗиЛ» точно сбросил его трудами.

Пальцы покраснели от холода. По белой майке расплылось мокрое пятно. Внутри дрогнуло: конечно, он все должен делать один. Без любви. Без понимания. А они — за кроссовочками. Как весело! И что, Натка наконец позволит ему спать в общей кровати? Допустит до супружеского тела? На, мол, кусни.

Думать об этом было больно. Лучше было не думать. Спрятать в себе.

Так, не думаем, третий подход. Лаголев обхватил холодильник и напрягся — одна рука на дверце, другая — на шершавом кожухе сзади. А-а-а! Поехали! На себя! Ему даже почудилось, что враг подался, еще немного, и его можно будет перекантовать в нужный Натке участок кухни. Это ведь На-атке в голову втемяшилось. Да-а-а. Он выдохнул. Кому ж еще? Кто у нас са-амый умный? Он задержал дыхание, выдирая «ЗиЛ» то ли из каких-то пазов, то ли из дырок в линолеуме, то ли из прикипевшей, намертво схватившейся краски. Девяно-о-осто килограмм!

Блин.

В самый напряженный момент тренировочные брюки треснули по шву на заднице. Нога поехала. Лаголев отцепился и обессиленно приземлился на пол. Бак пробит, хвост горит... Гадство какое. Помидоры из яичницы горечью встали в горле. Холодильник сдвинулся едва ли на сантиметр. Косенько сдвинулся. А может быть стоял так изначально. С чертова пятьдесят восьмого года.

— Я не могу! — крикнул Лаголев, сгибаясь.

Не могу.

Он лег на пол и постарался расслабить мышцы рук. С потолка свисала люстра. Пальцы казались чужими и неуклюжими. Натруженными. Какие-то крошки кололи затылок через

волосы. И все же лежать было лучше, чем всем телом биться о дурацкий «ЗиЛ». Его еще и не ухватишь нормально. Через ремень его что ли?

Хотя, конечно, надо снизу...

В груди зашевелилась больная, надрывная жуть. Если он сейчас не сможет, то все — развод, чемоданы, пустота. И куда ему? Побираться заодно со старухой, укравшей у него десятку? Лаголев судорожно выдохнул кривым ртом. Кажется, я на грани, подумал он.

Я точно на грани.

А топор может и пригодился бы. Поддеть и использовать топорище, как рычаг... Лаголев сел. Да не может быть, чтобы он не справился! Мозг-то ему на что? Прихватив стул, он направился к антресолям в коридоре. Несколько секунд со стула он изучал пыль на чемодане, чехол брезентовой палатки и царство трехлитровых банок, надеясь отыскать ремни или что-то, чем можно приподнять холодильник. Ничего не нашел.

Вспомнил, что в ящике кухонной тумбочки есть фонарик, и вернулся на кухню. Изыскательские работы с фонариком Лаголев провел лежа, просвечивая узкую щель «ЗиЛа» сбоку. О, если бы что-то было видно! Загиб линолеума, и дальше ни пальцу, ни лучу не пробраться. Повалить что ли на себя, заразу? Интересно, какое бы место он занял в рубрике «Самая нелепая смерть»? В десятке был бы точно.

Придавлен холодильником...

Взгляд на часы, висящие над дверью, заставил Лаголева вспотеть вторично. Сорок пять минут прошло! Натка, должно быть, уже у Поляковых, ля-ля-тополя, почесали языками, обсудили детей и мужей, можно бы и подольше, но Игорь стоит напоминанием, что у них впереди поход в торговый центр.

Так, пятнадцать минут до центра, потом десять минут до кроссовок, выбрать, расплатиться, заглянуть туда и сюда, сын в роли носильщика, значит, заодно и за продуктами... Итого у него где-то час, час пятнадцать до их возвращения.

Час!

Лаголев сменил тренировочные штаны на другие, исполнился решимости, присел перед холодильником, просунул пальцы и потянул.

— А-а-а!

Так штангисты, наверное, брали вес. Даже если он был слишком велик. «ЗиЛ» это оценил, как, наверное, опасно оценивают полное безумие противника. Исполин не выдержал и дрогнул. И, скобля какой-то железкой пол, пополз вслед за Лаголевым. Как ручная животинка. Вперед, вперед, мой дорогой, и в сторону. Вперед! Лаголев рванул, уверовав в собственные силы, и тут же почувствовал, как холодильник встал, а резкая боль укусила палец на правой руке.

— Ас-с-с! — зашипел он, давя на языке нехорошие слова.

И выдернул руку.

Будь рядом зеркало, Лаголев узнал бы, что может мгновенно побледнеть. Побелеть даже. Как снег. Порез на указательном пальце был кривой, длинный и глубокий. Он шел от ладони до последней фаланги, вскрывая палец, будто для операции или для наглядного пособия. Кровь, помедлив, видимо, чтобы Лаголев разглядел рану во всей ее ужасной красе, побежала веселым алым ручейком, перелилась через края пореза, закапала на пол.

Хлынула!

Сердце зачастило. По телу разлилась слабость. Паника затопила разум Лаголева. Мысли запрыгали без всякого порядка. Пластырь! Нужен пластырь или я истеку кровью. Я просто

истеку кровью здесь! Я знал, я знал, что так будет! Наверняка еще в этом железе сорок лет сидела какая-нибудь зараза, ждала. Я получу заражение и — ага! Дура Натка, идиотка, су... сучка, довела.

Лаголев зажал палец в кулаке левой руки. Кровь просачивалась, капала. На полу уже образовалась жуткая лужица.

Пластырь!

Палец дергало, палец толчками выплевывал жизнь. Лаголев заметался. Где пластырь? Не на кухне. Не на кухне, в комнате. В серванте. Там, где Натка хранила таблетки, там должен быть и пластырь. И бинт!

Он заторопился в комнату. Страх смерти бил его об углы и косяки, подсовывал что-то под ноги, слепил светом из окон.

Пластырь! И перекись! Потому что рану надо обработать. Хотя бы йод. Капли крови сопровождали его бег. Так раненое животное рассыпает вокруг себя признаки скорой гибели. Охотники, ау! Лиолеум, пол, ковер в комнате. Натка, конечно, убьет за ковер. Но может и не убьет, может он и так, раньше...

— Блин!

Чтобы открыть сервант, оказались нужны пальцы. Лаголев неловко поскреб свободными, кое-как, помогая локтем, оттянул дверцу вниз. Кровь испачкала все и тут, покрывая светлую лаковую поверхность темными кляксами. Ха-ха-ха, они войдут, а он тут лежит! Сдох. Вот радости-то будет...

Его ждал удар. В серванте шкатулки с таблетками не оказалось. На мгновение Лаголев, возможно, выключился. Умер на долю секунды. Да-да, Кумочкин настиг его. Господи, кто-нибудь знает, где пластырь? Его судорожные движения стали напоминать заполошный бег курицы с отрубленной головой. Натка, блин, какого черта? Кровь не успокаивалась. Палец немел, ныл, хрустел. Лаголев, с шумом втягивая воздух, заглянул в бельевой шкаф, отметил мазком на дверце, вытянул ящик из тумбы под телевизором, бросил его, замотал рану подвернувшейся наволочкой, затем вспомнил, что ее нужно промыть водой, и рванул в ванную.

Его трясло, пока он освобождал палец, включал холодную воду, прижимая края пореза, направлял струю.

Кровь текла. Вода розовела.

За что? — думал он. За что? Показалось, кисть до запястья потеряла естественный цвет. Посерела, обескровилась. В ящичке над раковиной, сбоку, слава богу, нашлись ватные подушечки, которые Лаголев незамедлительно прижал к порезу. Рана то и дело выставляла ему напоказ бледно-розовое мясо.

Господи, господи, ни перекиси, ни бинта. Натка!

— Натка! — выкрикнул он вслух.

Получился всхлип умирающего. Лаголев поймал себя на том, что почти плачет. В уголках глаз жгло. В горле клокотало. Руку дергало всю. Где-то в потемках тела тряслась душа. Один. Один! Оставлен, забыт! И холодильник, долбаный «Зил».

Холодильник!

Он же еще не определен на новое место! Он еще чувствует себя царем кухни! Он же еще жив!

Чуть ли не рыча, Лаголев влетел на кухню, набросился зверем, пусть и достаточно тщедушным, на железное чудовище, испятнанное его кровью.

— А-а-а!

Это был боевой раж, боевая ярость. Может быть, боевое безумие. Шрябая линолеум, Лаголев подвинул «Зил» сразу сантиметров на десять. Расцепил зубы, выдохнул, подобрался с другого боку. Там уже имелся зазор, вполне годный для того, чтобы атаковать чудовище и оттуда. Ухватив холодильник снизу и рискуя получить еще одну травму, Лаголев двумя рывками отвоевал для будущего места под стул еще сантиметров двадцать пространства. Итого — полметра, даже больше. Вполне уже можно стоять.

На этом его силы кончились.

Кровь текла, одна ватная подушечка выскочила, вторая вся пропиталась кровью. Лаголев сдернул с прищепки полотенце и прижал его к пальцу. Я — все, подумалось вдруг ему. Я не могу больше.

Что-то в нем тренькнуло и сломалось, как тонкая работа стеклодувных мастеров. Не выдержало давления.

— Не могу, — повторил Лаголев вслух.

Апатия, возможно, предсмертная, овладела им. Свет потускнел. Круговерть, в которой он участвовал, показалась ему бестолковой иллюзией. Разве это жизнь? Сколько угодно пусть гордятся кроссовками, ждут денег, костерят и плюют через плечо. Он устал от этого мира. Он хочет на тропический остров, чтоб никого, чтоб тишина, он и океан, даже Пятницы не надо.

И рыбы тоже не надо. Он не старик, чтобы мечтать о рыбе. Впрочем, там и острова не было, если он правильно помнит.

Под размеренную капель Лаголев забрался в образовавшийся закуток между стеной и холодильником, прижался к нему лопатками. Кровь капала. Кап-кап. Кап-кап-кап. Забавное музыкальное сопровождение, подумалось Лаголеву. Мысль вызвала холодную усмешку.

Кап-кап. Кап.

Он отбросил полотенце и закрыл глаза. Кап-кап. Немного смелости — и он готов выйти в окно. Да, не ново. Но и жить, конечно, не новей. Так сказал один поэт. Кап.

— Довели, — прошептал Лаголев.

Ему вдруг сделалось светло и покойно. Все было отброшено, забыто, вытерто. Кап-кап-кап. Он без привычной боли подумал о Натке, какая она была славная, веселая, вспомнил несколько случаев из их жизни, которую уже можно было, без сомнения, назвать прошлой, вспомнил о двух сказочных неделях в санатории, о поездке в шумную Ялту. Кап-кап. Подумалось: странно, что мы пришли, к чему пришли.

Кап.

Лаголев собрался. Еще немного. Пять, десять секунд. К-ка...

Он не услышал звука разбивающейся о линолеум капли и нахмурился. Все вытекло? Можно уже не прыгать?

Лаголев постоял. Ему было хорошо. И не капало. Совсем. Возможно, он уже умер. Такой вот нечаянный сюрприз. Он повел плечами, ощутил спиной твердость холодильника, коснулся согнутым коленом стены.

Нет, быть не может. Не призраком же он сделался?

Лаголев подумал и открыл глаза. Не капало. Вся ладонь, вся кисть была липкая и красная, но там, где кривился разрез, он увидел лишь тонкую ниточку шрама.

— Не понял.

В горле неожиданно пересохло, и Лаголев, скорее, прокашлял, чем произнес эти слова.

Он шагнул из темного угла к окну, чтобы убедиться, что зрение его не обманывает. Не могло же примерещиться? Вот палец, вот порез...

На его глазах ниточка шрама разошлась в стороны, показав алую сердцевину, и набухла изнутри жидко-красным. Мгновение — и рана раскрылась.

Лаголев вскрикнул и отпрянул. Прижал палец к груди, чувствуя, как пропитывается кровью майка. Почти срослось. Ведь как-то почти срослось! Или показалось? Или он все же сошел с ума? Надорвался и — ку-ку?

Лаголев повернул кисть. Господи. Рана снова не кровоточила. Края ее стянулись, слиплись до темной корочки. Но ведь только что...

Лаголев мотнул головой, а потом по наитию, осторожно вытянул руку из ниши к центру кухни. Порез с готовностью треснул. Лаголев втянул руку, и рана тут же принялась схватываться, заживать, превращаться в шрам.

Как же это? Глаза защипало. Неужели чудо?

Лаголев подобрал с пола полотенце, поплевав, как смог оттер ладонь от крови и грязи. Спокойно, спокойно. В ушах звенело. В груди ростком пробивалось странное ощущение. Не радости, нет, но торжественности момента.

Итак. Лаголев выдохнул. Палец. Не кровоточит. Зафиксируем. Он медленно повел руку в сторону окна. Десять сантиметров — полет нормальный. Двадцать сантиметров — все системы в норме.

Три..

Порез принялся раскрываться жутким алым цветком.

Ага, ага. Лаголев вернул руку обратно. Где-то тридцать сантиметров от того места, где он стоит. А если к стене?

Путем экспериментов Лаголев смог определить границы действия чудесного заживления раны. Оказалось, что это прямоугольник с размерами приблизительно сорок на тридцать сантиметров, расположенный там, где раньше стоял холодильник. Для полного исцеления пальца хватило пяти минут. Когда Лаголев вышел из ниши, а порез не сделал ни одной попытки заалеть, он чуть не расплакался.

Работает! Господи, работает! Странно, удивительно, но это...

Это чудо, подумал Лаголев. Настоящее. Мой маленький остров с чудом. Сорок на тридцать. И сдвигать холодильник дальше...

Взгляд Лаголева упал на капли крови, щедро оросившие кухонный линолеум, на кровавые тропки в коридор, витиеватые тропки обратно, на грязно-красные мазки на двери, столе, подоконнике. Ох, наследил.

Он побежал в ванную. В груди запрыгал страх. Натка скоро вернется и увидит! Нет, показывать ей кухню в таких подробностях было смерти подобно. А там еще в комнате! Ковер темный, на ковре, возможно, и не так заметно будет, но на полу, в серванте...

Лаголев вымыл руки, выскреб кровь из-под ногтей. Пока вода брызгала в подставленное ведро, он сгибал и разгибал раненый палец. Зажило. Без пластыря и перекиси. Тонкий шрамик не в счет. Чудо. Лаголев рассмеялся и прикрыл рот ладонью, словно кто-то мог услышать и счесть смех неуместным. Кому рассказать... А кому?

Натке.

Ведро наполнилось. Лаголев добавил в воду стирального порошка, размешал рукой. Проверил снова — не кровит. Он оттирал полы в кухне тряпкой, которую сын поленился выжать. Мутная вода разбегалась по линолеуму. Кровь здесь, кровь там. Лаголев с

остервенением оттирал ее, пока не засохла. Там, где на холодильнике, подоконнике, стенах остались следы пальца, работал губкой, взятой из раковины.

Быстрее, быстрее! — торопил он сам себя. Вздергивался, заголодев, на призрачный звук звонка — Натка! Игорь! Но через мгновение понимал, что никакого звонка не было. И отпускало. Быстрее! Постукивали стулья, звенела посуда, когда он натыкался на стол бедром, плечом, задом. Штаны намокли на коленях.

На месте, где стоял «ЗиЛ», кровь мешалась с застарелым пятном — видимо, когда-то там натекло воды. Его пришлось скрести, со всех сил налегая руками. Самое удивительное, он чувствовал границы участка. Рукам становилось тепло, сердцебиение успокаивалось, в голове прояснялось, мысли приходили в порядок. Беспokoйство, волнение растворялись. Лаголев даже провел новую серию испытаний. Зашел на этот островок, постоял с минуту, чувствуя, как расплывается по лицу улыбка, которая — черт! — непривычно растягивала мышцы лица. Вышел.

Минуту семнадцать потом эффект, оказывается, сохранялся. В руках все спорилось, ум был на удивление ясен, и виделось все как-то по-другому, те же испортившиеся отношения с Наткой, нехватка денег, происходящая вокруг со страной и с людьми жуть. Все виделось настолько временным, что у Лаголева в предвкушении скорых и неизбежных перемен радостно замирало сердце и ком подкатывал к горлу. Хоть каждые две минуты вставай, прижимаясь к холодильнику лопатками.

— Мы выдержим, — шептал он себе под нос, оттирая дверцу серванта. — Куда мы денемся? — улыбался он. — У меня теперь — остров.

На сокрытие следов недавнего пореза ему понадобилось полчаса. На самом деле, конечно, побольше, потому что он постоянно бегал подзаряжаться. Лаголев стер кровь с пола, с бельевого шкафа, с косяка, с тумбы, со стеклянного фрагмента двери в комнату, с полки в коридоре, с обоев, с двери в ванную, с плинтусов. Набегал, натряс пальцем. Кошмар! Но кровило все же знатно, стоило признать. Даже не верилось.

Не удалось что-нибудь сделать с пятнами на ковре, они выделялись, но тут необходимо было специализированное средство. Полотенце, наволочку и майку он замочил в тазике, не надеясь, впрочем, на большой успех. Оставался также заметный мазок на матерчатой обивке боковины кресла. Лаголев постарался его вывести, но добился лишь того, что на том месте расплылась безобразная клякса, с самого входа бросаясь в глаза.

Спрятать ее было некуда.

В другое время Лаголев уже дрожал бы внутри осиновым листом, представляя вспышку Наткиного гнева, и все у него сжималось бы — в груди, в животе, в паху, а под черепом звенело бы от крика, который еще только ожидался в будущем.

Но сейчас...

Лаголев постоял на острове и решил, что можно купить новое кресло (дорогой вариант), найти аккуратный пятновыводитель (вариант подешевле), задрапировать боковину отрезом ткани или купить чехол. И Натка... Он вдруг понял, почему она кричит, злится, низводит его до состояния ничтожества.

Ей просто страшно.

Ей кажется, она в одиночку тянет семью. В одиночку противостоит действительности, безденежью, ценам, злобе, правительству, граффити на стенах, запаху мочи в лифте, роскоши за витринами, очередям, болячкам, выматывающей работе, жирной весенней грязи, возрасту и надеждам, многочисленным нуворишам на дорогих автомобилях, которые

повылазили откуда-то, как чирья, как плесень, как лишай на больной собаке. Натке страшно, потому что день за днем она говорит себе: я не могу, я не могу больше. И страшно потерять семью. Страшно не накормить ребенка. Страшно считать мелочь в кошельке. Страшно жить и выживать в постоянном ожидании краха.

Лаголев хватанул воздух ртом.

Он словно увидел себя Наткиными глазами. Растерявшегося, обиженного на треснувший мир человека, забившегося в раковину собственных переживаний, неловкого, устранившегося от всего, что так или иначе резало нежную, невротическую душу. Ему самому стало тошно от этого существа. Стыд был похож на тонкое шило, украдкой засаженное в сердце.

Больно!

Господи! — подумал Лаголев, с присвистом выдыхая сквозь зубы. Убить меня мало. Он стукнул сжавшимися кулаками в стенку холодильника. Нет, хватит уже. Хватит. Пора, Саня, брать себя в руки.

От этой мысли ему вдруг стало странно легко. словно он приподнялся над полом, отринув земное притяжение. Лаголев посмотрел на ноги — стоят ноги, не оторвались. Но ощущение никуда не делось.

Лаголев захохотал.

Все изменится! Все изменится с этого вот момента. Все уже изменилось. Уже.

Как ни удивительно (впрочем, ничего удивительного), он успел к приходу Натки с сыном протереть пол на кухне и в коридоре еще раз, прибрать сотворенный им бардак в комнате и расставить мебель в кухне: стол — к окну, три стула — вокруг. Места, конечно, с одной стороны стало больше, а с другой стороны проходы к плите и к стулу справа от окна сделались уже. Холодильник частично тоже мешал, но Лаголев побоялся сдвигать его дальше. Не нарушить бы ничего, вот о чем он подумал. Вдруг у него с островом связь? Сорок лет долгожителю не по этой ли причине?

Остров Лаголев наметил, нацарапал гвоздиком по линолеуму. Вроде видно. Встал, подзарядился, будто кто проводки с ясным сознанием и ободрином присоединил. Хорошо! Задвинул стул, протиснулся мимо «ЗиЛа», чувствуя, как стол острым краем царапает втянутый живот. Не так чтобы здорово. В спешке если не кишки наружу, то царапина или синяк. Со вздохом Лаголев принял решение и откантовал холодильник еще сантиметров на десять ближе к Наткиной метке.

Где-то в самом конце процесса его и настиг звонок в дверь.

Натка!

Странно, но впервые за долгое время он подумал о жене без испуга, без напряжения, без тоскливого ожидания выволочки и неудовольствия тем, что он, Лаголев, каким-то образом еще не растворился, не убыл и занимает вместе с ней одну жилплощадь. В нем как-то светло вспыхнуло: это моя Натка. И все.

Дальше было легко.

Лаголев побежал открывать дверь.

Игорь с порога сунул ему белую коробку с кроссовками.

— Смотри!

Сын сиял как начищенная копейка. Купили то, что ему хотелось. Сбылась хрустальная мечта. Радость так и рвалась из него наружу. Лаголев, пожалуй, давно уже утратил возможность так радоваться. Где-то на периферии всегда крутилась мысль о цене.

— Ты смотри, смотри!

Игорь сам снял крышку. Натка разувалась за его спиной, насупленная, мрачная. В ногах ее стоял целлофановый пакет с продуктами.

Кроссовки, на взгляд Лаголева, не представляли из себя ничего особенного. Ребристая, крепкая подошва, яркие вставки, высокий язычок, дырочки, будто поры, в стельке, не шнуровка, а модная липучка.

— Ты потрогай, — попросил сын.

Лаголев потрогал.

— Ну как?

— Круто, — сказал Лаголев, чтобы потрафить сыну.

Все-таки, подумалось ему, он ищет одобрения не у дяди со стороны. У него, у отца, ищет. Значит, как отец, он все еще имеет какой-то вес.

— Так, Лаголев, — вмещалась Натка, стягивая плащ, — нечего чужое щупать. Ты выполнил, о чем договаривались?

Лаголев улыбнулся.

— Да.

Натка была красивая. Он понял вдруг, что даже мрачная, злая, недовольная, она, черт возьми, оставалась для него самой желанной женщиной. Лаголев с шумом выдохнул и не смог ничего с собой поделаться — улыбнулся еще шире.

Моя Натка.

— Ты чего? — спросила жена, отодвигая Игоря в сторону. — Тяпнул чего-то что ли?

Она наклонилась, рассчитывая уловить тонкий или густой запах алкоголя. Лаголев отступил назад.

— Натка...

— Куда?

— Ну, несерьезно, Нат.

— Пил?

— Нет, я же не пью.

— Это и удивительно.

— Все хорошо.

Лаголев взял пакет из Наткиной руки. Жена с удивлением посмотрела на освободившиеся пальцы.

— Лаголев, ты охренел?

— Надеюсь, это в хорошем смысле?

Несколько секунд она пыталась сообразить, в чем подвох.

— Я к себе, — сказал Игорь.

— Ага.

Натка даже не повернула голову на сына, скользнувшего с кроссовками в коробке в свою комнату. Глаза ее изучали Лаголева, стоящего перед ней в тренировочных штанах и в рубашке с закатанными до локтей рукавами.

— А-а! — Догадка отразилась на ее лице. — Ты тут выкаблучиваешься, потому что ничего не сделал!

— Не-а, — сказал Лаголев.

— Постой-постой. Неужели твой Махмуд Абаевич деньги тебе на дом принес?

— Вообще-то Кярим Ахметович. Но нет.

— Лаголев, интриги прекращай, — сердито сказала Натка. — И куда майку дел?

— Запачкал. Замочил в тазу.

— Понятно.

Натка сделала шаг в направлении кухни, но Лаголев преградил ей путь.

— Натка, я хочу тебе кое-что показать.

— Оч-чень интересно. Где?

— На кухне.

Натка расхохоталась.

— Лаголев, ты не оригинален. Ты хочешь показать мне холодильник? Ты головой о него не ударился?

— Нет, только штаны порвал.

— Это похоже на тебя.

— Сейчас.

Лаголев прошел в кухню первым и опустил пакет на стол, чтобы не быть им скованным.

Натка, вошедшая следом, остановилась в центре. Черты лица ее заострились.

— Холодильник не там, где я сказала, — произнесла она ледяным тоном. — Ты думаешь, в тот закуток на его месте кто-нибудь, кроме тебя, влезет?

— Натка...

— И что щучья голова делает на подоконнике?

— Блин, это мой прокол.

Лаголев быстро закинул в «ЗиЛ» забытую рыбью голову, захлопнул дверцу и для большего удобства сдвинул стол к плите.

— Зачем это? — спросила Натка, наблюдая за его действиями.

— Встань туда, — сказал Лаголев.

— Куда?

— За холодильник. Я там гвоздиком пометил.

— Что?

— Гвоздиком пометил линолеум.

Странная улыбка тронула Наткины губы.

— Лаголев, ты сошел с ума. Господи, неужели с тобой все настолько плохо?

— Не сошел. Просто встань. Нет, погоди.

Лаголев вдруг испугался, что его остров мог исчезнуть. Он быстро шагнул в закуток и застыл на слабо оцарапанном пяточке. Тепло стрелой выстрелило от пяток в макушку, страх, беспокойство, неуверенность смыло, будто водой. Работает!

— Нормально, — сказал Лаголев, выбираясь к столу.

— Что ты светишься, как новогодняя елка? — спросила Натка.

— Встань.

— Я не идиотка, как ты.

Лаголев впервые за долгое-долгое время взял жену за плечи. Раньше как-то не выходило. Он то натыкался на Наткин взгляд и отступал, то ощущал в себе несоответствие, внутренний изъян — куда ты, Лаголев, куда ты? — и опускал руки.

А сейчас это получилось естественно и как-то уместно. По-мужски.

— Встань. Поверь мне.

Натка моргнула. Моргнула и послушалась.

— Ну, Лаголев... Сюда?

Она зашла в закуток и прижалась к боковой стенке холодильника.

— Чуть-чуть отступи.

— Так?

Натка сделала маленький шагок, наконец, разобрав под ногами вычерченные мужем царапины.

— Ага.

Лаголев подождал, потом спросил:

— Ну?

Натка чуть не засветила ему в глаз.

— Что «ну»? Это я должна спросить тебя — ну?

Она уж и забыла, что Лаголев может быть таким. Орел не орел, но плечи расправились, куда-то делся пришибленный вид, в глазах вместо тоски и «как мне тяжело» свет какой-то появился, спокойный свет. Ходил измученный и еле живой, и нате — поглядите. Игорь сразу полез к нему с кроссовками, хотя раньше бы под рукой поднырнул, а Натка, копошась внизу, в обувном партере и в складках плаща, пыталась сообразить, что это с Лаголевым случилось.

— Ты потрогай, — просил сын.

Интересно! В квартиру вроде зашли ту. Не подменили же Лаголева за час отсутствия? Или подменили? Или он накачался чем-то с горя?

Натка наконец одолела заевшую молнию на левом сапожке.

— Ну-ка, ну-ка, — сказала она, выпрямляясь и освобождаясь от плаща, — нечего чужое щупать.

Чуть не ляпнула: «Лучше свое покажи», но прикусила язык — уж больно двусмысленно звучала фраза. Хотя, удивилась тут же, с какой это радости мне вдруг с Лаголевым о двусмысленностях думается? Стоит, понимаете, бесхребетное существо, реальностью обиженное... но почему-то уже с хребтом.

Стоит.

Опять двусмысленность! Что там у кого стоит? Да вы никак озабочены, Наталья Владимировна? Займитесь-ка своим делом. Натка зацепила пальцами пакет с продуктами. Молоко, батон, полтора килограмма дорогуших сосисок. Ну, полегчало? Выпил он, выпил! Оттого и лыбится. Оттого и орлом выглядит.

— Ты чего? — двинулась к мужу Натка. — Тяпнул без нас?

Лаголев с мерзкой улыбочкой отступил.

— Я ж не пью.

Это-то и было подозрительно. Но ноздри почему-то не уловили ни сивушного, ни водочного, ни даже слабого пивного аромата. Да и где бы и на какие шиши он раздобыл алкоголь? А дальше Лаголев и вовсе чуть не свел ее с ума. Очень легко, как-то очень обыденно взял из ее руки пакет.

Кавалер, блин! Муж!

— Лаголев, ты не охренел? — вырвалось из нее.

Натка перевела взгляд с опустевших пальцев на человека, которого, оказалось, и на час нельзя оставить одного.

— Надеюсь, в хорошем смысле? — спросил Лаголев.

Это опять поставило ее в тупик. Как можно охренеть в хорошем смысле? Да и кто скажет такое в трезвом уме?

В хорошем смысле!

— А-а! — сообразила Натка. — Ты ничего не сделал!

И это на несколько секунд примирило ее с действительностью и невозможным, переменившимся, беспокоящим Лаголевым. Потом он сказал: «Не-а», и пришлось рожать новую версию, в которой фантастического, наверное, было больше, чем в романах любимого Лаголевым писателя Железны.

— Постой-постой! Твой Махмуд Абаевич тебе деньги занес!

И снова было «Нет». А Махмуд Абаевич превратился в какого-то Каляма... Керима...

нет, Кярима Ахметовича. Не выговоришь, какое имечко.

Куда-то делся сын, и Натка осталась против Лаголева одна.

— А майка где? — спросила она, уткнувшись взглядом в расходящиеся полы рубашки.

— Замочил.

— Понятно.

Натка сделала шаг в направлении кухни, но Лаголев преградил ей путь. Раньше прыскал, как таракан со света, при одном ее движении и забивался в свое кресло, а сейчас неожиданно заступил — не обойдешь. Физиономия хитрая, загадочная.

— Я хочу тебе кое-что показать.

Бог с ними, с озабоченными. Но встает вопрос.

— Где?

— На кухне.

Хохоток вышел нервный. Ну, Лаголев, ну имей же соображение! Я туда и иду. А ты не пускаешь. Кто из нас сам знаешь кто? Натка покачала головой.

— Лаголев, ты о холодильник ударился?

Муж был гений, парадоксов друг, потому что ответил:

— Нет, только штаны порвал.

Это было в его дурацком стиле. Так спешил, что штаны порвал. Бился головой, но вылезло через задницу. Привычное раздражение колючей гусеницей закопошилось в горле. Заныло где-то в районе поджелудочной. Тем более, что холодильник оказался совсем не там, где Натка хотела. На полметра ближе к окну, оставляя совсем узкий проход к месту своего бывшего обитания.

— Лаголев!

Если честно, ее просто выморозила Лаголевская выходка: сначала долго изображать сюрприз, а потом с ужимками, с загадочным видом предъявить половину сделанной работы. Ай, какой молодец! Челюсти сжались так, что слова пришлось выталкивать через силу.

— Холодильник не там.

— Натка...

— И щучья голова.

Натка кивнула на подоконник, где в целлофане узнаваемо темнела давняя покупка в ларьке «Морепродукты».

— Прости.

Лаголев метнулся исправлять ошибку. Впрочем, ни грамма раскаяния на физиономии не продемонстрировал. Хлопнул дверцей. Еще и стол сдвинул.

— Зачем? — спросила Натка.

— Встань туда.

Лаголев кивком головы отправил ее за холодильник.

Такому Лаголеву нельзя было не подчиниться. Какой-то он был правильный, уверенный. Муж! Оказывается еще и гвоздиком нужное место пометил.

— Ты с ума сошел?

Вопрос прозвучал неубедительно. Господи! У нас тут с главой семьи такие чудеса, что в собственном душевном здоровье впору сомневаться. Может это она — того? Но Лаголев вдруг попросил обождать, пробрался в закуток сам, секунд пять постоял там без движения. Излучения что ли какие ловил?

— Все, — сказал, — нормально. Вставай.

Светился, как собака Баскервиллей. Да-да, словно за холодильником ему не медом, а фосфором намазано...

— Я не идиотка, — сказала Натка.

И тут Лаголев взял ее за плечи.

Нет, понятно, в женских романах от прикосновений, рукопожатий и прочих тактильных взаимодействий у впечатлительных героинь сплошь и рядом случаются дрожь в коленках, туман в голове и полное отключение сознания. Но то в книжках.

В жизни Натка такого не помнила. Но вот — пожалуйста. Я — твоя. Делай со мной, что хочешь. Возьми. Целуй. Поставь за холодильник.

Натка моргнула и, чтобы не сморозить какую-нибудь глупость, от которой Лаголев почувствовал бы себя героем, шагнула в тесное пространство.

— Ну, Лаголев... Сюда?

— Чуть-чуть отступи, — попросил муж.

Натка разглядела царапины на линолеуме и поставила ноги в обозначенный неровный прямоугольник.

— Так?

Лаголев кивнул.

— Ага.

А потом спросил:

— Ну?

Будто ждал, что она, стоя на линолеумном пятачке и глядя в давно некрашенную, выцветшую прямоугольником стену, разглядит какие-то дивные горизонты. Или что ее потряхнет электричеством от подведенного снизу оголенного провода. Пойми этого нового Лаголева.

— Что — ну? — сказала Натка, теряя терпение. — Я тоже могу спросить: ну?

Лаголев изменился в лице.

— погоди-погоди, — сказал он с гримасой, должно быть, выражающей сомнение или пробужденную мысль. — Стой! Я встану рядом.

Он шагнул к ней. Натке пришлось потесниться, чтобы муж заступил правой ногой в обозначенную границу. Она даже фыркнула — два, казалось бы, взрослых человека в надежде не пойми на что прячутся за холодильником.

Дурдом!

— А теперь? — спросил Лаголев.

И взял ее за руку. Взял также буднично и легко, как десять минут назад пакет с продуктами. Ни отодвинуться, ни сбросить его пальцы Натка не успела.

Это было похоже на удар током. От пяток через позвоночник, сверкнув, проскочила молния и просыпалась светом в голове. Она думала про оголенный провод, но и через руку вышло как надо. Хватило вполне. Секунд через десять Натка обнаружила, что стоит с открытым ртом и закрытыми глазами и сжимает ладонь мужа, будто спасительную соломинку.

— Ла...

Голос предал. Подумалось: как к Лаголеву-то обращаться? Непривычно стало по фамилии, как будто на официальном мероприятии. Может, муж?

— Ла...

Нет, слово не лезло. Ножки от буквы «л» растопырились в горле.

— Саша, — произнесла Натка, — что это было?

Лаголев повернул голову.

— Это не было, — сказал он тихо. — Это есть.

— Но что это?

Натка поймала себя на том, что спрашивает, будто маленькая девочка чуть более взрослого мальчишку. Робкая, ушибленная гендерным неравенством девочка, когда все погодки противоположного пола видятся сильнее, ловчей, умней. Давайте уж разьясните, почему лягушка квакает, муравей кусает, а пчела — громко гудит. Ну и про место за холодильником заодно.

А еще научите не бояться, не стоять в очередях, не реветь по ночам, не трястись над лишней копеечкой. Научите жить.

Слабо?

Но разозлиться почему-то не получилось. Ни на Лаголева, ни на себя. Пшик вышел. Не получилось по привычке остервенеть и броситься в жизнь, как на амбразуру. Было просто хорошо. При всем том, что денег осталось на хлеб да на проезд, а купленные сосиски нужно растянуть на неделю, — хорошо. Натка стояла и думала: не страшно. Они выстоят, выдержат, может, продадут что-то на рынке.

Натка улыбнулась. Нет, проблемы виделись проблемами, но они не вырастали до глобальных масштабов, не занимали голову, не дергали, как больной зуб. Нет денег, значит, нет денег. И все. Значит, будем жить так. Не пропадем.

Хорошо.

— Я не знаю, что это, — прошептал, наклонившись к ее уху, Лаголев. — Возможно, аномалия. Червоточина позитивной энергии.

— Угум, — сказала Натка.

В темноте под веками расцветали дивные цветы и пускали семена-стрелы.

— Это как остров, — сказал Лаголев.

Натка чувствовала его дыхание, его бедро, прижимающееся к ее бедру, но на удивление не чувствовала отвращения. Лаголев. Муж. Сашка. Шурик. Александр Грозный... тьфу! Это Иван Грозный. Третий. Или четвертый?

А Александр? Македонский, он же Искандер, он же Двурогий.

Она фыркнула, вдруг сообразив, какая восхитительная ерунда хороводится в ее голове. Давно пора. А то как это — без ерунды?

— Остров?

— Ага.

Натка чуть отклонилась, чтобы иметь холодильник под лопатками, как опору. Хорошо! Как в детстве. Хо-ро-шо. Видимо, она сказала это вслух, потому что Лаголев произнес:

— Это еще что!

Натка открыла глаза, хотя открывать ужасно не хотелось. Плыви и плыви, пари, нежься. Позабытая благодать.

— Есть что-то еще?

Лаголев кивнул. Он отошел к столу и взял нож.

— Что ты делаешь? — спросила Натка.

— Фокус, — сказал Лаголев с дурацкой улыбкой и полоснул себя по ладони.

Кожа, расходясь, тут же заалела кровью.

— Саша!

Она не запаниковала, как, наверное, могла бы в любой другой момент. Не ударилась в истерику. Она вдруг ясно представила себе план дальнейших действий: кожу продезинфицировать, стянуть, закрепить пластырем, завязать бинтом. Только Лаголев, не позволяя ей выйти из закутка, заступил проход.

— Тише, — сказал он. — Ты смотри внимательней.

Рука, протянутая им, слегка подрагивала у Натки перед глазами. Кровь уже скопилась на ладони маленькой лужицей. Часть перетекала на ребро и капала.

— Саш, надо перевязать, — сказала Натка, укусив губу.

Лаголев, не соглашаясь, мотнул головой.

— Смотри дальше!

Он подвинул ладонь еще ближе к жене, чтобы та оказалась в проекции намеченного гвоздем пяточка.

— Ты — ду...

«Ты — дурак», — хотела сказать Натка, но на ее глазах кровь перестала течь, а края раны медленно, но неуклонно сомкнулись. Так люди и теряют дар речи, мелькнуло в Наткиной голове. Ходят и таращатся. Немые.

— Это что, чудо? — спросила она.

Лаголев неуверенно кивнул.

— Думаю, да. Оно.

Отшагнув, он стянул со стола салфетку и приблизился снова. Послунявив салфетку, обтер место пореза, чтобы Натке было лучше видно. На чуть красноватой ладони белела черточка, тонкий и короткий след лезвия.

— Надо с минуту где-то подержать, — сказал Лаголев. — Тогда уже заживет окончательно.

— Саша, я не верю, — сказала Натка.

Она почувствовала, как щиплет в уголках глаз. Чудо. Положительная червоточина. Остров. Разреветься — кто ее осудит? Лаголев поймет.

Натка всхлипнула.

— Ты чего? — спросил Лаголев.

Даже черточка, тень пореза, пропала с его ладони.

— Не знаю, — сказала Натка, — расклеилась что-то.

— Ну, Ната...

Лаголев приобнял ее, и сделалось совсем хорошо. Почему раньше так не было? Или было, потом исчезло, а сейчас вернулось снова? Натка уткнулась носом в пахнущую мужем рубашку. Рука Лаголева ласково оглаживала ее плечо. Такого тоже давно не случилось. Только кто в этом виноват? Оба же, оба. Но она больше. Не хочу выходить из-за холодильника, подумала вдруг Натка.

— Здесь можно подзаряжаться, — сказал Лаголев.

— Как батарейке? — спросила Натка.

— А чем человек от нее отличается?

— Более сложным устройством.

— Но по сути, мы батарейки и есть, — сказал Лаголев, — окружающий негатив разряжает нас, сон, пища и какие-то радостные события заряжают. И так изо дня в день до истечения назначенного ресурса.

— Жалко, — сказала Натка.

Спорить с ним не хотелось. И ссориться не хотелось. И разводиться. Но она же вроде бы... Память неожиданно обожгла ее. Мутная вода прошлого всколыхнулась, как в не протекающей, забившейся раковине, вспухла вонючими пузырями. Воздух исчез в горле. Развод! Ты — не мужчина! Ты — тряпка! Ты — Лаголев! Что ты можешь-то? Господи. Дни, в которых она злилась на Лаголева, готова была убить Лаголева, кричала на Лаголева, каждый, попал ей в сердце. Насквозь. Навылет. Так, что впору было скукожиться, скрючиться и, скуля, отползти подальше. Лаголев, прости меня!

— Саш, — сказала Натка.

Но дальше не смогла произнести ни слова. Не потому, что не хотела — желала всей душой. А потому что эти слова оказалось нельзя отпустить просто так. Я тут, видишь ли, подумала и решила, что была не права. И вообще вела себя по-свински. Простишь? Только Лаголев это как-то почувствовал.

— И ты меня тоже прости, — сказал он, приняв ее молчание и потеревшись носом о ее висок. — Я был жутко не прав.

— И я.

Лаголев улыбнулся.

— Хорошо, что мы это поняли, да?

Натка рассмеялась, вытирая глаза.

— Мне так хорошо уже лет пять не было.

— Остров! — многозначительно выстрелил пальцем в потолок муж.

Грязная салфетка выскользнула из его ладони, и они оба почему-то бросились ее поднимать, что в тесном пространстве не смогло не вызвать ряд забавных коллизий. Руки мешали рукам, ноги жались к ногам, пальцы находили грудь, губы...

— погоди, — спохватилась Натка, отлипая от Лаголева, — надо же какой-то обед...

— А, да-да, — закивал он, приводя тренировочные штаны и рубашку в порядок. — Обязательно. У нас же — молодой, растущий организм...

Он был растрепанный и смешной. И мужественный. Муж!

— Покажи-ка еще ладонь, — попросила Натка.

— Пожалуйста.

Лаголев подал ей руку, помогая встать.

— Не эту!

— Простите.

Натка поскребла, послунявила место пореза — ни намека.

— Так мы это, выходим? — спросил Лаголев.

Глаза его смеялись, светились, любили.

— Ведите меня, Александр!

— Госпожа Наталья.

Так, наверное, в приемную залу к послам и представителям иностранных держав не выходили даже император с императрицей, как они из ниши за холодильником — к кухонному столу. Чинно. С достоинством. По фэн-шую. Только у них вместо послов и представителей случился застывший на пороге сын. И физиономия у сына была — будто ему открылось нечто непостижимое, на что он еще не знал, как реагировать.

— Вы чего? — спросил он.

Они, конечно, попробовали объяснить.

Лаголев:

— Я, видишь ли, показывал маме...

Натка:

— Да, папа мне показывал...

Лаголев:

— ...одно место...

Хором:

— ...за холодильником.

Игорь молча повернулся и ушел к себе в комнату. То ли удовлетворился ответом, то ли, наоборот, завис.

— Смотри, наш сын умеет по-английски, — заметил Лаголев.

Сказал и сказал. Подумаешь. Но оказалось, что она с безобидной вроде бы реплики способна смеяться до колик в животе. До слез. До обессиленного тисканья столешницы. Особенно когда рядом подхихикивает, сгибается, слепо шарит в поисках опоры муж. По-английски! Он вынес это с уроков иностранного языка! Хо-хо-хо, ха-ха-ха! Но ведь ничего смешного.

— Пойду я штаны сменю, — сказал, уползая в коридор, Лаголев.

— Лаголев! — простонала Натка.

И забулькала, как чайник на кипячении.

— Не смешно, — раздался его голос из туманящейся, качающейся реальности.

— О, да!

Смех отрезало как-то разом. Натка, словно протрезвев, обнаружила себя на стуле с зачем-то намотанными на руку сосисками. Тепло словно выдуло из души, выпило, высосало, оставив недоумение и холод. Мир потускнел. Мир стал жестче, выпятил углы и тени. Она вздрогнула, сбросила сосисочную обмотку, обхватила себя за плечи. Что Лаголев сделал с ней? Злость, будто существо-захватчик, вцепилась в лицо, оттягивая вниз уголки губ, процарапывая морщины, сужая глаза.

— Лаголев! — испуганно крикнула она.

Отвращение к собственной слабости пришло мгновенно. Господи, подумалось, кого я зову? Зачем? Он же не сможет ни успокоить, ни просто, с пониманием, выслушать. Встанет скорбной фигурой, пробухтит: «Что ты хотела, Ната?».

А я захочу его ударить.

— Что?

Лаголев поспешно выскочил из комнаты, на ходу застегивая мешковатые брюки.

— Мне... мне плохо, — неуверенно сказала Натка, удивляясь дрогнувшему голосу.

Муж был какой-то не такой. Не испуганный. Не обычный. С живыми, обеспокоенными глазами, от которых злость съежилась и заползла вглубь тела. Затаилась.

— Ага! — сказал он. — Известно дело. Вставай!

— Что?

Натка не успела ни возмутиться, ни отмахнуться, как была поднята со стула и снова помещена в закуток к холодильнику. Тепло тут же прокатилось волной снизу вверх, вызвав щекотку в макушке.

— Извини, — сказал Лаголев, встав рядом и держа ее за руку. — Забыл сказать, что изначально время действия острова небольшое. Минута, две — и, если ты вышла из зоны его действия, тебе опять плохо, болячки проявляются, проблемы наваливаются. Это я по себе знаю. Но что я заметил?

— Что? — спросила Натка, ощущая, как растёт в ней нежность к мужу.

— Я заметил, — сказал Лаголев, — что с каждым разом, как ты постоишь на острове, время комфортного нахождения вне его увеличивается. Я уже, наверное, где-то полчаса могу хранить в себе позитивный заряд.

— А штаны — дурацкие, — сказала Натка.

— Ладно, — Лаголев легонько коснулся губами ее виска. — Ты стой, а я пока картошку почищу.

— Ага.

Лаголев отпустил ее руку. Из нижнего ящика в тумбочке он выбрал несколько сморщенных картофелин, подтянул из-под раковины мусорное ведро, подставил стул, словно полководец перед боем собирая резервы, и вооружился ножом, которым только что резал ладонь.

— Нам пяти штук хватит? — спросил Лаголев.

Согревшаяся, осовевшая Натка едва не пропустила его вопрос мимо ушей. Как может быть так хорошо?

— Не знаю, — сказала она. — Игоря-то посчитал?

— А как же! — сказал Лаголев. — Я его очень даже считаю. Нам с тобой — по одной, оглоеду нашему — три.

— И две сосиски.

— Нам или ему?

— Ему.

Стало вдруг холоднее. Натка поежилась, сжала-разжала пальцы. Ощущение тепла медленно таяло.

— Саш, — позвала она.

— Да? — вскинул голову Лаголев.

— Что-то сбоят, — пожаловалась Натка.

— Ты уверена?

С недочищенной картофелиной Лаголев шагнул в закуток, и тепло немедленно вернулось, едва он плечом, ступней, коленом пересек невидимую границу.

— Он от тебя действует, — прошептала Натка.

Лаголев смутился.

— Ну, нет, не может быть.

— А если так?

— Скорее, он пока тебя не признал, — сказал Лаголев.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, что-то такое чувствую.

— Мне тоже придется порезать палец? — спросила Натка.

Лаголев посмотрел на нее с мягкой укоризной.

— Кажется, времена кровавых жертвоприношений давно прошли. Думаю, тебе просто надо сосредоточиться.

— На острове?

— На себе. Открыть ему себя.

— А ты открывал? — спросила Натка.

— Это останется между мной и островом, — сказал Лаголев.

Натка фыркнула.

— Тайна ходячая.

— Ты давай, сосредотачивайся.

— Хорошо, — Натка коротко выдохнула и закрыла глаза. — Постоишь рядом?

— Куда я денусь?

В темноте Лаголев сопел неслышно и едва-едва выдавал себя шуршанием одежды.

Сосредоточиться. Натка шевельнула плечами. Надо, наверное, что-то мысленно сказать? Типа, «Здравствуй, остров» или что-то в этом роде. «Это я, Натка». А дальше? Глубокоуважаемый остров, позвольте мне, как и мужу...

Она прыснула. Взрослый ведь человек!

— Ната, это серьезно, — сказал из темноты Лаголев.

— Все, все, я собралась, — ответила Натка.

Постукивали часы.

Вот, сказала она острову, выпрямляясь, я стою на тебе. Прими меня, пожалуйста. Сделай меня лучше. Подари мне свое тепло. Я не очень хороший, я злой человек. Но я... У нее сжалось горло. Но я очень хочу стать лучше.

Я устала быть такой, какая я есть.

От ожидания мурашки рассыпались по плечам, щелкнули шейные позвонки. Натка закусил губу. Остров, миленький, пожалуйста!

— Ну? — спросил Лаголев.

— Не знаю, — сказала Натка.

— Давай так.

Лаголев отступил, пропал, где-то в темноте заскрипел нож, взрезая морщинистую картофельную кожуру. Тепло ходило в Натке, и она ощущала, как оно, словно любопытное, исследующее новый мир существо, пробирается то в одну руку, то в другую, то пытается свернуться в животе, то копошится в горле.

Оставайся, сказала этому существу Натка.

Сердце стукнуло и замерло. А потом вдруг зачастило, и где-то внутри словно рассыпались горячие угольки. Ах, жарко! Натку качнуло, «ЗиЛ» по-дружески подставил ей бок, она выдохнула, и на мгновение ей, стоящей с закрытыми глазами, показалось, что изо рта летят искры. К макушке кто-то добрый и взрослый прижал невидимую, теплую ладонь. Мол, расти большой, старайся, я рядом.

Спасибо, шепнула Натка.

Свет, приникший к вновь открытым глазам, был совсем другой свет. Станный. Мягкий. Вкрадчивый. Распахнувшийся. И Лаголев, склонивший голову и вырезающий «глазки» из картофельного тела, казался скоплением добрых и теплых пятен. Жалко, что стоило моргнуть, и это преломление... не пропало, нет, но словно ушло в глубину, растворилось в окружающих предметах, в стенах, окне, мебели.

— Все хорошо? — спросил Лаголев.

— Да, — сказала Натка.

Она шагнула из ниши к столу с ощущением, что ей надо заново учиться ходить.

— Картошка, конечно, швах, — пожаловался Лаголев.

— Нам ли жаловаться? — улыбнулась Натка.

По ходу она взьерошила мужу волосы, и это было так естественно и правильно, что она удивилась, как не делала этого раньше. Муж мой! В каждом шаге откуда-то засквозила легкость, в каждом движении появилась плавность. Ах, не помолодели ли вы, барышня?

Смешно. Натка фыркнула.

— Чего ты? — спросил Лаголев.

Натка сунулась к нему с поцелуем.

— Мне хорошо.

— Ну, это хорошо, что хорошо, — сказал Лаголев, ощутив мимолетное касание губ.

Он потерся щекой об ее пальцы. Натка рассмеялась.

— Это остров! — сказала она.

— Мне уже ревновать?

— К кому?

— К острову, конечно же!

Натка сделала вид, что задумалась.

— Ну, наверное, да, ревнуй, — кивнула она, разбирая продукты в пакете. — Возможно, я буду проводить с ним достаточно много времени. Он многое может!

— А картошку чистить? — прищурившись, спросил Лаголев.

Подперев подбородок батоном, Натка признала, что в этом месте за холодильником традиционно слабо.

— Увы.

— Я так и знал!

Лаголев срезал ножом кусок кожуры и торжественно выложил последнюю бледную картофелину к остальным четырем. Будущее второе блюдо, впрочем, как-то не впечатляло размерами и смотрелось сиротливо.

— Думаешь, Игорю хватит? — спросила Натка.

— Делов-то, разбавим макаронами, — предложил Лаголев.

— Их тоже — с гулькин нос.

— Ничего, на этот раз хватит. А дальше что-нибудь придумаем.

— Ты уверен?

— У нас такое богатство, — поймал ее талию в свои руки улыбающийся Лаголев. — Куда мы денемся?

— Ты про остров? — тихо спросила Натка.

Муж качнул головой.

— Я про нас.

— А что мы? Мы, вообще, знаешь...

Она чуть не сказала: «Почти развелись». И ощутила, как что-то смыкается в душе, как холодок проникает под кожу, как густеют, темнеют, наползают друг на друга мысли, одна паршивей другой. Все сволочи, ни просвета, ни приветов, ни денег, она, видите ли, лошадь ломовая, а Лаголев скалится, думает, что его простили...

Ой, мамочки! Натка вывернулась из рук мужа, оставила молочный пакет и с испугом заступила обратно на процарапанный ножом прямоугольник. Не хочу, не хочу, как раньше! Нежелание трепыхалось, будто пойманная в силки птица.

Не хочу!

— Что, накатило? — участливо спросил Лаголев, доставая кастрюлю.

— Ага, — сказала Натка, замирая на острове.

Зубы куснули губу. Давай, миленький. Я здесь, я только что была.

— Это знакомо, — набирая в кастрюлю воду, Лаголев обернулся на Натку, почти полностью скрытую холодильником. — Понимая, в какой тьме ты до этого находился, очень

не хочется в нее обратно.

— Просто я там — не я, — сказала Натка. — Не настоящая. Совсем не я. Свирепая глупая, изнуренная дура.

Она задержала дыхание. Тепло куснуло пятки. Сначала это был тоненький ручеек, протекший вверх, под левую коленку, потом, словно осмелев, тепло проникло глубже, выше, лизнуло бедра. Натка почувствовала, как слезы радости наворачиваются на глазах. Спасибо. Спасибо тебе. А тепло помедлило, откатилось, будто океан, пробующий берег во время прилива, и вдруг нахлынуло, накрыло Натку с головой, заставляя на всякий случай упереть ладонь в железную стенку.

Ласково.

Ах! Господи, подумала Натка, дыши, дыши во мне. Выдувай гниль из сердца и гниль из души. Сколько же ее налипло! Сколько нагромоздилось! Зиккуратом в сотни ступеней. Надгробием самой себе.

— Так, подожди, подвинься, — завозился рядом Лаголев. — Я бы тоже хотел немного подзарядиться.

— Давай, — сказала Натка.

Они встали друг против друга, боком к «ЗиЛу». Было тесно и тепло. И даже жарко. И смешно. Глаза у Лаголева улыбались.

— Слушай, Саш, — сказала Натка, — а как ты завтра без острова на работу?

— Не знаю, — беззаботно пожал плечами Лаголев. — Как-нибудь выдержу. А ты в понедельник?

— Я постараюсь накопить позитивной энергии за завтра.

Лаголев коснулся ее лба своим. Они обнялись.

— Пустишь в кровать переночевать? — спросил он.

— Обязательно.

— А то кресло раскладное как пыточное.

— Прости.

— Кстати, — сказал Лаголев, — Игорюшка рискует остаться без обеда.

— Почему?

— Потому что мы только и делаем, что обнимаемся за холодильником.

Натка прыснула.

— Ну, у него есть кроссовки.

— Намекаешь, что он может их того, как Чаплин?

— А Чаплин ел кроссовки?

— Эх, темнота! — сказал Лаголев. — Не ел, а со вкусом поглощал. И не кроссовки, а шпиблеты. И, кажется, всего лишь подошвы. Я помню, как он гвоздики выплевывал. Фильм назывался «Золотая лихорадка», если я ничего не путаю.

— Давай пока не будем рассматривать обувь в гастрономическом плане, — попросила Натка.

— О, меня радует это «пока».

— Времена тяжелые.

— Угум, — сказал Лаголев.

Они поцеловались.

Нет, Игорю сегодня решительно не везло в том, что и во второй раз, зайдя на кухню, он застал родителей в холодильном закутке. Понятно, что его округлившиеся, вытарщенные

глаза смотрели на отца с матерью с глубоким сомнением в умственном здоровье взрослых. Лицо подростка свело в тщетном желании понять, что, в конце концов, за чудеса происходят в их семье. Бедняжка, подумала Натка.

— Эй, вы чего? — спросил сын, бледнея. Голос его взял высокую ноту. — Что вы там прячетесь? Наширялись что ли?

— Что сделали? — не поняла Натка.

— Видимо, наш сын полагает, — сказал Лаголев, выдвигаясь к столу, — что мы с тобой только что употребили наркотики.

Натка не сдержала улыбки.

— Саш, ну, в каком-то смысле...

— Что? — воскликнул Игорь. — Вы совсем?

— Твои выводы поспешны, сынок, — сказала Натка, — и, как следствие, ошибочны. — Она взяла из рук Лаголева кастрюлю и поставила ее на плиту. — Сколько тебе сделать сосисок — одну или две?

— Чего?

— Сосисок тебе сколько?

— Две.

Игорь не утерпел и сунул голову в пространство за «ЗиЛом». Он осмотрел углы на предмет шприцев, порошка и понюхал воздух.

— Это не так работает, — сказал Лаголев, нарезая картофелины на кубики.

— Ага, вы на себя посмотрите!

Натка и Лаголев переглянулись.

— Мы как-то... — начали они хором и умолкли.

Лаголев, кашлянув, жестом дал слово Натке.

— Сынок, с нами что-то не так? — спросила она.

Игорь набрал воздуха в грудь.

— Вы... вы — веселые! — выпалил он. — Понятно? Как под травкой!

— Это под марихуаной что ли? — уточнил Лаголев.

— Да!

— Но мы же не хихикаем.

— Я слышал!

— Это по другому поводу! — быстро отозвалась Натка.

— Ага! Конечно!

Сын возмущенно засопел. Натка обнаружила вдруг, насколько он вытянулся за последний год, поразились угловатому, угрюмому лицу, отросшим вихрам, почувствовала его настороженность, неверие, отчужденность. Взрослый, подумала она. Изо всех сил хочет таким казаться. Пыжится. Саша — не авторитет, я — не авторитет.

Я покупаю его кроссовками, поняла она. Получаю любовь, послушание на сдачу. Только разве это правильно? Разве это ему на самом деле нужно?

— Игорек!

Натка качнулась обнять сына, но тот, уловив движение, отпрянул. Конь норовистый! Что он обо мне думает? Любит ли он меня? У него как раз в это время, наверное, начался непростой период, он пытается встроиться во взрослую жизнь. А это, должно быть, сейчас особенно тяжело. К тому же свой собственный опыт подразумевает отрицание старого. А старое — это мы с Лаголевым, родители, которые кажутся ему несовременными,

несвоевременными, замшелыми ретроgrадами. Глупенький!

Натка улыбнулась.

— Что? — тут же вытаращился сын. — Я в ваши игры играть не буду!

Лаголев фыркнул. Звякнула крышка — кастрюля к сосискам заодно приняла и гарнир. Несколько эклектично, зато практично.

— Вы что, уже и в кастрюлю что-то подсыпали? — отшагнул к порогу Игорь. Глаза его сделались совсем дикими. — Хотите и меня на эту дрянь посадить?

— Все проще, — сказала Натка.

— И сложнее, — добавил Лаголев.

— Да?

— Ты не убегай, а вымой руки и садись за стол, — сказала Натка, добавив командных ноток в голос. — Мы тебе все расскажем.

— Я гулять хотел... — неуверенно произнес сын.

Лаголев кивнул.

— Без проблем. Поешь, и гуляй.

— Серьезно?

— Это обычные сосиски и обычная картошка, — сказала Натка.

— Вы все равно какие-то странные, — сказал Игорь и пошел в ванную мыть руки.

Лаголев подпер щеку ладонью.

— Удивительно, — сказал он, — он послушался. Это наше с тобой воспитание или вид психологической реакции? Большинство людей, оказывается, во время стрессовой ситуации не способны мыслить разумно. Это я из журнала, если что, цитирую. Их поступки инстинктивны, а некоторые и вовсе впадают в ступор. Но мыть руки... С нашим сыном, похоже, что-то не то.

— Психология на марше, — сказала Натка.

— Я все слышу! — крикнул из ванной сын.

— Ты это... воду включи! — посоветовал Лаголев.

Натка рассмеялась.

Простой, ни о чем, в сущности, разговор вдруг стал приносить радость. Ну не странно ли! Когда она нормально с Лаголевым общалась в последний раз? Ага, попытайся вспомнить, прежней Натке не до этого было. Она ж лошадь — удила закусил, шоры нацепила сама себе... Натка задумалась. У них, получается, действительно уже год, наверное, а то и больше, все разговоры между собой происходили в денежной плоскости. Заработок, дорожающие продукты, цены, экономия должна быть экономной, долги, квартплата, даже Игорь обсуждался именно как объект денежных трат. Джинсы, трусы, носки, кроссовки. А впереди предстояло как-то еще отбить его у армии.

Тоже бешеные деньги, по словам Прокоповой. У нее сыну уже девятнадцать. Она чуть ли не пятьсот долларов военкому занесла. Игорь, конечно, об этом еще не думает, обмолвился тут, что ничего страшного, пойдет и отслужит, ну а Лаголев в своем репер...

Ох! Натка бросилась за холодильник. Что ж в ней злости-то столько? Просто фабрика по производству.

— Опять? — спросил Лаголев.

Прежняя Натка рывкнула бы: «Заткнись». Та же Натка, но в исключительно хорошем настроении, сказала бы: «То, что человек на девяносто процентов состоит из воды, — вранье. Он целиком состоит из внутреннего дерьма. Ты, Лаголев, тоже».

Нынешняя Натка сказала:

— Прости.

— Работает?

— Да.

Натка закрыла глаза. Вот оно, тепло. Шелестит, течет по жилкам. Целый мир. Целый остров. Как чудесно, что он нашелся.

— Мам.

Пришлось со вздохом выглянуть из убежища.

— Я здесь, сынок.

Лицо Игоря выразило глубокое сомнение.

— Что ты там делаешь? — спросил он.

Лаголев, негодяй, подмигнул. Мол, объясняйся, раз опять попалась. Натка незаметно для сына показала ему кулак. Лаголев развеселился еще больше. Покашливая, он встал к плите на проверку готовности сосисок с картошкой.

— Ты садись, — сказала сыну Натка.

— Вы по-уродски стол поставили, — сказал Игорь, не трогаясь с места.

— Садись, садись.

Лаголев одну за другой ловко, накалывая вилкой, сбросил невозможно-розовые сосиски в общую тарелку. Потянулся вверх ароматный парок. Разве можно устоять перед таким аппетитным зрелищем? Игорь осторожно подвинул стул.

— Вы прятки кончайте, да? — буркнул он.

— А вот папа тебе все объяснит, — мстительно сказала Натка.

Она медлила, стараясь провести на острове лишнюю секунду. Хотя бы одной ногой, бедром, рукой, мизинцем. Придет послезавтра на работу и скажет: а я, дорогие мои, отдыхала на острове. Угадайте с трех раз — каком? Не Тенерифе, не Куба, не Мальорка. Хотя Мальорка — ах, давняя мечта, бирюзовое море, песок, солнце. Но этот остров — лучше.

Лаголев тем временем слил из кастрюли воду.

— Могу и я объяснить, — сказал он, рассыпая горячие картофельные кубики по тарелкам. — Но, наверное, после, когда поедем. Натка, ты чего? Садись тоже.

— Мне две сосиски, да? — спросил Игорь.

— Да, — сказала Натка, подсаживаясь с краю стола.

Так остров оставался для нее в шаговой доступности. Если что.

— Супер.

Вооружившись вилкой, сын тут же перекинул две сосиски себе в тарелку.

— Слушай, Нат, — поместив опустевшую кастрюлю в раковину, Лаголев открыл холодильник, — у нас вроде бы еще соленый огурец оставался. Который вырвиглаз. Помнишь, его деть было некуда? Сейчас настрогали бы...

— Я съел, — сказал Игорь.

— Когда? — удивился Лаголев.

— Ну, ночью.

— Это ты погорячился.

Игорь вдруг надулся и механически разделал одну из сосисок на три части ребром вилки.

— Да я это... Я аппетит нагулял. А пришел, мама меня сразу спать погнала. Я бы

оставил, если б знал.

— Так себе оправдание, — сказал Лаголев.

— Бедный огурец! — вырвалось из Натки.

— Кто? — удивился Игорь.

Лаголев захохотал. Натка сначала крепилась изо всех сил, но потом не выдержала и сама. Ей представились это сморщенное, бледно-зеленое, пупырчатое существо, доживавшее свой соленый век в банке в дальнем углу холодильника, переставшее даже гадать, когда его пустят на салат или рассольник, и сын, под голодным взглядом которого даже сухари и галеты каменной твердости приобретали гастрономическую ценность.

— Смейтесь, смейтесь, — обиделся, склонился над тарелкой сын.

Лаголев тронул его за плечо.

— Прости. В нас сейчас дури много.

Игорь выпрямил спину.

— То есть, это все-таки дурь?

Он набил рот, но не успел прожевать и теперь говорил с надутой, как у больного флюсом, щекой. Все, я не смеюсь, сказала себе Натка.

— И где вы ее взяли?

Сын краснел, когда горячился.

— Мы тебе все расскажем, — сказал Лаголев и показал глазами на тарелку. — Ты ешь давай.

— А вы?

— Мы тоже.

Лаголев начал с картофеля. Натка отломала хлеб. Игорь, ко всем телодвижениям родителей всплывший нешуточной подозрительностью, с великолепной трагической паузой, воскликнул:

— А сосиски?

— Пожалуйста, — пожала плечами Натка.

Секунд пять сын с недоверием наблюдал, как она жует, отделив ножом кусочек пахучего розового мяса.

— Я тоже могу, — сказал Лаголев и пригвоздил свою сосиску к тарелке. — Смотри. — Он откусил сразу половину и заработал челюстями. — Вкусно, кстати.

— Папа, блин. Сам знаю, — буркнул Игорь.

Он занялся своей порцией, не забывая, впрочем, бросать быстрые взгляды то на отца, то на мать.

— Чайник? — спросил Лаголев.

— Да, Сащ, поставь, пожалуйста, — попросила Натка.

Сын фыркнул.

— Вы даже не слышите, как разговариваете! — заявил он, подгребая кубики картофеля к вилке ломтем хлеба. — Вы раньше так не разговаривали!

— Как? — спросил Лаголев, зажигая конфорку под чайником.

— Ну, как будто...

Игорь смутился. Он хотел сказать: «Как будто мама передумала разводиться». Это было нетрудно прочитать по его лицу.

— Как будто у нас все хорошо? — выручила его Натка.

— Да!

— Ну, на самом деле, все не так уж и плохо, — сказал Лаголев, доставая кружки. — Просто иногда нужно сдвинуть холодильник, чтобы это понять.

— Понять, что важно в жизни, а что нет, — поддержала Натка.

У Игоря вдруг задрожали губы.

— Вы что, в секту вступили? — спросил он.

— В какую?

— Ну, в которой обещают радость и просветление. Я видел, ходят такие с книжками по домам. То бритые, в белом. То с сумками через плечо, в черном. «Отрекитесь от суетного, жизнь есть любовь».

— Они не так уж не правы, — сказал Лаголев. — Только цели у них как раз суетные. Меркантильные. Ты доел?

Игорь посмотрел на отца.

— Пап, если вы все же вступили...

— Тарелку давай, — протянул руку Лаголев.

— ...то я убегу из дома, так и знайте, — сказал Игорь.

Он передал пустую тарелку отцу. Лаголев показал ее Натке.

— Даже мыть не нужно.

— Это наш сын! — гордо сказала она.

Тарелка отправилась в раковину. Закипел чайник, и Лаголев ловко снял его с огня. Кипяток пролился в кружки.

— Пьем, и к делу, — объявил Лаголев.

— Эх, конфетку бы, — вздохнула Натка, наливая чаю из заварочного чайника.

— Я завтра куплю.

— Думаешь, у твоего Кярима Ахметовича совесть проснется?

— Куда он денется?

Лаголев, задумавшись, долго взбалтывал пустой кипяток ложкой, потом долил чаю, сыпнул сахарного песка. Натка заметила, что его движения, повороты головы, жесты, мимика обрели ясность и спокойную неторопливость уверенного в себе человека. Она почувствовала, что снова в него влюбляется. Это мой Лаголев, прошептал кто-то в голове. Мой Сашка. Александр. Мой! Что-то будет ночью!

— Мам.

— Да?

Натка с трудом отвлеклась от созерцания мужа. Как бы ее за слишком вольными мыслями сын не застал врасплох. А то думается всякое, не целомудренное, постельное. Бежать с этим за холодильник — пф-ф!

Бежать от этого — еще большее пф-ф!

— У тебя еще сосиска осталась, — сказал Игорь.

О, вечно голодное дитя!

— Ешь, разрешаю, — сказала Натка, размышляя о сосиске как... кхм... символе.

Лаголев, у тебя же есть сосиска?

— Спасибо.

Цап — и тарелка опустела. Они допили чай. Натка по привычке оставила на доньшке. Она любила вдруг обнаружить остатки, пусть даже холодные, в своей кружке. Бывает, запершит в горле, а там как раз на глоток.

— Ну, что? — хлопнул ладонями по коленям Лаголев. — Пора?

Простые слова, а момент сделался торжественным. Игорь прочувствовал, подобрался, потряхнул гривой.

— Я готов.

— Готов? Вставай, — сказал Лаголев. — Нат, ты могла бы?

— Конечно.

Натка задвинула стул, освобождая проход к нише за холодильником. Перебралась к плите, к раковине, чтобы не мешать. Так, граждане, подумала она, в отдельно взятой городской квартире и происходит процедура посвящения младшего члена семьи в семейную тайну. Что ему откроется, вот что интересно.

— Эй, герой, заправься, — сказал Лаголев.

— Это обязательно? — спросил сын, тем не менее, заправляя футболку в джинсы.

— Для порядка не помешает, — Лаголев был строг. — Теперь проходи за холодильник.

Игорь оглянулся на Натку.

— Это тоже обязательно?

— Разумеется, — сказала Натка. — Без этого ничего не работает.

— Разыгрываете?

— Сам же вызвался. Вставай, — поторопил Лаголев. — Там на линолеуме гвоздиком нацарапаны границы.

— Не вижу.

— Встань сначала.

Игорь посопел и шагнул за холодильник. Лицо его было хмурым.

— Видишь теперь? — спросил Лаголев.

Сын нагнулся к едва заметным отметинам.

— А, ну да, что-то есть.

— За границы не выходи.

— И что?

— Не сутулься.

— Ладно.

— Закрой глаза.

— Блин, пап. Я на такое голимое разводилово не подписывался.

Лаголев приблизился к сыну.

— Хорошо, тогда скажи, что ты чувствуешь. Тепло? Вибрации?

— Ничего не чувствую.

— Я серьезно.

— Я тоже серьезно! — заявил Игорь, делая попытку выбраться из ниши. — Нашли, блин, дурачка...

— Стоять!

Лаголев приказал это негромким, но таким твердым голосом, что Натка, хоть это ее и не касалось, застыла на месте, боясь пошевелиться. Вот это муж. Мой муж. Лев.

Игорь медленно-медленно выпрямился. Рот он закрыть забыл.

— Не чувствуешь — значит, не чувствуешь, — спокойно сказал Лаголев. — Сосредоточься. Ты в состоянии сосредоточиться?

Игорь кивнул — осторожно, словно боясь движением повредить челюсть. Речь у него, видимо, на какое-то время отнялась.

— Хорошо. Глаза все-таки лучше будет закрыть. Просто потому, что так легче будет

воспринимать остров.

— Чт-то? — проскрипел Игорь.

Лаголев мягко улыбнулся.

— И еще: мне придется взять тебя за руку.

— Ма-ам, — предпринял попытку воззвать к материнским чувствам сын.

В голосе его прозвучал неприкрытый страх. Натка благоразумно промолчала.

— Закрывай, — попросил Лаголев.

Игорь судорожно выдохнул и зажмурился. Лицо у него сложилось в гримасу великого страдания.

— Поехали.

Лаголев подступил, поставил ногу носком тапка за границу, взял Игоря за локоть. Натка следила с замиранием сердца. Неуловимое мгновение, и началось — остров потек через сына. Она почти ощущала сама, как волна тепла проходит сквозь вытянувшегося за последний год обладателя новых кроссовок. Она видела, как распрямляются его плечи, как напряжение покидает мышцы, как розовеют щеки, как лицо вдруг, теряя гримасу, становится странно-светлым, одухотворенным, притягательным. С Лаголевым происходили такие же метаморфозы, только более мягкие, более плавные.

Натке захотелось к ним.

Лаголев словно почувствовал. А может действительно почувствовал. Поди пойми, чем там еще остров наделяет человека — шестым, седьмым, восьмым чувством. Он сместился в угол, освобождая близкое к подоконнику место, качнул головой.

— Присоединяйся.

Улыбка его была настолько доброй, что Натка, скользнув к нему и сыну, даже не поняла, что плачет.

Это круто, подумал Игорь.

В голове, как чудесные цветы, тут же расцвели синонимы. Изумительно, волшебное, великолепно, умопомрачительно, сногшибательно, бесподобно. Богатство похожих слов само по себе вызвало у него какой-то безумный фейерверк под черепом, искры на языке, семантический рахат-лукум.

Это что-то, подумал тогда он. Свет оседал внутри, будто волшебная пыльца. Жуткое чувство, на самом деле. Тебе все объяснили, показали, дождались понимания, обдали теплом, как паром, — ты готов, приготовлен, лети! Все шишки, синяки, ошибки, беды, слова, улыбки, ложь, сказки, любовь — все впереди.

Это неизбежно. Это неостановимо. Ты растешь, клетки делятся, погибают и обновляются, время переваривает твои оболочки, старую кожу, старые мысли, формируя из тебя — нового тебя. И все это — не важно.

Важно — о чем ты. Как ты звучишь. Что для тебя мир и люди вокруг. Что для тебя те, кто идет с тобой рядом, а раньше вел за ручку, учил садиться на горшок или писать в унитаз, кормил грудью, покупал мороженое, показывал, как колоч огонек на спичке, играл с тобой в «города», служил утешением и светом.

Игорь открыл глаза.

Мир остался прежним. И вместе с тем неуловимо изменился. Слово он смотрел на него с одного места, привычного, но не очень удачного, замыленного, а его подвинули, и раскрылся простор. Отец держал его за руку, мать прижималась плечом к отцу, и от них веяло такой любовью к нему, в общем-то, бестолковому сыну, что Игорь мысленно несколько раз казнил себя об стену. Он их, в сущности, и за людей-то уже не считал. Родаки, предки. Нечто само по себе существующее, как соседи за стенкой. Никаких пересечений. Но зато кроссовки выклянчил, супер. Слово восемь килограмм сосисок из семьи уволок.

— Мам. Пап.

— Все хорошо, сынок? — спросил отец.

— Простите меня, — сказал Игорь.

Отец наклонил голову. В глазах его он увидел понимание.

— Хорошо.

— Я это... — Игорь шмыгнул носом. — Ну, наверное, не очень хороший сын.

— Хм, — сказал отец, — мы все когда-то были такие. Однажды за мной, лет, наверное, двенадцати, а то и меньше, отец, твой дед, с прутом от нашей Стрельцовки чуть ли не до Тутаявки добежал. Два раза успел стегнуть поперек спины.

— А за что?

— Веришь, не помню.

— Не знаю, я была хорошей девочкой, — возразила мать.

Отец вздохнул.

— С девочками все совсем по другому, — словно делясь тайной, сказал он. — Ну, что, семья, пора и честь знать?

Мама выбралась первой, помолодевшая, светящаяся. Отец, какой-то совсем другой, чем раньше, шагнул следующим, подал руку.

— Ну, как тебе остров?

Игорь сел на стул. Тепло отпускало. Ощущения, мысли, эмоции — все медленно гасло, укладывалось на дно души.

— Не знаю. Как-то перекрутило всего, как космонавта на центрифуге. Круто.

Мама рассмеялась.

— Что? — спросил Игорь.

Отец хлопнул его по плечу.

— Физиономия у тебя, брат, говорит сама за себя.

— Серьезно?

Игорь встал. Отец, конечно, подтрунивал, но, на самом деле, было действительно любопытно, что там у него стряслось с лицом. Не разорвало же. Он вышел из кухни, скользнул в ванную. Из зеркала на него внимательно посмотрело чужое отражение. Открыло, закрыло рот, повернулось в профиль, вытянуло губы. Двойник был похож и не похож одновременно. Тот же нос, тот же подбородок, те же уши и космы. Даже глаза те же. Но все вместе детали складывались в незнакомую картину.

Игорю из зеркала не коверкала нутро недоступность дорогих шмоток и автомобилей, не грызло желание быстрых денег, не хотелось повеситься или накричать на отца и мать из-за того, что они не могут дать ему все и сразу.

Станный, спокойный парень с гаснущим огоньком в глазах.

— Пап, пап!

Он рванул обратно в кухню.

— Это кончается!

— Есть такое, — кивнул отец. — Сначала эффект держится недолго, но чем чаще ты находишься на острове, тем, похоже, он дольше работает по времени. Доказано опытным путем.

— А можно еще?

— Вставай, вставай, — улыбнулась мама.

Игорь забрался за холодильник. Ему сделалось смешно, что буквально полчаса назад его, наверное, в нишу не затащили бы и волоком. Спасите! Помогите! Родители что-то курят! Он замер. Остров не работал. Игорь проверил, стоит ли в границах, и снова закрыл глаза.

— Пап.

— Что? — обернулся отец.

Он протирал стол. Мама ушла в комнату. Оттуда слышалось, как она негромко напевает про старый клен.

— Не работает, — сказал Игорь.

— Прости, забыл сказать. На остров нужно настроиться. Он вроде как должен тебя признать. Понимаю, что мистика, но вот так.

— И что нужно сделать?

Отец почесал висок тыльной стороной ладони.

— Не знаю. Попросить его. Открыться ему. Иначе мне или маме придется все время держать тебя за руку. Так что ты постарайся.

— Хорошо.

Игорь выпрямился, вытянул руки по швам. Скажете, как на торжественной линейке? Ну, пусть так. Он еще застал Советский Союз и был октябренок. Под веками плавало пятно светлого окна.

Я здесь, остров, — сказал Игорь. Я тоже хочу... Он мотнул головой, подумав, что это не

правильно. Сразу «я хочу». Будь он островом, нефигово удивился бы, что это за хрен с горы встал и желания ему загадывает. Давай-давай, еще ножкой притопни. Хочу, как у Пушкина, быть владычицей морскою...

Игорь вдохнул и выдохнул. Прости, я это... Он сжал челюсти. Я дурак. Молодой дурак. Перед тобой это не зазорно... Просто помоги мне.

Он сжал пальцы в кулаки. Где-то внутри, под ребрами, возникло напряжение. Сердце кольнуло, оно словно раздулось, уперлось в грудную клетку. Мгновение — и распадется, лопнет. Уши заложило, как в самолете. Игорь до боли закусил верхнюю губу. Слушай, остров, слушай, — торопливо подумал он, я хочу научиться быть лучше. На самом деле! Я не вру. Даже если это будет очень сложно. Конечно, это опять «я хочу», но, пожа...

Мысль так и не удалось закончить. Тепло, хлынувшее в него, через него, вымыло ее без остатка. Вымыло все. Осталось только ощущение огромного, прозрачного счастья. Глубокого, как небо. Оно затаилось в нем, но, как чувствовал Игорь, его можно было в любой момент испытать заново. Закрой глаза, сосредоточься — и оно здесь, с тобой. Счастье.

На фоне этого меркли и кроссовки, и выкуренная сигарета с марихуаной. Обиды, мечты о миллионе долларов, яхте, белом «мерсе», злость, неуверенность в себе, стремление быть как все, прыщи, стеснение, острое, безответное чувство первой почти взрослой любви. Все это казалось таким мелким, пустым, далеким.

А еще обнаружилось, что счастье легко раскладывается на составляющие. Мама. Папа. Школа. Дыхание. Свет. Шаг. Жизнь. Дед первый и дед второй. Бабушка. Воробей. Смех. Дождь. Прогретый асфальт. Дома.

— Ох...

Игорь шагнул из ниши, склонился над столом.

— Это как зарядка для батареек, да? — сказал отец.

— Круче.

— И что это по-твоему?

— Машина счастья, — сказал Игорь.

— Как версия — имеет право на жизнь, — улыбнулся отец.

Игорь обнял его.

— Пап...

— Ты чего?

— Спасибо.

— Принято.

— А это... — Игорь смутился. — Ну, это нормально — подзаряжаться? Чуть что — сразу за холодильник?

— Не совсем, конечно. Но если не можешь справиться с тем, что происходит вокруг и в тебе, в частности, то лучше, я думаю, не усугублять.

— Не, я в том смысле, что это же как наркотик. Привык и уже трудно отказаться.

Отец кивнул.

— Интересный момент. Только тут важно что: становимся мы лучше или хуже после того, как постоим на острове? Ты стал хуже или лучше? Я стал хуже или лучше? Вот и ответ. И еще: со временем необходимость в его частом использовании, похоже, отпадает. Не находишь, что получается совсем не наркотик, а наркотик наоборот?

— Ну, если так...

— Технология, правда, еще не прошла апробацию. Ей всего день. Но ты, знаешь, просто замечай, когда в тебе происходит переключение с островного, скажем так, мировосприятия на прежнее. Если чувствуешь, что не можешь справиться с этим сам, то добро пожаловать к нам с мамой за «ЗиЛ».

Игорь фыркнул.

— Ладно, я понял.

— Теперь можешь идти гулять, как хотел, — сказал отец. — Только, я думаю, рассказывать об острове никому не стоит. Пока.

— Само собой. Ну, я это...

Игорь махнул рукой в сторону прихожей.

— Давай-давай, — подбодрил его отец.

Мама в большой комнате подшивала пододеяльник, телевизор негромко шелестел голосами, шел мексиканский сериал.

Как же было здорово по-новому смотреть на родителей! На отца — не как на неудачника, простофилю или рохлю, который не способен заработать достаточно денег. И не как на предмет мебели, который только и может в квартире, что скрипеть. С комом в горле — как на старшего товарища. Серьезного, вдумчивого, обладающего гораздо большим опытом, чем он сам.

А на маму — как на человека, который подарил жизнь. Бесконечно любящего человека. Почему он забыл об этом? Что же он за сын? Придурок с идиотскими капризами: дай приставку! Дай «варенки»! Дай кроссовки! Дай, дай, дай. Как она еще вытерпела и не прибила его? Провалиться бы куда-нибудь со стыда.

Ведь из них троих она была самая уязвимая. Они-то — два мужика, самой природой предназначенные стойко переносить тяготы и лишения. Стукнуло, ахнуло, прилетело, выбило пол-башки — отряхнулся и пошел. Мама — другое дело. Женщины — вообще другое дело. Они восприимчивей и слабей.

Ох, сдвинулась область восприятия. Кардинально сдвинулась.

— Мам.

Игорь подсел, ткнулся лбом в плечо.

— Что, Игорюшка? — спросила мама.

— Может сдать кроссовки нафиг обратно?

— Теперь уже, наверное, поздно.

— Прости.

Игорь сунулся губами к маминой щеке.

— Щекотно, — качнув головой, улыбнулась мама. — Ничего, прорвемся.

— Тогда работа по дому теперь моя, — пообещал он. — Посуда, полы, половики.

— Пыль.

— Пыль. Все на «п».

— Приятно слышать. Но ты же вроде на улицу рвался?

— А-а, да. Это после. После улицы. Я буду где-то в семь.

Мама, сделав стежок, бросила взгляд на настенные часы.

— Может, в шесть?

— Не, не нагуляюсь.

— Тогда уж и кроссовки надень.

— Да ну! — скривился Игорь. — Пачкать только.

— Ты же, наверное, друзьям хотел похвастаться.

— Так это я до холодильника хотел. А посидел в холодильнике...

Мама рассмеялась.

— Юморист! Беги уже!

Раньше с мамой и не пошутить было. Больше огрызаешься, чем шутишь. А она больше орет, чем слушает. Хотя как с ним не орать? Если он только один крик и понимал, то как с ним не орать? Голова пустая, звонкая.

Кроссовки Игорь все-таки надел. Тепло. Дождя вроде не предвидится. И суббота. Если Ирка в подвале, то почему бы и нет? Но курить он, конечно, больше не будет. Так, посидит, в карты поиграет. Потреплет. Взнос, кстати... Он выковырял из кармана джинсов монету в пять рублей. Треть платы в наличии. Но нужна еще десятка.

Игорь постоял у вешалки, снял куртку. У отца спросить? У него, правда, вечно денег нет. Но мелочь-то, блин, на пиво у каждого мужика имеется! Должен же он от матери хоть какую-то заначку при себе держать.

Ага. Он поймал себя на том, какой резкий крен в сторону дали мысли. Прихожая потемнела, черепную коробку словно сжали, ты — волк, ты вышел на тропу...

— Пап!

Отец оторвался от чтения газеты.

— Да?

— Можно еще раз?

Голос дрожал. Пальцы дрожали. Внутри все дрожало. Отчаяние, холод, погружение во тьму. Вот как это бывает.

— Вставай, конечно, — сказал отец.

— Ага.

Игорь торопливо шагнул за холодильник, прижался спиной к вибрирующей боковой стенке, выровнял ноги по острову. Он вдруг осознал, что не хочет возвращаться к прошлому себе. Не хочет той скукоженной, беспросветной жизни, сплетенной из клокочущих обид, зависти, лени, игры в приставку и ослепительной мечты, что однажды он найдет «дипломат», полный денег, и тогда все приползут к нему на коленях — и мама, и папа, и Мельник, и Чехов, и даже Ирка Королева со словами: «Возьми меня, Игорь, я — твоя!».

Нет уж, спасибо, не надо.

Тепло куснуло пятки сквозь новые кроссовки. Игорь выдохнул, ощущая, как оно проходит сквозь него. Вся чушь и грязь в сердце, в душе растворялись без остатка, порождая свет. А свет бил в небо.

Почему, подумал он, почему я не могу быть таким всегда? Или могу? Надо просто как-то задержать свет в себе.

— Пап, а эффект точно дольше с каждым разом? — спросил он.

— Ну, я сужу по себе, — отозвался отец. — По крайней мере, мне кажется, что да, время эффекта увеличивается от сеанса к сеансу.

— А если час простоять?

— Я пока не знаю, сын. Я сдвинул «ЗиЛ» только сегодня утром. Но вы с мамой сможете завтра поэкспериментировать.

Игорь помолчал и решил. Присел напротив.

— Пап, а ты не дашь мне десятку?

Отец хмыкнул.

— Как быстро беседа теряет в высоких материях, когда дело заходит о деньгах. Тебе, надеюсь, не на пиво?

Он полез в карман.

— Почти, — сказал Игорь. — На пропуск в клуб. Ну, на тусовку. Сказали: пятнадцать, у меня пять есть.

— Понял. Но ты уж соображай сам, что при наших финансах... при наших финансах это может оказаться...

Отец полез уже в другой карман. Через мгновение его пальцы замерли.

— Так, а где же... Постой.

Он поднялся и исчез в комнате. Секунд тридцать Игорь слушал, как отец ходит вокруг дивана в поисках своих старых брюк.

— Что ты ищешь, Саш, — не выдержала мама.

— Счастье, — сказал отец. — Размер сорок восьмой, заношенное, но еще крепкое. Лежало, кажется, там, где ты сидишь.

— Я переложила. Это потерятое счастье сейчас обитает в шкафу на средней полке слева.

— Бик зур рахмат.

Вернулся отец, крепко зажав купюру в пальцах.

— На!

— Спасибо. А у тебя на рынке подработки никакой нет? — спросил Игорь. — Пусть за небольшие деньги.

— Я узнаю, — сказал отец. — Но не гарантирую, что мне скажут: «Вах, дорогой! Почему так долго за сына молчал? Мы подарим ему бурку, коня, маузер и пусть скачет за узбекскими дынями».

Игорь рассмеялся.

— Ладно.

— А вообще, — сказал отец, — это здоровое начинание. Я свой тернистый рабочий путь прокладывал с подвоза молочных бидонов. Я чуть младше тебя был. На телеге с Алексеем, кажется, Дмитриевичем, старичок такой был морщинистый, седой, мы объезжали по утрам четыре деревни с хозяйствами и сдавали потом надоенное молоко на молокозавод. Платили мне, конечно, немного, но на конфеты и какие-то мелочи хватало.

Игорь спрятал деньги.

— Ну, я пошел.

Отец проводил его до двери.

— Ты, конечно, по возрасту не совсем подходишь, но можешь еще на почту попробовать оформиться. Там почтальоны всегда нужны.

— Все, пап, пока.

Игорь вышел из квартиры, легко сбежал по лестнице, внизу на площадке по привычке проверил почтовый ящик. Пусто. Привычка осталась с тех пор, когда они еще выписывали журнал «Пионер». Вот ведь вспомнилось! Там была классная повесть Успенского про красные пальцы и еще что-то. Детская страшилка. Лет пять или шесть назад. А то и все семь. Блин, или он вообще эту повесть в первом классе читал?

Двор был пуст. Только на скамейке под липой сидела женщина. Рядом с ней стояла детская коляска, которую женщина периодически покачивала. Игорь фыркнул. Не ей же кроссовки показывать? И тут же живо представилось, как все соседи и жители окружающих домов, да и ладно, чего мельчить, люди с рядом расположенных улиц огромной толпой

застыли у подъезда в ожидании, когда он спустится и явит продукт чужестранной обувной промышленности. Переглядывания, торжественная тишина, шепотки: «Когда же?», «Тише, тише, тс-с-с», «Кажется, идет, товарищи».

И вот он выступает. Правой, левой, правой, левой. Смотрит поверх голов. С задних рядов раздаются восхищенные вздохи, в передних рядах происходят повальное остолебенение и экзо... экзальтация.

Краска бросилась Игорю в лицо, когда он сообразил, что примерно так ему и представлялся выход в новых кроссовках до острова. Чума. Какая только чушь не болтается в голове! Обычные боты вдвое, а то и втрое дешевле кроссовок были бы самое то. Хотя он и их-то, если честно, не заслуживал. М-да.

Шевеля от неудобных мыслей плечами, Игорь свернул за дом, вышел на улицу. Ноги понесли его в сторону Лесной, чтобы уже от Лесной направиться на Пожарную. Собственно а куда еще? Если у тебя в голове сидит Королева, улыбается и зажимает пивную бутылку между ногами, то прямая дорога тебе — к Чехову в подвал. Наверняка подвал уже открыт, наверняка Титаренко с Мылким уже в «дурака» режутся. Наверняка Королева...

Ведь, если подумать, Ирке тоже делать нечего. Куда она пойдет? Уж точно не на стройку к Фрязину. В «Огонек» рано, в «Нику» тем более. А у Чехова — тепло, видак, пинг-понг, карты. Травка вон еще. Сложновато, конечно, это все будет одними кроссовками перебить. Ну, поглазеют люди на кроссовки да забудут. Еще Чира быковать начнет: ты че, ты че, хобот через плечо, пойдем выйдем, кроссовочник?

И все же на душе было светло. Светло, и все тут! Чего хотите делайте, у него остров есть. Ага, съели? Может он даже как-нибудь отведет Ирку в сторонку и пообещает ей этот остров показать. Без всяких прозрачных намеков и, понятное дело, не сегодня. А если не согласится — сама дура.

Неухоженная Лесная вызвала у Игоря уборочный зуд. Раньше проходил и не замечал, а тут вдруг глаза открылись — совсем загадили обочину, накидали окурков, фантиков, автобусных билетов, фольги от жевательной резинки. Ну, люди. Ну, безобразие же! Ох, если бы не нагнавший его Ляпа, Игорь точно уже бы пошел внаклонку, помогая службе городского благоустройства. Но тут — бах! — хлопок по плечу. Ляпа.

В сущности, и хорошо.

— Куда идешь?

— А, Ляпа, привет! К Чехову иду.

Они солидно, по-взрослому, пожали друг другу руки. Конопатый Ляпа был парнем безобидным, но Игорь с ним особо не контактил. Как тут контактить, если он фильм «Чужие» всего два раза смотрел, а Ляпа — восемнадцать?

— Я тоже, — сказал Ляпа.

— У него как сегодня? — спросил Игорь.

— Во! — Ляпа приподнял пакет, на дне которого лежала коробка видеокассеты. — Я «Темный город» купил. Будем смотреть.

— А по составу?

— Да все те же. Ну и Чира.

— Ясно.

Они пошли по узкой полосе начавшегося тротуара. К прочему мусору прибавились пивные пробки и шелуха от семечек.

— Блин, всю улицу загадили, — сказал Игорь.

— В будущем будут автоматизированные уборщики. Наехал, всосал, уехал.

— Так это в будущем. В каком будущем?

— Лет через десять.

Игорь вздохнул.

— Мы тут утонем лет через десять.

— А ты забей, — предложил Ляпа. — Тебе больше всех надо? Для этого дворники есть.

Здоровые мужики с метлами.

— Цой, кстати, был дворником, — сказал Игорь.

— Цой был кочегаром. Я читал его биографию. И еще банщиком.

— Не свисти! Когда банщиком-то?

— Ну, там недолго.

— Весна-а, где моя голова, — пропел Игорь, пришедшие на ум строчки.

— Не похоже, — сказал Ляпа.

Игорь обиделся.

— Ну, я не Цой вообще-то.

Прежние мнительность, неприкаянность, осознание никчемности, пустоты и несправедливости мироустройства, где он не сын миллиардера, а так, нечто мелкое и вонючее на палочке, скрутились вдруг в узел под сердцем так, что Игорь с трудом сделал следующий шаг. О, блин, кончился остров.

— Ты чего? — спросил Ляпа.

— Вспомнил...

Игорь куснул губу. Повернул голову. Несколько секунд на остров тянуло со страшной силой — прямо беги без оглядки, отбиваясь от самого себя. Но потом стало нормально. Он — это он, не лучше и не хуже, Лесная — это Лесная, и количество дерьма на улице — не его дело. У него, если каламбурить, планы королевские.

— Так ты идешь? — спросил Ляпа, пройдя десяток шагов вперед.

— Что? Да, иду.

Игорь нагнал приятеля, углубляясь в переулок.

— А «Темный город» про что?

— Фантастика, — сказал Ляпа.

— Ну, это понятно. А у меня — во.

Игорь с шагом повыше задрал ногу, показывая обжавший ступню кроссовок. Классный белый кроссовок с синими вставками.

— Ух ты! — оценил Ляпа. — Новье?

— Нет, старье! Зачем я бы тебе старье показывал?

— А чья фирма?

— «Пума».

— Круто. «Пума» — это круто.

— Еще бы! Штуку стоили! — сказал Игорь.

Ляпа погрузился.

— Мне родаки таких шузов ни в жизнь не купят, — сказал он.

Игорь фыркнул.

— Думаешь, у меня без боя обошлось? Отец ладно, вообще ни в чем не рулит, а мать закусила: нахрен тебе кроссовки, с чего вдруг тебе кроссовки, и без них проживешь, как сто лет жил до этого.

— И чего? — спросил Ляпа.

— Как видишь.

Они вышли на Пожарную. Впереди у перекрестка, где один напротив другого стояли ларьки с водкой и сигаретами, курили четверо парней. Вид у парней был шакалий. Трое бритых, один с усиками. Может быть пива возьмут и отвалят. А может быть заприметят Игоря с Ляпой и примутся щемить на предмет платного прохода по их улице.

Ляпа, естественно, сдрейфил.

— Повернем? — неуверенно спросил он.

У Игоря, честно говоря, тоже засосало под ложечкой, но он только сморщился.

— Просто зайдём в магазин.

Магазин как раз был в пяти шагах, звался «Кулинария». Нырнуть в него — секундное дело. Внутри пахло свежим хлебом, дородная продавщица маячила за прилавком, очередь к ней насчитывала четыре старушки и одного пацана лет восьми-девяти. В окно было видно, как низкое солнце из каждого пешехода выбивает длинную тень.

— Так, отойдите. Что вы здесь забыли?

Какая-то сердитая женщина примерилась взвесить у контрольных весов, где стоял Ляпа, только что купленный творог.

— Да мы ничего, — возразил Ляпа.

— Знаем мы, как вы ничего, а потом сумки оказываются порезаны, — сказала женщина.

— Ладно, пошли, — потянул приятеля Игорь.

Шакалы у ларьков рассосались, но Ляпа на всякий случай предложил перейти улицу, объяснив, что он не ссыт, но ему было бы обидно потерять кассету. «Темный город» он еще не смотрел, да и фильм, честно говоря, не куплен, а взят по дружбе у знакомого. Потом еще на начало надо перемотать будет.

Игорь был не против — перешли.

Улица кривилась, двоилась, тускнела, и ясно было, что это неспроста. Сначала было не страшно, но неудобно. А потом уже и страшно, потому что Ляпа зачем-то добавил, что кассета — это фигня, а вот новые кроссовки — куда более ценная добыча. Пришлось крутить головой, как радаром. Ну, Ляпа, ну, ляпнет же, придурок!

На входе в подвал сидел Ромыч.

— О, Лага! — обрадовался он. — Ты же вроде насовсем убежал.

— Это от травки, — сказал Игорь.

Ромыч изменился в лице.

— Ты на всю улицу-то не кричи, — тихо сказал он. — С ума что ли? Дело все-таки не совсем законное. И охотников, знаешь, много.

— Я понял, — кивнул Игорь.

— О, кроссы новые!

— Ну! Круготень?

Игорь поднял кроссовок на уровень Ромычева лица, благо со ступенек задрать ногу было не сложно.

— Блин, куда суешь? — Ромыч отбил кроссовок в сторону. — «Адидас»?

— «Пума»!

— А у меня — фильм, — сказал Ляпа.

— Ах, да, — Ромыч вспомнил свои обязанности и, потеснившись, открыл проход: — Прошу до нашего шалашу. Только Чехова пока нет.

— А где он? — повернулся Игорь.

— Кажется, в магазин ушел. Ты, кстати, взнос принес?

— Ну, да.

— Это хорошо, — сказал Ромыч и пояснил: — Без взноса первый раз на входе дежуришь, как я сегодня, а потом — ауфвидерзеен.

— Девчонки тоже уже здесь?

— Проходи — увидишь.

Ромыч сел на стул и достал из кармана брюк «электронику». Прибор запикал под его пальцами. Пик-пик, пик-пик.

— Яйца ловишь? — спросил Игорь, наклоняясь.

— Нет, чешу.

Раздался резкий звук, и Ромыч дернул ногой с намерением достать Игоря в голень.

— Блин, Лага, из-за тебя одно яйцо разбил!

Игорь отскочил.

— Но второе-то осталось. Береги его!

Радостно ухая, он миновал тамбур и вслед за Ляпой ввалился в основное помещение, к трубам и дивану, к видеодвойке и столу для пинг-понга. Ощущение дикости, глупости, нелепости собственного поведения уколело и пропало. Я молод, и все тут! У меня гормоны, энергия, которую некуда девать, и новые кроссы. О, кроссы! О чем сожалеть, к чему думать? Это же период жизни без башки!

На диване сидел Титыч и тискал в руке грудь Ленки Рачкиной. Рачкина сидела красная и стойко сжимала губы. Чира пристроился в кресле через стол и смотрел на упражнения Титыча с гнусной ухмылкой.

— Пять, — сказала Рачкина, и Титыч с неохотой убрал пятерню.

— Привет!

Ляпа, хлопнувшись ладонями с парнями, сразу подскочил к видеосистеме, зашуршал пакетом с кассетой.

— Мужики!

Игорь пожал холодную, шершавую ладонь Чире, стукнулся кулаками с Титычем.

— О, господин Олень!

Рачкина рассмеялась.

— Ну какой я, блин, олень? Я так, — сказал Игорь. — А во что играете?

— Время убиваем, — сказал Титыч и потянулся к карточной колоде, лежащей на столе. — Чисто до Чехова.

Он лениво перетасовал карты.

— На желания? — спросил Игорь.

— Ну, типа того.

— В игру царских офицеров, — добавил Чира.

— Это какую? — обернулся Ляпа.

Чира шевельнул плечами.

— Вытягивают из колоды по карте. У кого карта младше, тот стреляется, — он приставил два пальца наподобие пистолетного ствола к подбородку.

— Ни фига себе!

— Ну, мы, положим, не стрелялись, — сказал Титыч сердито. — Проигравший отвечал желанием.

Он раздал карты на четверых. Остаток колоды хлопнулся на восьмерку червей.

— Лага, ты играешь?

Игорь задумался.

— На желание?

Похожий на слоненка Чира захохотал, задергал ногами.

— Тит, он хочет, чтобы ты и его помацкал!

— Я наоборот! — запротестовал Игорь.

— О, понятно! Чтобы он тебя помацкал, Тит! — еще громче захохотал Чира. — Пять мацок за выигрыш!

— Ты заткнись давай, — посоветовал ему Титаренко.

— Да уж, — сказал Игорь.

Чира оборвал смех.

— А ты че поддакиваешь? — злыми глазами уставился он на Игоря и привстал. — Может, пойдём выйдем?

— Это твое желание?

— Ага.

У Игоря похолодело в животе. Смотреть в глаза Чире было неприятно и жутковато. Чира хоть и был пониже, но комплекцию имел бойцовскую. А Игорь дрался всего один раз, давно, во втором классе.

— Ну, выиграешь — пойдём.

Это вырвалось само. Какой-то мгновенный отблеск острова уколос, цапнул за язык. Сам Игорь ничего такого не хотел. Драться с Чирой! Зачем ему драться с Чирой? Ведь понятно, что ничего хорошего из этого не выйдет. Отрихтует его Чира по самое небалуй. Разукрасит, художник не местный. Но слышали и Титыч, и Ляпа, и Рачкина. Куда теперь деться? Слово, сука, не воробей.

— О-о-о! — воскликнул Чира и от избытка чувств пробарабанил по столу. — Вызов принят!

Титька-Титаренко, гнусный подпевала, собрал карты.

— Что, в игру царских офицеров?

— Можно просто в «дурака», — сказал Игорь.

Шевеление в животе в какой-то момент стало нестерпимым, и ему стало страшно даже выдохнуть. Не хватало еще обгадиться, подумал он в панике. Уж лучше, честно слово, по морде получить, чем обгадиться. Игорь поднял глаза и наткнулся на сочувственную улыбку Рачкиной. Будто она что-то понимала!

— Не, — сказал Титыч, — в «дурака» не интересно. И долго.

— Я тоже посмотрю, — присел на пол у стола Ляпа.

Игорь его в этот момент возненавидел.

— Ленка, сдвинь, — сунул колоду Рачкиной Титыч.

Важный, блин, как три рубля. Рачкина сдвинула. Чира толкнул Игоря в плечо.

— Ну, че, Олень, первый ход берешь или второй?

— Пофиг, — сказал Игорь.

Желудок вдруг успокоился, только подсасывал, словно с голодухи, чего-то там, видимо, молотил вхолостую. Зато жутко захотелось почесаться. Расчесать левую голень, затылок и под лопатками. Попросить что ли Рачкину? У нее — ногти. Нет, откажется.

Титыч брякнул колоду на стол.

— Готово, товарищи офицеры.

— Тогда уж господа, а не товарищи, — сказал Ляпа. — Царские ж офицеры.

— Не важно.

Чира поерзал, похрустел костяшками пальцев, насмешливо посмотрел на Игоря своими придурочными глазами.

— Так че, я первый?

— Тащи, — постарался спокойно ответить Игорь.

— Тащи, — разрешил Титыч.

Чира наклонился к колоде и пальцем сдвинул несколько карт, а затем снял верхнюю и тут же ее перевернул.

— Валет! — объявил Титыч.

Валет был червовый и смотрел куда-то в сторону, словно ему было стыдно. Крупная карта. Нет бы Чире семерку или восьмерку вытянуть! Теперь для выигрыша годятся только дама, король или туз. Из тридцати шести карт в колоде двенадцать карт, получается, старше валета. По статистике из трех попыток одна должна быть удачной.

— Олень!

Титыч поводил перед лицом Игоря ладонью.

— Что?

— Твоя очередь.

— А, ну это... понятно.

Игорь подышал, как спортсмен перед прыжком в воду, а Титыч вернул сдвинутые карты в колоду.

— Тебе перемешать?

— Не.

— Шестерку вытягивай! — крикнул Чира.

— Под руку — запаadlo, — строго сказал Титыч.

— Да я че?

Чира отклонился, стал смотреть издалека, свысока, как гриф-падальщик. Игорь потер палец о палец. Ляпа приблизил лицо к краю стола и лег на него подбородком.

— Не тяни, Лага, — поторопил Титыч.

— Сейчас.

Игорь сдвинул колоду где-то наполовину, вытянул карту и, сказав про себя: «Туз, туз, туз», показал картинкой вверх.

Ляпа присвистнул. Титыч хмыкнул. Рачкина сказала:

— И тут — валет.

Валет был пиковый. Он имел берет, держал в одной руке алебарду, а в другой — рукоять меча. Боевой был валет и смелый. Почти двойник червового, но все же свой.

— Это становится интересно, — произнес Чира.

— Мешаю снова? — спросил Титыч.

— Ну!

Титыч принялся тасовать колоду.

— Не, Олень, это тебя не спасет, — усмехнулся Чира, следя за мелькающими в чужих руках картами. — Все равно по морде получишь.

— Посмотрим, — сказал Игорь.

— Я бы тоже не хотел получить по морде, — сказал вдруг Ляпа.

— К тебе претензий нет, — сказал Чира. — Ты не выпендриваешься.

А я что, выпендриваюсь? — подумал Игорь. Когда я выпендривался? Когда в пинг-понг играть не захотел?

— Все! — Титаренко опустил на стол колоду. — Второй акт Марлезонского балета.

— Снова я? — спросил Чира и, не дожидаясь возражений, сдвинул карты. — Пошла, значит, заруба.

Он открыл восьмерку пик.

— У-у-у! — произнес Ляпа.

— Ну, че, посмотрим, что Олень вытащит, — сказал Чира.

Титыч вновь собрал колоду.

— Прошу!

— Я не против снова вытащить валета, — сказал Игорь.

Он подышал в ладони.

— У каждого уважающего себя царского офицера, — проговорил Ляпа, ни к кому не обращаясь, — должен быть свой ритуал на удачу.

Чира фыркнул.

— Главное, пальцем в заднице не ковырять.

Карты лежали синей, ромбовидной «рубашкой» вверх, но Игорю казалось, что он может, подержав ладонь, угадать, какая карта идет первой, а за ней следующую, и третью, и так до конца. От каждой шло тепло, надо было только разобраться в его форме.

— Олень, давай! — рявкнул Титыч.

Игорь вздрогнул и сбил пальцем большую часть колоды. Осталось едва ли пять карт, и сверху был...

Туз, туз, туз!

— О-о-о! — завопил Ляпа.

— Туз? — с надеждой спросил Игорь и открыл глаза.

Не ясно, как, но вдруг оказалось, что он переворачивал карту, зажмурившись. В общем, здрасте, хрена вам, а не туз. На столе рядом с Чировой восьмеркой пик теперь лежала еще одна восьмерка, только уже крестей.

— Восемь, — с удивлением произнес Титыч. — Они сговорились.

— Восемь! — вскинул руки Чира.

— Это чего, снова ровно? — спросила Рачкина.

— Охренеть!

Ляпа выразил ни больше ни меньше общее мнение.

— Ты че, Олень, — стукнул Игоря в плечо Чира, — за мной повторяешь?

— Ага, повтори сам, если такой умный! — сказал Игорь.

Дверь в подвал грохнула, и в помещение ввалился растрепанный, жующий жвачку Чехов. В одной руке у него был пакет, распираемый пивными банками, а в другой — хохочущая, льнущая к нему Королева.

— О, народ! — сказал Чехов. — Во что играете?

Королева сняла и повесила на вешалку сбоку от тахты бежевый плащик. Под ним обнаружили блузку, сквозь которую просвечивали чашечки лифчика, и короткая джинсовая юбка. Ноги у Ирки были голые — ни чулков, ни колготок. Соблазнительные. Игорь подумал, что если она сядет на диван напротив, то из-под юбки всяко...

— О, и Олень здесь! — воскликнул Чехов.

— Олешек, — сказала, улыбнувшись, Королева.

Игорь помрачнел. Хоть горшком назовите...

Чехов поставил пакет с банками в холодильник в углу, привлек к себе Королеву. Титыч подвинулся, и новоприбывшие плюхнулись на диван.

— Так во что играете?

— Да Чира тут с Лагой поспорил... — сказал Ляпа.

— Ага-ага, — кивнул Чехов.

— Чира Лагу вызвал, а Лага сказал, если выиграешь — ладно, пойдем.

Королева посмотрела на Игоря. Сидела она хоть и не с краю, но ноги держала вместе — хоть заглядывай, хоть не заглядывай. Но что если она возьмет сейчас и чуть-чуть их раздвинет? В знак хорошего к нему расположения? От этой мысли Игорю стало жарко, тем более, что коленки Королевой, словно по его желанию, слегка, на сантиметр, разошлись. Вот не пошел бы, блин, этот Чира лесом!

На левой коленке у Ирки темнел небольшой синячок.

— Олень! Лага! — наклонился Чехов. — Ты взнос принес?

Игорь заморгал.

— А, да.

Он, неудобно привстав, полез в карман. Пять рублей и десятка легли в ладонь хозяину подвала.

— Другой разговор! — сказал Чехов. — Что там дальше, Ляпа?

Ляпа выпрямил спину.

— Дальше хотели в «дурака», — продолжил он, будто не прерывался, — но потом решили, что офицерская игра больше подходит. Титыч перемешал, Ленка сдвинула. Чира вызвался тянуть первым. Хоп! — вытянул. Валет! Старшая карта. Червовый. Лага, естественно, побледнел. Фиг ли, шансов вытащить «картинку» у него меньше, чем вытянуть всякую хренотень.

Игорь поймал себя на том, что слушает Ляпу, не отрываясь. Да и все слушали. Тот как-то умел рассказывать так, что словно кино смотришь. Типа второго «Терминатора», «Звездного десанта» или «Воздушной тюрьмы».

— Титыч Лагу торопит, Чира под руку советует шестеру выхватить, ну, Лага, наверное, мысленно перекрестился и карточку — раз!

Ляпа сделал паузу и обвел взглядом слушателей. Игорь, хоть и знал, что последовало дальше, чуть не крикнул: «И что? И что?».

— Валет! Пиковый!

— Блин, круто! — сказал Чехов, хлопнув себя по колену. — Что, так и было?

Титыч кивнул.

— Ага.

— Но это не все, — загадочным голосом произнес Ляпа. — Если карты одинаковые, то офицеры продолжают.

— Ляпочка, ну не тяни, — как на буку посмотрела на него Королева.

Ляпа выставил ладонь в успокаивающем жесте. Спокойствие, только спокойствие.

— Вторая серия, — сказал он. — Титыч снова перемешал. Чира, как всегда, первый. Вытащил! Восьмерка! Ниже, в сущности, мало куда. Ну, семь, ну, шесть. И все, Лаге можно праздновать. Лага, понятно, тоже об этом подумал. Хватанул карту, даже глаза закрыл. Видимо, поздравлений ожидал. И что вы думаете?

Ляпа умолк.

— Шестерка? — выдвинул предположение Чехов.

— Восьмерка! — выдохнул Ляпа. — Второй раз в одну и ту же воронку! Бум-бац! Валет!

Бум-бац! Восьмерка!

— Серьезно?

Чехов захохотал.

— А дальше? — спросила Королева.

— Третий раунд, — сказал Ляпа.

— Да, мы еще не закончили, — сказал Игорь, наклоняясь к картам.

Ну, то есть, не совсем к картам. Просто чтобы взгляд тайком опустить пониже. Скотство, конечно, но хочется. Вот она, Королева, с ее коленками — руку протяни. И Чехов здесь так, некто сбоку.

— Руки, Лага, руки! — крикнул Титаренко, выхватывая колоду.

Он с треском провел по картам пальцами.

— А помните — тройка, семерка, туз? — спросил Ляпа, наблюдая, как Титыч тасует колоду.

— Это откуда? — повернулась к нему Рачкина.

— Из Пушкина.

— Чего? — спросила Ирка.

— Ну, «Пиковая дама», — пояснил Ляпа, — там Герман в похожую игру играл. Она «штосс» называлась. Кажется.

Чехов сморщился.

— Ляпа, давай без классиков, а? Со школы вот здесь у меня стоят, — он прижал ладонь к горлу. — Вы лучше играйте уже дальше.

— Сейчас, — сказал Титыч, — размешаю получше.

Он переложил карты, стасовал их размашисто, красиво, правда, при этом червовый туз выскочил на стол, но был быстро возвращен на место. Чира зыркнул на Игоря, пошевелил плечами, будто разминаясь.

— Ребята, подождите меня, хорошо? — попросила Рачкина и унеслась в туалет, мелькнув напоследок рыжей юбкой.

— Ждем? — спросил Титыч Чехова.

Тот зевнул.

— Ладно. Кстати, пива кто хочет?

— Я хочу, — сказал Чира.

— Ну, и я буду, — сказал Титыч.

— Ирка, а ты? — спросил Чехов.

— Не, я позже, — сказала Королева.

— Лага?

Игорь мотнул головой.

— Понятно, Оленю пока не наливать, — сострил Чехов. — Из него еще травка не выветрилась.

Все засмеялись. Чехов встал с дивана, прошел к холодильнику, открыв дверцу, зашуршал пакетом.

— Чира!

Золотистая банка сверкнула в воздухе.

— Ё! — крикнул, пряча голову, Ляпа.

— Хоп! Принял, — Чира поймал банку в ладонь.

Он сразу потянул за ушко, вдавливая жестяной лепесток внутрь. Раздалось вкусное, пивное шипение. Чира сразу сделал глоток.

— Титыч!

Второй презент полетел в сторону дивана. Титыч торопливо бросил карты, но банка, удалившись о его руку, отскочила в сторону.

— Чехов, ты это... — сказал Титаренко, потирая предплечье. — Поосторожней.

Он поставил банку на стол.

— Голд фассл пилс, — прочитал Ляпа.

— Теплое еще, — сказал Чира.

— Какое есть.

Взяв еще две банки, Чехов забрался обратно на диван.

— Все. Я — все, — Рачкина, вернувшись, плюхнулась на свое место. — Можете начинать.

Чехов дал одну банку Королевой.

— Ну, Титыч, давай.

— Так все, колода готова, — сказал Титыч.

— Чира.

Чира сделал еще глоток и протянул пиво Рачкиной.

— Будешь?

— Чира, не время для телячьих нежностей, — сказал Чехов.

Рачкина покраснела, но банка все же перекочевала из рук в руки. Чира невозмутимо почесал шею и придвинулся к карточной колоде.

— Наверное, надо уже это прекращать, — сказал он, поджимая губы.

Через секунду под его пальцами самая верхняя карта слетела на стол «рубашкой» вниз. Хлоп! Чира по-тарзаньи, ухая, несколько раз стукнул себя кулаком в грудь. Король! Бубновый король! У-ха-ха!

— Все, — выдохнул Ляпа, и Игорь вновь почувствовал слабость в животе.

Король рядился восточным султаном в халате и тюрбане, смотрел надменно, с презрением и, видимо, не считал возможным обращать внимание на разворачивающуюся трагедию. Выскочил ведь какого-то хрена из колоды!

— Давай, Олень! — завопил, как дурной, Чехов. — Мы за тебя бодем!

— Я тоже, — сказала Ирка.

Игорь смутился.

— Так король. Не, я попробую, конечно...

— Все, всем тихо! — распорядился Чехов. — Ляпа — торжественную дробь.

Ляпа забарабанил ладонями по столешнице. Трум-трум, трум-трум. Чира фыркнул и скрестил руки. Тр-рум!

— Тяни, Лага, — сказал Титыч.

Игорь посмотрел на Королеву.

— Вытяни туза, — пожелала она.

— Но лучше короля, — сказал Чехов. — Чтобы держать марку.

— Нет, туза.

Ирка сделала руками несколько пассов, как заправский медиум или ворожея, призывая

на Игоря удачу. Восхитительные глаза ее смеялись.

— Можно я тоже? — спросил Чира. И вскинул руки к потолку. — Шестерку! Шестерку!

— Даму! — отметилась Рачкина.

— Тише! — прикрикнул Чехов. — Во разорались. Олень сам знает, что вытягивать.

Давай, Олень.

Игорь вздохнул и сдвинул несколько карт с колоды. Надо разминать лицо, зашевелились в голове мысли. По нему будут бить, надо разминать. А куда мы пойдём? Не в коридор же с трубами? Значит, наружу.

А вернется только один.

— Лага! Чего застыл? — спросил Чехов.

— Сейчас...

Игорь сдвинул еще десяток карт. Вот бы изображение верхней карты на мгновение проступило сквозь «рубашку». Хотя бы пятнышком с краю. Не было бы проблем. Ляпа, как нарочно, выдал еще одно трум-трум ладонями, сбивая с настроя. Чира щелкнул костяшками.

— Ладно.

Игорь прижал карту пальцем и спустил ее с колоды на стол.

— Наверное, надо перевернуть, — сказал Ляпа.

Словно, блин, открытие совершил! У одного — открытие, у другого — судьба. Перевернешь — и все. Чехов фыркнул.

— Ну, да, Олень, надо бы открыться.

— Да, понятно. Только я сначала сам посмотрю, — сказал Игорь.

— Так смотри.

— Смотрю.

Игорь резко смахнул карту к себе, прижал к груди, чтобы никто даже краем глаза не заметил, что там изображено. Впрочем, сам он уже понял, что «картинкой» там и не пахнет. Девятка или десятка. Жопа. На миг подумалось: надо разыграть радость, будто вытянул туза, и смешать карты. Или даже бежать. Да, бежать. Подкинуть карту — и деру. Ноги у него длиннее, кроссовки новые, фиг Чира его догонит. О Королевой, правда, придется забыть. О подвале. В школе все сразу станет известно. Кто трусов любит? Никто.

— Ладно, — сказал Игорь, — продул я.

Он сбросил карту. Десятка трэф. Жопа, как и сказано.

— У-у-у! — разочаровано провыл Ляпа.

— Да, — сказал Чехов, — чуда не произошло.

Он вскрыл банку пива и подал его Игорю.

— Не, — мотнул головой тот.

— Зря, притупляет болевые ощущения.

— Может я его не больно, — сказал Чира и заулыбался.

Он стал вдруг Игорю ненавистен. Длинноносый, смуглый, с тонкими губами и колючими, злыми глазами.

— Зрителей не приглашаете? — спросил Чехов.

— Нет, — сказал Игорь.

— Так чего, пошли, выпендрожник?

Чира попытался схватить Игоря за шиворот, но тот сердито отмахнулся.

— Руки!

— Хорошо, — Чира подождал, пока противник встанет. — Пошли-пошли.

— Иду!

Игорь оглянулся. Королева с отсутствующим видом рассматривала десятку трэф. Чеховпил пиво. Титыч, наклонившись, через Рачкину шептал что-то на ухо Ляпе. У одной лишь Рачкиной лицо было полно сочувствия и сострадания. Но это, видимо, потому, что Титаренко упирался локтем в ее ногу.

— Идем, — сказал Чира.

Он сунул руки в карманы и пошел расхлябанной походкой к выходу. Как в тумане мелькнул тамбур.

— Э, вы куда? — спросил Ромыч, когда Чира взялся за засов.

— Да так, выйдем, кое-что перетрем.

Ромыч на мгновение поднял голову от «Электроники».

— А с вами можно?

— Сиди.

Чира щелкнул Ромыча по лбу, поверх очков с толстыми линзами.

— Да иди ты! — запоздало дернул головой Ромыч.

Двор за домом был захлавлен. Использовали его, похоже, редко. Упирались он в забор, за которым вырастал глухой, безоконный торец похожего на склад здания. Поверху забора вилась ржавая колючая проволока, свисающая опасной косицей. В одном углу двора темнел неказистый сварной остов, оставшийся то ли от уличного ларька, то ли от какой-то иной постройки. В другом углу из кучи щебня прорастал железобетонный тубинг. Свободного пространства оставалось немного, но и его отъедала зелень, растущая под окнами.

— Тесновато, — заметил Игорь.

В животе что-то болезненно сжималось, ноги так и норовили подломиться. Будет драка, будет драка! — паниковал кто-то внутри его головы.

— Ну и че? — оглянулся на двор Чира. — Нам места хватит.

На близких окнах первого этажа желтели тонкие шторы. В прореху между ними были видны часть стены в розовых обоях и потолок.

— До крови? — спросил Игорь.

Чира хищно оскалился.

— Как пойдет, — сказал он и сделал от Игоря два шага. — Выпендрейников надо учить. Люблю учить выпендрейников.

— Сам-то кто?

— Тот, кто учит выпендрейников, — усмехнулся Чира и поднял руки на уровень лица. — Ты защищаться-то будешь?

— Буду.

Игорь постарался повторить стойку Чира — левую руку выставил вперед, правую зафиксировал у челюсти, чуть согнул ноги, расставил пошире.

— Не порвешь там себе ниче? — насмешливо спросил Чира.

— Нет.

— Ну так поехали!

Чира пружинисто скакнул на Игоря, и тот, уклоняясь, отпрыгнул в сторону. Сердце заколотилось, застучало в ушах, от мгновенного выплеска адреналина все вокруг размазалось, опрокинулось декорацией, остались только собственное прерывистое дыхание и лицо противника — жесткое, ощеренное, страшное. Поехали, поехали, поехали!

Чира бил больше. Попадал то в плечо, то в бок, то в выставленные руки, но боли Игорь к

своему удивлению почти не чувствовал. За первые две минуты чувствительно прилетело ему только в нижнюю губу, да и то от собственного кулака, принявшего чужой удар. Страх колыхался внутри, в животе, как кубики льда в графине. Руки казались тяжелыми, корявыми, почти не управляемыми. Все вокруг качалось, будто в знойном мареве.

— Ты драться-то будешь? — выкрикнул Чира.

Он был то здесь, то там. Нырлял и выныривал. Старался достать крепкими, короткими тычками.

— А я что делаю? — выдохнул Игорь.

— Скачешь.

— На.

Игорь сделал выпад, но неудачный, махнул в пустоту рукой и открылся, получил тут же скользящий удар в челюсть. Мареву на мгновение раздернулось, мелькнули небо и забор. Чира захохотал.

— Давай! Давай еще!

— Сам давай.

Страх еще когтил, схватывал, но уже меньше. Ноги закисали. Правая рука все больше норовила опуститься к животу. Злые глаза Чиры ловили его в себя. Один раз Игорь пропустил удар в лоб, другой раз чуть не схватил по носу. Сам он бил, выдыхая, куда-то в маячащую фигуру, в длинный нос, в широко ухмыляющийся рот, в руки, возникающие перед ним, но не мог сказать, попадал ли. Вроде бы попадал.

Через какое-то время Чира все же достал его в нос, боль брызнула кровью, горячее закапало на подбородок, на землю.

— Получил, выпендрожник?

— Не-а.

Игорь смахнул кровь ладонью. Во рту сделалось солоно. Путных мыслей каких-то во время драки не было, ни о тактике, ни о стратегии, думалось только, что уж больно долго они тут скачут друг перед другом. Минут двадцать, наверное. Или полчаса. На несколько секунд он даже остановился отдышаться и, согнувшись, упер руку в заколовший бок.

— Че, все? — спросил Чира. — Зассал?

— Хрен тебе, — сказал Игорь.

Потом он все-таки пропустил удар в живот, и Чира свалил его неумелой подсечкой. Земля перевернулась. Надавив на грудь коленом, Чира дважды ударил его в левую скулу, под глаз. Там сразу сделалось горячо и стянуло кожу.

— Готов?

— Пошел ты!

— Че, еще хочешь?

Вставший было Чира вновь подступил к поверженному противнику. Странно, но Игорь вдруг обнаружил, что от страха перед Чирой не осталось и следа. Вот навис над ним парень со злыми глазами, а ему не страшно. Совсем. И быть битым не страшно, потому что это уже случилось. И вообще, чего тут бояться? Смерти? Чиру вот пожалеть...

Изнутри Игоря словно мазнуло теплом, тем, особым, островным, от ниши за холодильником, и он рассмеялся, словно вместо ударов по физиономии (глаз заплывет, это точно) получил от Чиры бесценный подарок.

— Все? — весело спросил Игорь.

Чира насторожился.

— Ну.

— Наказал выпендрейника? Возвращаемся?

Игорь протянул руку, чтобы Чира помог ему встать. Будто на автомате, Чира сцепил на чужой ладони свои пальцы. Игорь поднялся, чувствуя, как слегка плывет голова.

— Но я победил, — не очень уверенно сказал Чира.

— Само собой, — согласился Игорь.

Ему было тепло. Мир искрился, но свечение его медленно гасло.

— Не, я серьезно, — сказал Чира.

Игорь кивнул.

— И я серьезно, — он поморщился от боли в скуле, тронул лицо пальцами. — Тебе стало лучше?

— Че?

Игорь улыбнулся и заглянул Чире в глаза.

— В следующий раз побить меня уже не получится.

И снова это вырвалось из него само. словно более совершенная версия Игоря Лаголева на мгновение перехватила управление телом и голосом. Он ощущал, что эта версия прорастает в нем, как новые клетки приходят на замену старым. Лага 2.0, блин. С острова. Почему-то стало радостно. Чира моргнул.

— Я же победил.

— Да, — кивнул Игорь, — но если тебе будет нужна какая-нибудь помощь...

Противник мотнул головой. С его точки зрения это было не правильно. Так победившие свысока, проявляя милость и великодушие, могут говорить побежденным, но не наоборот.

— Какая помощь? — нахмурился он.

Игорь пожал плечами.

— Не знаю. Побить кого-нибудь?

Чира фыркнул. Непривычная, легкая улыбка скользнула по его лицу.

— Ага. Представляю. Вот ты выпендрейник.

— Ладно, пошли уже, — сказал Игорь.

Чира посопел.

— Тебе че-нить холодное надо к глазу приложить, — сказал он. — Быстрее сойдет. Я, ну... ударил удачно.

— Возьму у Чехова пивную банку из холодильника.

Они неожиданно по-приятельски, чуть ли не плечо в плечо, двинулись к углу дома. Вверху плыло облако. За забором, невидимый, оглушительно чихнул автомобиль. Все было как прежде и по-новому. Из подвальной двери выглядывал, ожидая их, Ромыч.

— Ого! — присвистнул он, отправляя в карман электронную игрушку. — Быстро вы!

— Быстро? Полчаса — это быстро? — удивился Игорь.

— Вас всего десять минут не было.

— Чего?

— А дрались минут пять, — уточнил Чира.

— И кто кого? — спросил Ромыч.

Игорь показал на себя и на противника, у которого лишь кнопочный рукав на куртке расстегнулся.

— А по нам не видно?

— Ну, мало ли, — сказал Ромыч, цепко оглядывая драчунов. — Визуально, конечно,

тебе, Лага, сильнее досталось. И нос у тебя, и глаз...

— Ничья у нас, — сказал вдруг Чира.

— Нет, Чира победил, — возразил Игорь.

— Ничья!

Поправив очки, Ромыч перевел взгляд с одного соперника на другого. На лице его отразилось сомнение, и он заявил:

— Не, сука, не подеретесь.

Первым, надув щеки, захохотал Чира. Затем к нему присоединился Игорь. Ромыч захихикал последним, понимая, что каким-то образом отколол уморительно смешную шутку. Смеялись они, наверное, дольше, чем дрались.

— Классно, — сказал Чира.

В подвале их встретили улюлюканьем и криками.

— О, Олень, разукрасили тебя! — воскликнул Чехов, встав на диван с коленями. — С боевым крещением!

Игорь поклонился. Королева смотрела со смесью восхищения и брезгливости. Как-то это совмещалось на ее лице.

— Ну, хотя бы жив, — сказал Ляпа.

— Ничья у нас, — сказал Чира, плюхаясь на стул.

— О-о!

Игорь посмотрел на пальцы с засохшими кровяными потеками.

— Пройду я умоюсь, что ли, — сказал он.

— Да, тебе не помешает, — сказал Чехов. — В «дурака» потом будешь?

— Наверное.

Зайдя в туалет, Игорь включил холодную воду, оттер пальцы и умыл лицо, стараясь не задевать распухшую левую скулу. Глаз снизу подзаплыл, смотрелось через него необычно. Нос вроде сломан не был. В зеркале, конечно, отразился тот еще красавец, но Игоря внешний вид почему-то не особо тронул. Бывает, подумал он. Бывает.

Все равно было тепло.

И не страшно.

Вопреки собственному намерению надолго задерживаться у Чехова Игорь не стал. Потянуло домой. Вспомнилась немытая посуда. И многое другое на «п». Присутствие Королевы напротив, в метре, совсем рядом, утратило свою томительную притягательность. Ну, глаза, да, глаза. И колени. Удар Чиры в нем что-то нарушил что ли? Ну, выбрала она Чехова. Господи, совет да любовь. Дура. Или нет, не дура, просто другой человек.

Отыграв кон в «дурака», Игорь сказал, что, пожалуй, ему пора. Дела.

— Покурить на дорожку? — предложил Чехов.

— Не, — улыбнулся Игорь.

— Лед потом приложи, — посоветовал Чира.

— Ложку столовую, холодную, — сказал Ляпа.

— Хорошо.

Прощаясь, Игорь помахал всем рукой. Он пошел по улице, вдыхая прогретый воздух. Город пах бензином и сиренью, землей, свежей светлой краской на стене дома, сухим деревом и ржавчиной сетки-рабицы. Несколько фантиков он подобрал и бросил в близкую урну. У «Кулинарии» пахло выпечкой, в подворотне дальше — мочой.

Странно, размышлял Игорь. Раньше город представлялся ему недружелюбным

нагромождением зданий, толчеей крикливых и злых людей, местом, пропитанным безнадегой и отчаянием, и давил, давил, давил на мозги. Соблазнял выставленным в ларьках алкоголем, подмигивал огнями ресторанов и кафе, брызгал пьяным хохотом, урчал дорогими иномарками, шелестел купюрами в чужих руках. И шептал: «Ничего этого у тебя не будет, придурок».

Какая фигня!

Игорь улыбнулся. Показалось забавным так вестись на подначку. Город был разным. Отверни голову, увидишь электриков, поднявшихся на выдвижной площадке к уличному фонарю, старика на костыле в пиджаке с медалями, женщину с детской коляской, усталого мужика, выворачивающего рулевое колесо отечественных «жигули», пенсионерку, сидящую на бетонных ступеньках магазина с букетиками полевых цветов в надежде, что может кто купит. Это тоже город. И не у всех есть возможность жить, как им хочется, брать деньги из воздуха, не зная забот, тревог и долгов.

— Хватит! — услышал он вдруг надрывный детский голос. — Пожалуйста!

Ноги сами понесли его на звук.

На пустыре за домом двое волосатых взрослых парней пинали мальчишку на год или два Игоря младше. В стороне от них захлебывался плачем растрепанный мальчишка лет десяти, видимо, брат лежащего.

— Не надо! Ну хватит уже!

— Эй! — сказал Игорь.

Парни повернулись к нему.

— Слушай, — сказал парень в темной кожанке, серых брюках и сбитых потрескавшихся ботинках, — гуляй отсюда. Тебя, я смотрю, уже отоварили.

— Ага, — кивнул Игорь. — А в чем дело?

— Это денежный вопрос, — ответил ему второй парень.

Он был в грязном короткополом пальто и джинсах. На ногах у него были разношенные кроссовки. Глаза казались мутными слюдяными шариками.

— Насколько денежный? — спросил Игорь.

Первый парень ухмыльнулся.

— А ты что, хочешь вписаться?

Игорь пожал плечами.

— Сотку он нам торчит, понятно? — сказал второй парень и пнул лежащего. — А завтра уже двести будет торчать.

— Хватит! Уроды!

Младший, размазывая слезы по лицу, на коленках пополз к старшему.

— Димка, ты живой? Ты живой? — затряс он скрючившегося, закрывшегося руками брата.

Игорь, вздохнув, посмотрел на свою «пуму».

— Вы как насчет бартера, парни?

Удивительное началось время.

Мир никуда не делся, мир оставался таким же жутким, жестоким, искалеченным местом. Он требовал жертв, он питался алчностью и страхами, он щелкал зубами цен и распространял через чумные палочки слухов панику и психозы. Только Лаголев будто приобрел к нему иммунитет. Переболел заразой. Нет, он не отстранился, просто реальность с Кумочкиным и его топором больше не имела на него влияния. И на Натку не имела. И на сына.

Они жили, как на острове. Как в тайге. Как в скиту. Что там в мире? Не важно. Да и Бог с ним, с этим миром. Лаголев спал с женой в одной постели, и им было достаточно друг друга. Хорошо ведь? Хорошо.

Игорь в ту же субботу пришел с синячищем, в каких-то драных, чужих кроссовках, но довольный, светящийся, светлый. Натка сразу поставила его за холодильник, сказала, чтобы стоял, пока гематома не сойдет.

— Он и это может? — спросил сын.

— Может, — сказала Натка. — Ты куда кроссовки дел, горе?

Игорь улыбнулся.

— Двух мальчишек выручил.

Лаголев, дующий голый чай, удивленно поднял голову.

— Что, каждому дал по одной кроссовке? Это были, прости, одноногие мальчишки?

— Не, там другое. Мам, я отработаю, — выглянул из-за «ЗиЛа» сын. — Мой долг — восемьсот рублей.

— Да ладно деньги, — сказала Натка. — Ты еще и в драку полез?

— Драка была до.

Лаголев встретил вопрошающий Наткин взгляд приподнятой кружкой.

— Мальчик вырос, — сказал он.

Гематома рассосалась где-то за три минуты. Игорь не поверил и, трогая лицо, отправился в ванную.

— Пап, — спросил он потом, — а если он еще и мертвых оживлять может?

— Остров-то? Вряд ли, — сказал Лаголев. — Таракана я оттуда вымел совершеннодохлого. И мушек шжук пять.

В ванной зашумела вода. Натка пришла на кухню из комнаты, села к Лаголеву вплотную, чтобы чувствовать тепло его тела, дышать одним с ним воздухом, ткнулась щекой ему в плечо.

— Знаешь, — сказала она, — я теперь не знаю, как жить.

— Чего? — спросил Лаголев. — Ну-ка, живо за холодильник!

Натка рассмеялась.

— Дурачок, не в этом смысле. Раньше как-то все на нервах, на жилах — давай-давай, вперед, там занять, здесь ухватить, вас, двух оболтусов, хоть как-то накормить-одеть. В голове — постоянный звон: «Деньги, деньги, деньги!». Знаешь, что я мысленно повторяла чаще всего? Изо дня в день? «Господи, когда же это закончится?».

Лаголев приобнял жену за талию.

— А теперь?

— Теперь Игорюшка отдает кому-то свои новые кроссовки чуть ли не в тысячу рублей, а я думаю, лишь бы они на хорошее дело пошли, — пожаловалась Натка. — А там, между прочим, Поляковские двести рублей.

— Ну, с Поляковыми мы в течение месяца точно рассчитаемся, — сказал Лаголев. — Если не завтра. А вообще... — он легко поцеловал ее в щеку, в уголок губ. — Вот.

— Это успокоительное?

— Это то, что по-настоящему важно.

— Спасибо, но это не прибавит денег в семейный бюджет, — вздохнула Натка.

— Все-таки тебя стоит поставить за холодильник, — сказал Лаголев, выпрямил спину, и голос его обрел шутливо-торжественные нотки: — За сомнения и пессимизм, за проявленную недалекновидность, за укор и перекор Наталья Владимировна Ла...

— Постой.

Натка прислушалась. Вода в ванной шумела, не переставая.

— Что? — спросил Лаголев.

— Вода льется и льется.

— Игорь! — крикнул Лаголев.

Шум воды прекратился. Сын появился из ванной в закатанных до колен тренировочных штанах, в шлепках, с ведром в одной руке и шваброй в другой.

— Дорогие родители, прошу освободить помещение для влажной уборки, — известил отца с матерью он.

И для убедительности, как какой-нибудь шпрыхшталмейстер или церемониймейстер, воткнул швабру щеткой в пол.

Хрюп!

— Так сразу? — удивилась Натка. — Нет, постой, мне нужно чуток времени.

Она метнулась в нишу за холодильником.

— Мам, у тебя минута, — сказал Игорь.

— Саш, — выглянула Натка, — я тебя жду.

— А, я тоже? — спросил Лаголев. — С удовольствием!

Он оставил кружку у раковины и шагнул на остров к жене. Звякнуло ведро. Сын помялся и отвернулся.

— Я не смотрю.

Тепло. Золотистый свет. Лаголев смотрел, как теряет морщинки Наткино лицо, как начинают светиться ее глаза.

— Если бы еще остров мог отматывать время назад, — улыбнулась Натка.

— Увы, — сказал Лаголев. — Я вымел из-под холодильника совершенно дряхлого таракана и трех старых мушек.

— Пять.

— Что?

— Сыну ты рассказывал, что мушек было пять.

— Я хотел его напугать и слегка увеличил количество насекомых.

— Я все слышу, — сказал Игорь.

— Нет, ничего не скроешь у нас в семье, — сокрушился Лаголев.

О глубине сожаления говорили его сжатые, чтобы не рассмеяться, губы.

— Давай-ка мы занавески в комнате поменяем, — предложила Натка. — Хочу светлые.

Чтобы солнце — круглый день.

— Это просто физически невозможно. Окна у нас глядят на восток, и поэтому мы максимум можем наблюдать его часов до десяти-одиннадцати. И то...

— Лаголев, ты — невозможный человек!

Лаголев хмыкнул.

— Игра слов?

— Эй! — подал голос сын. — Вы уже все?

— Да.

Они поменяли занавески, отсортировали белье, сделали небольшую перестановку, разобрали полку с лекарствами, застелили диван новым покрывалом, Натка пропылесосила ковер, Лаголев сбегал во двор и выхлопал две дорожки и четыре половичка.

Игорь из кухни перешел в коридор. Управлялся со шваброй он не слишком умело, но компенсировал это упорством и повторными проходами. Челка сваливалась ему на глаза, и он по-лошадиному, фыркая, выдохом пытался сбить ее в сторону.

— Я на тебе, как на войне, — бормотал сын, — а на войне, как на тебе...

Смешно.

Невозможное по нынешним временам счастье. Но кто сказал, что невозможное? Сдвиньте холодильник, отыщите энергетический канал, подключитесь и — пожалуйста. Но Наткино беспокойство Лаголев понимал. Как жить дальше? Ответ был простой: не так, как раньше. По-другому. Лучше.

Ужинали гречей с сосисками и вытащенным из кладовки лечо, купленным по большому случаю, но которое никому тогда не понравилось. Оказалось удивительно вкусно. Чай был с сушками, тоже объеденье, особенно, если капелюшку сливочного масла намазать поверх. Поблескивали вымытые полы. В открытую форточку залетали звуки улицы, там, во внешнем, темнеющем мире тарахтели автомобили, шумел ветер и звенели голоса.

— Мам, пап, а что дальше? — спросил Игорь.

— Я думаю, пока не стоит торопить события, — сказал Лаголев. — Вообще-то еще и дня не прошло, сын.

— А у меня ощущение, что дня три уже, — сказала Натка. — Seriously, Саш, не меньше трех дней.

— Неделя! — выдал Игорь.

Лаголев кивнул.

— Знакомое дело. Событийный эффект. Я об этом читал.

— Просвети, пожалуйста, — попросила Натка.

— Ну, что ж, — Лаголев поерзал, подбирая себе позу рассказчика, — представь, что ты сидишь в тюрьме...

— Интересное начало, — фыркнул сын.

— Ну, да, — улыбнулся Лаголев. — Но ты представь. Ты сидишь в тюрьме и кормят тебя раз в день. И больше ничего не происходит. То есть, один раз в день включается свет, тюремщик приносит тебе миску, — он посмотрел в тарелку, — скажем, гречневой каши, ты ешь, потом свет выключается, и, собственно, больше ничего не происходит. Что делается снаружи, тебе не слышно.

Каша съедена. Поговорить не с кем. И так изо дня в день. Но вдруг через какое-то время к тебе в камеру набивается целый ворох тюремщиков, одни красят стены, другие вешают

гирлянды, третьи танцуют и поют, и ко всему этому кормят тебя завтраком, обедом и ужином, состоящими из доброго десятка самых экзотических блюд. Что получится в результате?

— Заворот кишок, — сказал Игорь.

— Нет. Ну, может быть, но я не об этом. В результате мозг получает слишком много информации, которая грозит, грубо говоря, обрушиться, перегрузить систему. Поэтому он начинает разносить событийный ряд во времени.

Это не происходит так, будто ты начинаешь считать, что завтраком тебя кормили неделю назад, а обедом — в прошлый четверг. Ну а тюремщики скакали перед тобой с понедельника до среды. Нет. Весь массив полученной и избыточной, несущей эмоциональную, стрессовую нагрузку информации мозг как бы отодвигает от себя подальше, на периферию системы, и не просто так, а для дальнейшего и вдумчивого анализа. В результате создается спасительная иллюзия, что события произошли не в узком промежутке времени, не сегодня, не сейчас, а длятся уже, как минимум, несколько дней.

— Ты понял что-нибудь? — повернулась Натка к сыну.

— Нет, — честно ответил Игорь.

— А зачем спросил?

— Ну, так.

— Теперь знай, что отец у тебя весьма начитан.

— Я не зря сижу в журнальном киоске! — гордо сказал Лаголев. — «Плейбой», «Бурда моден» и «Огонек» — мои бессменные учителя.

— Эй! — воскликнул Игорь. — Мам! Это же ты спросила, а не я!

— Тебе завтра к семи? — спросила Натка, раскладывая постель.

Лаголев снял рубашку.

— Да, но я встану пораньше, — сказал он. — Минут сорок пешком, и я на рынке.

За окнами было темно. В комнате горел ночник, обозначая себя бледно-желтым пятном на стене. Белели подушки. Натка в ночнушке двигалась соблазнительным привидением.

— Возьмешь сосиску на завтрак? — спросила она.

Лаголев приспустил штаны.

— Обьесть сына? Раньше мне такое никто не предлагал.

Натка рассмеялась.

— Ну хотя бы сделай себя яичницу. Там еще два яйца есть.

— Это намек? — спросил Лаголев, оставшись в темно-синих семейных трусах. Одна бровь его приподнялась в удивлении. — Сосиска и два яйца. Я в смущении.

Он прикрыл пах руками.

— А я думала, ты — лев, — сказала Натка.

— Я — лев! — подтвердил Лаголев.

Он убрал руки. Под ними обнаружилось, что ткань трусов спереди существенно натянулась. Вот что делают разговоры о завтраке!

— О!

— Тс-с-с, — прижал палец к губам Лаголев. — А то Игорь скажет, что он все слышит!

— А я плохо, но вижу.

— Мне приблизиться?

— Нет, Сашка, снимай уже трусы.

— Серьезно? А у тебя не случится так называемого событийного эффекта?

— А у тебя? — спросила Натка и приподняла сорочку к животу.

Под сорочкой у нее ничего не было. Лишь слегка темнел лобок.

— Е!

Лаголев икнул. Трусы полетели на пол. Поцелуй был долгим. Натка пахла шампунем и чуть-чуть зубной пастой. Сорочка только мешала и поэтому заслуженно отправилась в эротическое путешествие к дивану.

В субботние и воскресные дни рынок оживал рано. С грузовиков и рефрижераторов выкладывались на тележки мясо, рыба, овощи, фрукты и ягоды, сами же продавцы или их подручные раскатывали товары к лоткам, к столам и витринам, раскладывали пирамидками, рядами, горками, зелень сбрызгивали водой, помидоры, сливы, яблоки протирали тряпочками, чтоб блестели в свете высоких ламп. Выходные приносили основную выручку, поэтому старались подбирать помидорку к помидорке, огурец к огурцу, отщипывали и выбрасывали гнилые виноградины.

Даже открывались на час раньше, не в девять, как обычно, а в восемь. Все для покупателя, все для клиента.

Кярим Ахметович уже стоял у стола номер тридцать четыре, перебирал огурцы в выставленном ящике, качал головой. Вокруг происходило деловитое шевеление, стелились бумага и полотно, ставилась внаклон фанера, глухо постукивали на неровностях колеса тележек. Перекрикивались продавцы и птицы под фермами. Небольшие желтые дыни смотрели на бледных потрошенных кур, а те в свою очередь таращились на ранние иранские груши.

— Доброе утро, Кярим Ахметович.

Подойдя, Лаголев достал с полки под столом халат.

— А-а! Александр! — изобразил полнейшее радушие хозяин места. — Ты вовремя сегодня. Ай, молодец!

— Спасибо, — сказал Лаголев.

Взяв пластиковое ведро, он сходил в туалет и набрал воды, затем несколько минут под пристальным взглядом Кярима Ахметовича оттирал прилавок от грязи и овощного сока. После острова все было легко.

Кярим Ахметович засопел. В сопении слышались недоумение и растерянность.

— Говорят, ты искал меня позавчера, — сказал он, торопливо отступив перед Лаголевым, закончившим с одной половиной стола и переместившимся на другую.

— Да, — ответил Лаголев.

Он сходил сменил воду и вновь принялся за прилавок.

— Дыру протрешь, Саша, — пошутил Кярим Ахметович.

— Я аккуратнo.

— А зачем искал меня?

Лаголев выпрямился и улыбнулся.

— Вы же знаете, Кярим Ахметович.

— Саша, — прижал руку к груди владелец стола под номером тридцать четыре, — самому стыдно! Обнадежил человека, а денег нет, все деньги в обороте. Этому дай, тому дай, брат приехал — ему помощи, аренду плати, Тофику плати, Гульнар и жене приятное делай. Когда до тебя дело дошло, в кошельке, Саша, веришь, всего один рубль оставался, и тот

юбилейный.

— Ничего, — сказал Лаголев.

— Именно, что ничего, Саша, — растянул губы Кярим Ахметович и по-приятельски потрепал работника по плечу. — Может, подождешь еще недельку?

— Нет, Кярим Ахметович.

— Но нет денег, Саша.

Лаголев отжал тряпку и посмотрел на хозяина места.

— Вы думаете, что счастливы?

Кярим Ахметович моргнул. Его крупное, носатое, в оспинках лицо на мгновение сделалось бледным.

— Это угроза, Саша?

— Нет.

Кярим Ахметович постучал пальцем по прилавку.

— Ты не смеешь мне угрожать, Саша. Меня здесь все знают. Я — уважаемый человек. Эй, Рахматулла, салам! — поздоровался он с продавцом-соседом. Махнул рукой куда-то дальше: — Акиф, Тимур Леонидович, салам!

Ему ответили.

— Видишь, Саша? — сказал Кярим Ахметович. — Я позову людей, они все здесь встанут. Что ты можешь против меня?

Лаголев улыбнулся. Вот мир, подумал он. Вот я. Что он может мне сделать? Ничего. Я — на острове. Кярим Ахметович заволновался.

— Ты изменился, Саша, — он всмотрелся в Лаголева. — Очень изменился. Раньше не такой был. Ты заболел, Саша?

— Скорее, выздоровел, Кярим Ахметович.

— Ой, нет, Саша! Боюсь, что нет.

— В «Криминальной России» была статья, — сказал Лаголев, вытаскивая и расставляя ящики на столе. — Про маньяка Кумочкина. Не читали?

— Зачем? Я такое не люблю, — нахмурился и опять заволновался Кярим Ахметович.

— Он гонялся за своими жертвами с топором.

Кярим Ахметович вздрогнул.

— Саша, зачем ты об этом?

— Я к тому, Кярим Ахметович, — сказал Лаголев, — что раньше для меня наши нынешние времена были как тот Кумочкин. Догонят и прибьют.

— Топором?

Лаголев кивнул.

— Топором. Безденежьем. Неустроенностью. Безработицей. Чем угодно.

— Да, времена... Криминал сплошной, Саша!

— А сейчас я посмотрел на это по-другому. Я вдруг подумал... — Лаголев с натугой поставил между ящиками весы. — Я подумал: если я изменюсь вслед за этими шкурными временами, значит, они, как Кумочкин, догнали меня и снесли мне голову. И стал бы я тем, кого вы вполне могли бы опасаться. Подворовывал, пил, пакостил бы по-тихому. Поэтому я решил не меняться. Стоять, как скала.

Кярим Ахметович качнул головой.

— Ты философ, Саша.

Лаголев положил несколько гирек у основания весов.

— Я думаю, что вокруг нельзя смотреть гадкими глазами. Иначе гадким становишься сам. Я почему-то уверен, что и вы хотите видеть мир светлым. Значит, у вас нет иного выхода, как расплатиться со мной.

— Ай, Саша!

Кярим Ахметович передернулся, словно что-то противное и склизкое заползло ему за воротник. Лаголев пожал плечами и принялся безмятежно натирать плоские чаши.

— Ты не философ, Саша, ты — идеалист.

Кярим Ахметович вздохнул и погрозил работнику пальцем. Глаза его сделались печальными. Он постоял, глядя, как чаши весов под руками Лаголева приобретают мягкий блеск, и медленно побрел к выходу на задний двор.

— Работай, Саша.

Вернулся Кярим Ахметович через пять минут и выложил на стол две стопки мятых купюр.

— За первый месяц — пятьсот. За второй — четыреста семьдесят, — сказал он. — Ты, Саша, два раза в том месяце опоздал, поэтому меньше. Это честно, мне кажется. Я вообще сейчас ради тебя денег одолжил, да.

К лотку с журналами Лаголев добрался где-то к пяти. Торговли уже не было, лоток за решетчатыми жалюзи белел сучковатой фанерой. Всю не распроданную типографию Руслан погрузил на «каблучок» и уехал. Впрочем, Лаголев имел цель, отличную от того, чтобы выступить продавцом прессы. Наверное, с час он высматривал старушку в сером пальто с рукавом, обшитым белыми нитками.

Мимо шли люди с работы, с комбината ЖБИ, с торговых площадок, с завода «Пламя», усталые, озабоченные, мрачные, с сумками и без. Лаголев смотрел на них и думал, что каждого второго стоит отвести на остров. Нет, каждого первого. Бери за руку и веди к себе в квартиру. Он думал, что поговорит с Наткой, и она будет не против. Сделаются практикующими целителями. Чем плохо?

К остановке, наполняющейся народом, с перерывами подруливали дребезжащие автобусы и увозили часть людей в тускло подсвеченных чрева в их дома. Темнело. У киосков с выпивкой закручивались ручейки страждущих. Шелестели выброшенные газеты бесплатных объявлений. В темно-синих куртках прошли милиционеры.

Старушку Лаголев увидел, когда дал себе последние пять минут.

— Бабушка!

Он сорвался с места и мимо цветочной будки побежал к измызганному фасаду, к темной, похожей на провалившийся рот арке, к выставленным там мусорным бачкам.

— Бабушка!

Тяжелый пакет так и норовил ударить по ноге. Старуха, услышав его, сначала повернула от бачков в сторону, потом застыла, поняв, видимо, что от него, молодого, здорового, ей никак не уйти.

— Я не трогаю, не трогаю чужое! — заявила она, закрываясь от Лаголева перевязанной ладонью.

Сгорбленная маленькая фигура сжалась в ожидании толчка или пинка.

— Бабушка.

Болью схватило сердце. Лаголев остановился, протянул пакет. В пакете были собранные на скорую руку продукты. Огурцы, помидоры, куриная тушка, килограмм картошки — все,

что удалось купить до закрытия рынка.

— Что это? — повернулась к нему старуха.

Глаза у нее, как и раньше, слезились, на морщинистой, впалой щеке тянулось к уху кривое бледное пятно. То ли заболевание кожи, то ли давний ожог.

— Вам, — сказал Лаголев.

— Мне?

У старухи затряслись тонкие, бескровные губы. Ее качнуло.

— У меня ничего нет, — сказала она.

— Вот вам еще сто рублей.

Лаголев вложил в перебинтованную ладонь денежные купюры. Сколько у него останется самого, как они с Наткой и Игорем будут жить дальше, было совсем не важно. Старуха подняла на него растерянные глаза.

— Вы куда столько-то?

— Берите-берите, — сказал Лаголев и вдруг сообразил, что старуха вряд ли дотащит пакет до дому.

В нем было килограмм шесть веса.

— Давайте я вам продукты донесу, — предложил он. — Говорите, куда.

— Ох, сынок, — повернулась старуха. — Сюда. Только я уж не могу быстро.

— Ничего, — сказал Лаголев. — Я не тороплюсь.

— Вы, наверное, с сыном моим служили, — сказала она, так с деньгами в ладони и хромя сквозь арку во внутренний двор.

— Нет, не довелось.

— Мой сын погиб в Афганистане.

Лаголев не знал, что сказать. Он промолчал.

— У него было много друзей, — старуха вздохнула. — Часто могилку навещали. Теперь уж нет. У всех семьи, дела.

Они прошли двор и оказались у подъезда старого пятиэтажного дома. Дом давно не красили, кое-где он облез до штукатурки, подъездные двери украшали цветные рекламные объявления о покупке металла и поездках в Турцию за кожаными куртками. Внутри пахло старостью и кошачьей мочой.

— Подниметесь? — спросила старуха, кое-как уложив деньги в карман пальто.

Лаголев пожал плечами.

— Как скажете, так и сделаю.

— Второй этаж.

— Хорошо.

Он принялся подниматься.

— Так вы не знали моего Юрика? — спросила старуха.

— Нет, — сказал Лаголев, смиряя шаг, чтобы не торопить собеседницу.

— Жалко. Он был хороший человек. Вы бы подружились.

— А что у вас с рукой?

Старуха посмотрела на замотанную ладонь.

— А что с ней? Ничего. Заживает плохо.

Она долго возилась с ключом у простой, обитой дерматином двери. Ключ никак не хотел попадать в замочную скважину. Лаголев предложил помощь и легко справился с задачей. Замок щелкнул два раза.

— Славик! Славик, к нам гости!

Старуха засемила в терпкий, желтоватый сумрак квартиры.

— Стойте, стойте здесь, — сказала она Лаголеву на пороге.

— Хорошо.

Он взглянул на светлые, выцветшие обои, на ветхий половичок под ногами, на этажерку в простенке и вздохнул, ожидая. В глубине квартиры послышался скрип кроватных пружин, за этим скрипом вспыхнул отрывистый, резкий кашель, потом слух Лаголева уловил два голоса, старушечий и иной, хриплый. Разобрать, о чем шел разговор, он не смог, слишком уж тихо общались между собой жильцы.

— Я все же думаю, что вы как-то с Юрочкой связаны, — сказала, появляясь, старуха.

Она повесила пальто на вешалку к такой же старой, потрепанной, замызганной одежде и набросила на плечи платок. Вспорхнула, ударилась куда-то в темноту моль.

— Сюда, — пригласила старуха Лаголева.

Он прошел на бедную, тесную кухню с холодильником в одном углу и узкой раковиной в углу наискосок и поставил пакет на пустой стол.

— Ну, все, я побежал.

— А чай?

Старуха застыла перед пакетом. Нагло выкатился на девственную поверхность помидор-разведчик. Встала вымпелом куриная нога.

— Нет-нет, не могу, — сказал Лаголев.

— Так и уйдете?

— Я к вам забегу завтра или послезавтра. Руку вашу посмотрим.

Лаголев шагнул в коридор и очутился перед плотным, заросшим стариком в телогрейке, в коричневых штанах и в тапках на босу ногу. Старик посмотрел на пакет на кухонном столе и свел к переносице седые брови.

— Спасибо. Но что бы вам Галина не говорила, квартиру мы вам не продадим, — прохрипел он.

Лаголев улыбнулся.

— Мне и не надо.

Остров, кажется, грел его весь день. Даже в восемь вечера, когда Лаголев добрался наконец до своего дома, он чувствовал в себе его отголоски. Он впитывал в себя мир, его неправильность и его красоту. Он улыбался солнцу, застывшему на коньке крыши, и ребенку, вззирающему на него из коляски большими, испытующими глазами. Он слушал пьяный ор с площадки за кустами и колол сердце об использованные шприцы у бетонной ступеньки. В груди вибрировала, раскачивалась, звенела душа.

О плохом Лаголев думал: ничего, это ничего, это уйдет.

Он почему-то точно знал, что в скором времени все изменится. Остров не возникает просто так. Это предвестник. Предтеча иных событий. Другого порядка. Может, он пророс не только в их квартире. Это было бы замечательно и чудесно. Но даже если остров — единственный в своем роде...

— Саша!

Натка бросилась к нему с поцелуем, едва он ступил на порог. В одной руке у нее была прихватка, в другой — деревянная лопатка.

— Что готовим? — спросил Лаголев.

— Гречу.

— Ага. — Лаголев покопался в кармане куртки и достал огурец. — Сойдет как дополнение для стола?

— Конечно. Раздевайся.

— Погоди.

Лаголев покопался в другом кармане и вытащил помидор. Натка прыснула.

— И сколько в тебе таких сюрпризов?

— Еще один.

Вручив жене овощи, Лаголев предъявил деньги от Кярима Ахметовича.

— Все, мой муж и лев, — торжественно сказала Натка, — тебя ждет гора гречи. Она твоя и только твоя. Заработал. Мы ее недостойны.

Глаза ее смеялись.

— Но хоть с маслом? — спросил Лаголев.

— А как же!

— Слава богу!

— А потом, без масла, десертом, пойду уже я.

Натка обернулась и посмотрела на Лаголева так, что у того мгновенно разыгралось нескромное воображение. Вот ведь, без масла и без одежды, вся, льву и мужу, эх, помедленнее кони, на кой черт тогда греча?

— Нат, — повесив куртку, он последовал за женой на кухню, — я еще потратил рублей двести пятьдесят. Помог там с продуктами...

Натка, не оборачиваясь, потрясла в воздухе лопаткой.

— Я знала, знала. Яблоня от яблочка недалеко падает.

— Я думал, я — лев, — сказал Лаголев.

— И яблоня.

— Прости.

Натка положила лопатку и оказалась рядом.

— Дурак, — сказала она, обняв его, — помог, и хорошо. По-моему, это правильно. Главное, чтоб не зря.

— Не здря! — сказал Лаголев.

Натка, смеясь, ткнулась ему в плечо.

— Муж мой нездряшный. Я, кстати, без острова уже три часа.

— И как?

— Хорошо. Но тянет. А ты?

Лаголев гордо выпрямился.

— Я уже день могу!

— Многие мужики так говорят.

— А я не мужик, я — яблоня.

Натка захохотала.

— Но Поляковым-то хватит долг отдать?

— И даже нам останется, — сказал Лаголев.

Чудесные дни! Просыпаешься в счастье, засыпаешь в счастье. Даже тревожно. Хотя, наверное, назвать это чувство счастьем было все же нельзя. Лаголев, поразмыслив, определил свое состояние ощущением цельности, правильности, внутреннего согласия.

Поставили тебя на два костыля. Один костыль — страх, неуверенность, слабость. Другой — правила, границы твоего существования, обозначенные экономическими отношениями, государством, людьми. Ковыляй, болезный, по жизни.

А тут вдруг — раз! — и ты пробуешь идти собственными ногами, сам. Первый костыль уже отбросил. Но на второй еще опираешься. Не эфирное существо все-таки. Не слепец. Был бы только костыль по руке.

В понедельник вечером Игорь объявил, что по вечерам теперь будет мыть помещения в школе на втором этаже. Триста рэ в месяц. А первый этаж девчонка из соседнего класса моет. С ее подачи, собственно, и устроился.

— Это вроде не совсем законно, — сказала Натка.

— Ну, там как бы мать у девчонки моет, а мы помогаем, — сказал Игорь.

— И директор согласился?

Игорь фыркнул.

— За такие деньги кого он еще найдет?

Доедали сосиски с купленными в гастрономе макаронами. Тепло, идущее от острова, Лаголев теперь чувствовал, сидя от него в двух метрах, то спиной, то плечом, а то и словно приложенную ко лбу или к горлу горячую ладонь. Остров будто проверял у него температуру. Или просто хотел убедиться в его наличии рядом.

А может быть это просто ему казалось.

Как, например, казалось, что у его лотка с журналами и газетами с утра толпится больше народу, чем у трех остальных. И близостью к остановке не объяснишь, третий в очереди лоток, и от дорожки к рынку он стоит чуть в глубине. Но подходят, смотрят, берут — календарики, телепрограммы, кроссворды, спортивные и даже местные, копеечные газетки. Лаголев был рад каждому. И словно передавал с прессой из рук в руки часть островного тепла.

«Комсомолку»? Пожалуйста. «Гороскоп»? Конечно, сию минуту сообразим. «Смену»? Куда ж без нее? «Смену» на смену. Ничего особенного вроде бы не делал, но замечал улыбки и разгладившиеся, посветлевшие лица.

А еще ему казалось, что и на рынке вокруг его стола начинает заворачиваться людской водоворот. Некоторые подолгу стояли у прилавка, словно не знали, что выбрать, другие трогали овощи, третьи брали чеснок или петрушку, а потом возвращались за огурцами, салатом, картофелем. Лаголев со всех брал меньше, чем было на весах, но к концу дня все равно имел выручку, вдвое большую, чем в обычный день.

Кярим Ахметович только головой качал.

— Ты какой-то уникам, Саша.

Перед сном Лаголев с полчаса прикидывал так и эдак, потом сказал жене:

— Нат, я думаю, остров нужно использовать для помощи другим людям.

Молчание было недолгим.

— Представляешь, во что превратится наша квартира? — мягко спросила Натка. — «Собачьё сердце» с Евстигнеевым смотрел? На лестнице стоять будут.

— Мы аккуратно. Ты против?

Натка улыбнулась.

— Муж мой, я за.

Галина Никитична никак не хотела ехать одна, поэтому Лаголев взял с собой и ее

супруга. Чуть ли не в автобусе уже познакомились, как положено. Вячеслав Алексеевич. Александр Степанович. Очень приятно. Галина Никитична. Простите, что не спросил раньше имени-отчества.

Вячеслав Алексеевич отправился в когда-то модном, мятом и застиранном плаще. Галина Никитична ради похода в гости сменила серое пальто на такое же жалкое бордовое. Ничего, подумал Лаголев, ничего. Это поправимо. У дома старики оробели и едва не повернули обратно. Видимо, бог знает что решили. И только слова Лаголева о том, что жена уже приготовила чай, обидите, заставили Галину Никитичну и Вячеслава Алексеевича несмело шагнуть в подъезд. Не любили обижать кого бы то ни было.

Поднимались медленно. Четвертый этаж — не шутка. Вячеслав Алексеевич покашливал. Галина Никитична, приостанавливаясь, тонко тянула воздух.

— Высоко.

— Да уж, не наш второй, — прохрипел Вячеслав Алексеевич и бросил в рот какую-то таблетку.

Сморщился.

Натка действительно уже ждала, минут как двадцать пришла с работы. Чайник был вскипячен. На блюде лежали простенькие — хлеб, масло, докторская — бутерброды.

— Проходите, проходите, — сказала Натка, освобождая стариков от верхней одежды.

— Я с рукой, вот.

Галина Никитична показала ладонь в свежем, испятнанном йодом бинте.

На кухню старики заходили осторожно, с опаской.

— Тесновато у вас, — сказал Вячеслав Алексеевич.

Натка усадила его на стул у плиты, сразу поставила кружку, чай из заварочного чайника разбавила кипятком. Галина Никитична устроилась напротив окна.

— Я попрошу вас ничему не удивляться, — сказал Лаголев.

— Так мы привычные, — вздохнула Галина Никитична.

Ей досталась кружка поменьше, чай пыхнул парком.

— Угощайтесь, — сказала Натка.

Вячеслав Алексеевич, качнув седой головой, взял бутерброд.

— Вы, получается, на дому лечите? — спросил он.

— Почти, — улыбнулся Лаголев.

— Какая-то, значит, экспериментальная методика?

— Ну, можно и так сказать.

Старик откусил бутерброд, зажевал. Потемнел лицом, будто что-то вспомнив.

— А бронхит тоже лечите?

— Наверное.

Вячеслав Алексеевич сдвинул брови.

— Как Кашпировский или Чумак?

— Славик! — с укором произнесла Галина Никитична.

Она попыталась урезонить супруга, поймав его за рукав кофты, но он выдернул руку.

— Вы если мошенники, вы сразу скажите, — приподнялся Вячеслав Алексеевич. — Мы тогда пойдем.

— Пять минут, и сами все увидите, — сказал Лаголев. — Галина Никитична отдохнет, допьет чай...

— Так я и потом могу.

Лаголев посмотрел в светлые, полные неуверенной, тайной надежды глаза. Перед внутренним взором проступила протянутая рука. Сынок, помоги, чем можешь.

— Хорошо, — сказал он, протолкнув ком в горле, — мне нужно, чтобы вы, Галина Никитична встали за холодильник.

— За холодильник? Это ж чего, как бы спрятаться?

— Да.

Придерживая за локоть, Лаголев помог Галине Никитичне пробраться в нишу за «ЗиЛом».

— Там фломастером обведена площадка, видите?

— Ой, вижу! Это чего?

— Встаньте строго в ее границах. Я встану рядом.

Лаголев протиснулся, прижался к стене, поставил ногу рядом с худой, пятнистой ногой в вязаном носке.

— Закройте глаза, — сказал он. — Сейчас я возьму вас за руку.

Тепло хлынуло, будто река, и Лаголеву почему-то привиделся луг, налитанный летним зноем, далекие скирды сена и теплый ветер, играющий отросшими прядками. Гудел шмель. Из-за прозрачного леса на желтый проселок медленно выезжал грузовой автомобиль «ЗИС». В открытом кузове — повязанные платками головы и грабли. «Галка, Галка, чего сидишь? Давай с нами!». «Я пока не могу, — звенят изнутри слова. — Я маму жду!».

Фыркает двигатель. Пролетают мимо лица.

Лаголев открыл глаза, продолжая держать Галину Никитичну за руку. Она стояла светлая и тихая. Похожая в мешковатом стареньком платье, перехваченном пояском, на девочку, примерившую чужой возраст. По морщинистым щекам катились слезы.

Во вторник вечером Игорь привел девушку. Звали ее Маша, это была та самая девушка, что вместе с ним мыла полы в школе.

— Пап, мам, можно ее тоже на остров? — улучив момент, пока Маша мыла руки, спросил шепотом сын.

— Можно, — сказала Натка.

Лаголев кивнул.

— Только я сам, — сказал Игорь.

Видно его было насквозь. Он слегка ревновал Машу к родителю. Держать ее за руку ему хотелось самому. Лаголев улыбнулся.

— А справишься?

— Я попробую. Ты поможешь, если что?

— Ну, только если что.

Маша, появившаяся на пороге кухни, поздоровалась с ними, наверное, в третий раз. Девушка как девушка. Одета просто. Волосы темные. Лицо без косметики. Совсем дешевые сережки в ушах. В ореховых глазах — плохо скрываемое отчаяние. Бедная девочка, подумал Лаголев. На самом краю.

— Здравствуйте.

— Садись, Маша, — сказала Натка, почувствовав, видимо, то же, что и муж.

Игорь повернул стул, неуклюже пытаясь ухаживать.

— Спасибо, — девушка села, спрятала руки на коленях. Голос у нее задрожал. — Игорь сказал, что вы оказываете помощь попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Натка вздохнула.

— Оказываем.

— Я попала в трудную жизненную ситуацию, — Маша опустила голову. — Если у вас есть возможность...

Натка подвинула ей кружку с чаем и блюдце с бутербродами. Наверное, это уже становилось традицией.

— Пей. Ешь.

Девушка мелко покивала.

— Спасибо.

Она едва пригубила чай. Выдохнула. Посмотрела уже на Лаголева.

— Мы живем без отца, — сказала Маша. — Он давно... Он давно нас бросил. — Голос ее прервался, но она, собравшись, продолжила. — У меня есть младшие брат и сестра. Анька совсем маленькая, ей три, а Вовке скоро шесть. Мама...

Девушка взяла кружку в ладони и сделала несколько торопливых глотков.

— Все хорошо, — сказала Натка.

— Нет! — мотнула головой Маша. — Не хорошо! Мама пьет.

Она произнесла это с такой болью, что Лаголеву показалось, будто кто-то холодным острым ножом провел по коже от паха до грудины.

— У нас никогда нет денег. Она водит всяких... — гримаса омерзения скользнула по лицу девушки. — Я запираюсь в своей комнатке с младшими, чтобы к нам по пьяни не лезли. Но они лезут. А милицию не вызовешь. Они тогда...

Маша сложила руки на столе, уткнулась в них лбом и зарыдала.

— А как Вовку с Анькой кормить? — послышалось сквозь рыдания. — Мне куда... Мне в проститутки что ли идти?

— Тише, тише, — Натка, придвинувшись, погладила девушку по волосам. — Мы поможем.

— Как? — всхлипнула Маша. — Денег дадите?

— Саш, у нас будет лишняя сотня? — спросила Натка.

— Будет, — сказал Лаголев.

Девушка приподняла голову.

— Вы что, серьезно? — в заплаканных, покрасневших глазах плескалось неверие. — Я же вам никто!

— Ты нам человек.

Лаголев из кухонной тумбочки достал две пятидесятирублевки.

— Бери, — протянул он деньги. — Но!

— Я отработаю! — быстро произнесла Маша, вытирая щеки.

— Хорошо, — улыбнулся Лаголев.

Игорь нахмурился.

— Пап!

— Не стоит лишать Машу возможности выразить свою благодарность, как думаешь? — сказал Лаголев. — Ладно, твой выход, сын.

Игорь заволновался.

— Маша.

Лаголев пересел к Натке.

— Маша, — сказал Игорь, взбив челку, — пожалуйста, тебе надо встать со мной за

холодильник.

Натка ущипнула мужнину кожу на руке. Лаголев трактовал это как удивление необычной формой приглашения к совместному времяпровождению. В общем, мало сын на острове стоял.

Девушка вспыхнула.

— Зачем?

— Маш, ты не подумай, — залепетал Игорь, тараща на нее глаза, — я не имею ничего такого... Ты же хотела помощи?

Лаголев поймал его полный паники взгляд.

— Маша, это что-то вроде эксперимента, — сказал он. — Никакого подтекста он не содержит. Там есть специальная разметка, в ее границы надо встать.

— А потом? — спросила Маша.

Лаголев прищурился.

— Ты веришь в чудеса?

— Нет, — тихо сказала гостья.

Лаголев ощутил, сколько разочарования вложено в это слово.

— Значит, ты сможешь убедиться в том, что они существуют, — сказал он.

— Вы серьезно?

— Совершенно.

Маша встала.

— Я вам верю, — сказала она. — Почему-то.

Лаголев чуть не ответил: «Потому что я лев. И яблоня». Но сообразил, что всего лишь неумно пошутит. Выпрямив спину, девушка шагнула за холодильник. Игорь посторонился.

— Не заступи только, — сказал он, пряча заботу за грубоватым тоном.

— Хорошо.

— И мне еще надо ногу поставить.

Игорь, как и Маша, прижался к холодильнику.

— Теперь дай руку.

— Совсем как ты со мной, — шепнула Лаголеву Натка.

Чмокнула губами в щеку.

— Ш-ш-ш, — сказал Лаголев.

Он вдруг подумал, что бесконечно долго можно смотреть не только на огонь или проточную воду, но и на то, как преобразается человек.

Потому что это чудо из чудес.

Лаголев не видел Машу целиком, Игорь закрывал девушку своим длинным телом и волосатой головой, но тепло, текущее сквозь нее, чувствовал, внутренним слухом слышал, как вымываются боль, напряжение и глухой, постоянный страх за младших брата и сестру, за мать, за день впереди, как пропадают настойчивые суицидальные мысли, и вместо них прорастают бесстрашие и радость.

Маша несколько раз хихикнула, словно Игорь, балбес, щекотал ее ладонь, потом качнулась, и Лаголев увидел ее освещенный островом профиль. Эх, в такую бы влюбиться!

— Все? — спросил Игорь.

И повел ошеломленную девушку к столу.

Остров, пока живет в людях, всех делает красивыми. Но Машу наделил чарующей, притягательной красотой. За которую и жизнь отдать, и в бой идти — не страшно. Натка

шутливо закрыла Лаголеву глаза.

— Хватит пялиться, Лаголев.

— Я не пялюсь, — возразил он.

— А что ты делаешь?

— Я таращусь.

— Игорь, кстати, все слышит, — сказала Натка.

С этим бы Лаголев поспорил. Вряд ли что Игорь слышал и видел, кроме Маши. Он стоял наклоненной пизанской каланчой и глупо улыбался.

Мотылек у свечи.

— Маша, — позвала Натка, — Маша, ты как?

Девушка медленно повернула на нее искристые, ореховые глаза.

— Мне все снится? — спросила она. — Так ведь быть не может.

— Может, — сказал Лаголев. — Только начальный эффект совсем короткий. Ты еще посиди, а потом снова встань на остров.

Маша кивнула. И вдруг, быстро поднявшись, поцеловала Игоря в щеку. К такому сын явно не был готов и, пробормотав: «Да я это... я так...», окривел каланчой уже в другую сторону. Только улыбка сделалась еще шире.

— Извините, — сказала Маша, — а можно я маму приведу?

В среду Натка пришла с работы пораньше и чуть ли не силком притащила с собой коллегу — маленькую, нервную женщину с огненно-рыжими волосами и напыленным, ярко-алым ртом. Лаголева, у которого выдался свободный вечер, познакомили с ней мельком (это Ира, Саш) и выгнали с кухни. Разговор намечался непростой, женский. Из комнаты Лаголеву слышались то истеричный хохот, то выкрики (матерные), то оголтелый звон ложки о фарфор. Один раз сквозь двери и телевизионную завесу прорвался истошный выкрик: «И как жить, Наташка? Как жить, если нет ее, жизни-то?».

Потом все стихло.

Лаголев шевелил плечами и думал: сколько перекореженных людей. Сколько несчастных, потерянных, страдающих людей! Господи, дал бы ты каждому по острову. По квадратному метру — с рождения. Или квадратный метр тепла — это много?

— Саш, — минут через десять заглянула в комнатку Натка, — чаю хочешь?

— Как все прошло? — спросил Лаголев.

— Хорошо, — ответила Натка. — Но нам, наверное, придется зарегистрироваться как предпринимателям без образования юридического лица.

— Это коллега посоветовала?

— Это шутка, муж.

— А-а!

— Что-то ты плохо соображаешь, — сказала Натка, забираясь к нему на колени. — Давно на острове не стоял?

— С утра, — Лаголев обнял жену. — У меня, наверное, тоже событийный эффект.

— Что бы мы без него делали?

— Без эффекта?

Натка погладила Лаголева по голове.

— Без острова, мой не слишком умный муж.

— Но-но, я еще ого-го!

— Ну-ну.

Поцелуй был с привкусом открытого на кухне вина.

Мать Маши заявила к ним в квартиру в невменяемом состоянии. Она плевалась и выкрикивала какие-то непонятные угрозы, а когда Лаголев, окунувшись в тяжелый запах немытого тела, перехватил ее со спины, принялась взбрыкивать ногами.

— Я вам... вы у меня... — хрипела она.

Маша, вбежавшая за ней следом, смотрела на мать со слезами на глазах.

— Помоги, — сказал Лаголев Натке.

И они вдвоем стали подталкивать женщину к кухне. Затем к ним присоединились Игорь и Маша. Мать ее упиралась всем своим грузным телом, мотала головой, один раз чувствительно попав Лаголеву затылком по губам. Пальцы рук ее цеплялись за все, что придется, за косяк, за пуговицы чужой рубашки, за кофту дочери.

— Ироды!

Изо рта женщины летела слюна. Опухшее лицо наливалось кровью. В глазах плескалась муть. Она смогла вывернуться из захвата, оттолкнула Лаголева плечом, сунула пятерней Игорю в лицо, но Маша бросилась ей на грудь.

— Мама, пожалуйста! Ты же сама хотела!

Женщина бессознательно заключила дочь в объятия и, окруженная Лаголевыми, закачалась на неустойчивых ногах.

— Я вас всех запомню, — зловеще произнесла она. — Я еще...

— Тихо! — крикнула вдруг Натка.

В ее голосе было столько силы, что мать Маши захлопнула некрасивый рот и заморгала.

— Для тебя же, дуры, стараемся!

Натка отцепила девушку от матери и потянула женщину к нише за холодильником. Та, словно оглушенная, пошла, не сопротивляясь. Куртка сползла с ее плеча, открывая линялый халат, рукав обмахнул холодильную дверцу.

— Встань сюда, — скомандовала Натка.

Резким движением она развернула женщину лицом к стене.

— Двинься.

Натка встала напротив, покрасневшая, сердитая. Мать Маши следила за ее приготовлениями рассеянным пьяным взглядом.

— Ты по какому праву...

— Руку!

Натка сцепила пальцы на чужом запястье.

— Я спра...

Остров едва ли не полыхнул вживую. Тоже сердито. Во всяком случае Лаголев мог бы поклясться, что видел золотистый столп, на мгновение проросший сквозь пол и окутавший поставленную в его границы жертву. Женщину затрясло. Она застонала. Но Натка держала крепко.

— Похоже на экзорцизм, — брякнул Игорь. Потом сообразил, что рядом находится Маша, и произнес: — Извини.

Девушка вздохнула.

— Я тоже об этом подумала.

Потом они сидели на кухне, и Машина мать пила чай. Остров поправил ей лицо, снял болезненную отечность, убрал синяки под глазами, заживил разбитые губы. Женщина оказалась одного с Наткой возраста, хотя изначально производила впечатление чуть ли не пятидесятилетней. У нее был приятный, открытый взгляд.

Лаголев замечал, что после острова какие-то люди меняются сильно, какие-то совсем немного, некоторые становятся выше, другие теряют шрамы, ожоги, папилломы, третьи вдруг забывают о внутренних болячках. Но впервые он видел, чтобы с человеком произошла настолько разительная перемена.

В сидящей за столом женщине было трудно узнать ввалившуюся к ним в квартиру пьяную гостью. Другое лицо, другие глаза. Лаголев, если бы не присутствовал в это время на кухне сам, наверное, подумал о подмене. Догадаться, почему так случилось, было не сложно. Машина мать упорно убивала в себе желание жить и жизнь вообще.

Остров это вернул.

— Зачем? — спросил Лаголев.

Женщина вздохнула. Увиливать, говорить неправду после острова было невозможно.

— Я не видела выхода.

— А сейчас?

Женщина улыбнулась.

— Мама!

Маша, заплакав, ткнулась матери в грудь. Та ласково погладила ее по вздрагивающему плечу.

— Ну что ты, дочка, что ты. Прости меня. Как-то все навалилось... Я не выдержала.

— Маша, — сказал Лаголев, — ты встань-ка тоже.

Девушка подняла голову.

— Куда, на остров?

— Да.

— Вы думаете, мне плохо? — спросила Маша, вытирая слезы. — Мне как раз хорошо.

— Тебе не помешает, поверь.

Девушка хлюпнула носом.

— Ну, раз вы считаете... Игорь.

— Нет-нет, — Лаголев остановил рванувшего на помощь сына, — сегодня без поддержки. Сама.

— Но разве я могу? — растерянно спросила Маша.

Натка кивнула.

— Можешь.

— Я просто не знаю, как это делается.

— Будь с ним честной. Откройся ему. Помоги ему стать частью тебя. Вот и все.

— И еще надо произнести: «Устана-васста-адихтомунаппи», — добавил Лаголев. — Раз пять подряд. Или десять.

Натка фыркнула.

— Лаголев, почему я не знала об этом? — она пихнула его кулаком в плечо.

— Как? Я не сказал? — удивился Лаголев, защищаясь ладонью. — Ай! Ой! Кажется, ты узнала остров с неправильной стороны.

— Ты сейчас тоже узнаешь меня с неправильной стороны.

— Ерунда. У тебя все стороны — правильные. Я проверял.

— Что-о?

— Простите, — выглянула из-за ниши девушка, — так надо повторять «Устана-ваша...» или нет?

И они дружно, со смехом, крикнули:

— Нет!

Неделя пронеслась ярким болидом. Оглядываясь на прошедшие дни, Лаголев с трудом вспоминал прежнюю, доостровную жизнь. В сущности, там и вспоминать было нечего. Жуть и Кумочкин с топором.

Странно было другое. Мир вроде бы остался прежним, в нем, как мутной, темной субстанции, варились люди, запутавшиеся, замороченные, полные забот и тревог, мнимой свободы и пьяной вседозволенности. Но Лаголеву казалось, что, когда он, покидая квартиру, шел по городу, вокруг становилось светлее. Субстанция отпускала людей, прыскала испуганно в тень, и тепло острова вымарывало в душах тех, кто был поблизости, ее навязчивые следы. Он видел это по лицам.

Игорь влюбился в Машу. Что было не удивительно. Был бы Лаголев моложе, без Натки, тоже вздыхал о ней по ночам. Маша ходила к ним теперь регулярно, веселая, удивительно, невозможно похорошевшая, и Лаголев был уверен, что на улице, на лавочках, во дворах дежурят посменно молодые и не очень вздыхатели. Как бы еще серенады под окнами петь не начали. Венец творенья, дивная Диана.

Маша водила маму и иногда брата с сестрой. Ухаживания Игоря воспринимала с улыбкой. Ни Натка, ни Лаголев не вмешивались.

Как-то сами собой в обиход вошли вечерние посиделки, раз уж тесная квартирка заполнялась людьми. Наткина огненно-рыжая подруга с работы, Галина Никитична с Вячеславом Алексеевичем, Машина мама, сама Маша, соседи, люди, которым Лаголев и Натка открыли остров. Все пили чай.

Чайник ставился большой, трехлитровый. Шли тихие разговоры, вспыхивал негромкий смех. Было легко и уютно. И остров казался большим, мохнатым, теплым котом, разлегшимся рядом и заботливо и покойно посапывающим. Кто-то приносил печенье, рассыпал из карманов леденцы, кто-то ставил на стол маринованные огурцы собственного рецепта, кто-то доставал кулек с приготовленными в духовке солеными сухариками, кто-то наливал в розетку сливовое, алычовое варенье. Рады были всему.

Остров давал незабываемое ощущение единения, общего пространства и защищенности. Хотя, конечно, в разговорах проходились и по ценам, и по Ельцину с правительством, устроившим дефолт прошлым летом, но как-то беззлобно, с сожалением. Мол, дураки, что с них взять? Во всех до единого жило чувство, что скоро все изменится к лучшему.

Остров же. Остров. Он не просто так.

Ах, кое-кого из высоких кабинетов, впрочем, не мешало бы поставить за холодильник! Чтобы совесть проснулась. И доброта. Мечты, мечты!

То один, то другой гость или гостья вставали на выделенный пяточок в нише и подзаряжались, выпадая из компании на две-три минуты. Их потом было видно по мягким, чуть светящимся лицам.

Говорили о хорошем, вспоминали приятное, и, что самое удивительное, с каждым днем хорошего становилось больше. Крохотное внимание, мелкая помощь, слова благодарности, сочувствие, ласка, смех.

В один из дней перед сном Лаголев встал на остров, окунулся в привычное уже тепло и прошептал, борясь с комком в горле:

— Спасибо тебе. Спасибо.

Потом Игорь привел парня с настороженными, злыми глазами. Парень назвался Чирой. Он встал на остров, посмеиваясь, видимо, заранее считая, что ему покажут фокус, карточный шулерский трюк, а сошел с него потрясенным и задумчивым и долго смотрел на свои пальцы, сжимая и разжимая кулаки.

— Заходи еще... Чира, — сказал ему Лаголев.

— Валера я, Чирков, — сказал парень.

И несмело, словно с непривычки, по-доброму, улыбнулся.

— Саш, знаешь, чего я боюсь? — спросила Натка.

Она забралась под одеяло и ждала, пока Лаголев окончательно разоблачится, чтобы выключить ночник. Лаголев сложил брюки на стуле, потом сходил к окну, приоткрыл форточку. Двор был темен, и соседний дом был темен тоже. Казалось, что из него все давным-давно съехали. До последнего жильца. Лаголев прищурился. А, нет, кое-где теплятся огоньки.

За полночь.

Отчего-то загрустив, он вернулся к постели. Натка завернула одеяло, чтобы Лаголев поскорей лег. Честное слово, когда тебе отворачивают одеяло — это элемент счастья.

— Так чего ты боишься? — спросил Лаголев, нырнув в тепло к жене.

Натка придвинулась, и он окунулся в ее губы, ее волосы, ее дыхание. Вот, под рукой, ее грудь с кнопочкой соска.

— Я боюсь, что однажды все это кончится, — сказала Натка, прижимаясь.

— Что — все? — спросил Лаголев.

— Такая жизнь. Мы. Остров.

— Нат, почему вдруг все это должно кончиться?

— Потому что возникло само по себе. Вдруг остров просто исчезнет? Или, я не знаю, пересохнет?

Лаголев улыбнулся.

— Но мы-то останемся. И память наша останется.

Он поцеловал жену. Натка ткнулась лбом ему в щеку.

— А если этого будет недостаточно?

— Тогда я сдвину холодильник еще на метр, — сказал Лаголев.

Натка рассмеялась.

— Замечательное решение проблемы.

За стенкой прошлепал на кухню сын. То ли чаю себе налить, то ли перед сном на острове постоять.

— Как думаешь, сложится у него с Машей? — спросила Натка.

— Я бы не стал так далеко загадывать, — сказал Лаголев. — Им всего по пятнадцать лет.

— Акселерация, муж мой. Ранее развитие.

— Не, ну, это я, положим, заметил. Ты еще не знаешь, какая у него... хм, акселерация...

Все равно дети. Глупостей бы каких не натворили.

— А мы с тобой? Мы с тобой не творим всякие глупости?

— В смысле? — удивился Лаголев.

Вместо ответа рука жены нырнула к его животу.

— Ах, в этом смысле!

Не давая Натке завладеть частью тела, Лаголев повалил ее на спину. В темноте едва-едва угадывались белки глаз и улыбка. Впрочем, глупости пришлось отложить. В дверь комнаты стукнул, а затем открыл и просунул голову Игорь.

— Мам, пап.

Лаголев впустил одеяло. Где Натка? Нет Натки. В стороне твоя мамка, сынок. Ничего такого не делала. То есть, мы не делали, хотя, может, и собирались. Спать собирались да не собрались. Он кашлянул.

— Что случилось?

— Вам надо на это посмотреть, — сказал Игорь.

Глаза — с монеты в пять царских копеек.

— А яснее? — спросила, выглядывая, Натка.

— Остров, кажется, вырос!

Остров действительно вырос. От своей ниши он протянулся полосой на всю длину подоконника, занимая теперь едва ли не четверть всей кухни. Стоило только Лаголеву шагнуть к столу, как тепло накрыло его с головой.

— Видишь? — заулыбался сын.

Набросившая халат Натка встала у кухонной тумбы.

— Сантиметров тридцать не хватает, — сказала она, стукнув по полу босой ступней.

Лаголев почесал затылок и оглядел кухню.

— Не, ребята, вы как хотите, а пора делать перестановку. Стол, похоже, сюда уже не вписывается.

В человеке, который, подобрав ноги, сидел на асфальте в прорехе между домами и просил подавание, Лаголев старинного друга узнал с большим трудом. Федька Шишлов зарос, подурнел, обзавелся свирепой бородой и шрамом через всю щеку. Одет он был в серый вязаный, расплзающийся, в многочисленных катышках свитер и в брезентовые штаны, испачканные коричневой краской. Ботинки от полной гибели удерживали мотки скотча. Ногти на грязных, морщинистых пальцах были обкусаны и оббиты до черноты. Смотреть на него без содрогания было невозможно.

— Подайте копеечку!

Лаголев сыпнул в чужую ладонь мелочи, прошел шагов двадцать и вернулся.

— Федька?

Старинный друг сморщился, сжался, словно Лаголев не вопрос задал, а шархнул камнем по плечу.

— Не-не.

— Как «не»?

— Ошиблись вы.

— Это я, Саня Лаголев. Био-Шурик.

Федька все же глянул искоса. На лице его вместе с узнаванием отразилось небывалое облегчение.

— Саня?

— Ну!

Шишлов зареготал и заперхал, выражая свою радость. Ладони его несколько раз ударили по коленям.

— А я думал... — он махнул рукой куда-то в сторону перекрестка. — А тут ты! Это ж встреча какая! Обязательно обмыть надо. Ты, я смотрю, при «бабках».

— Есть немного.

— Все! — Федька принялся подниматься. — Покупаем «пузырек» и отмечаем! Но за твой счет, усек? Я, видишь, на мели.

Он ожесточенно поскреб ребра через свитер.

— Я не пью, — сказал Лаголев.

— А я пью! — заявил Шишлов. — Мне в жизни без алкоголя нельзя. Мне жизни запивать надо. — Он уцепил друга за рукав. — Так как насчет «пузыря»?

— Может, пива?

Федька сморщил физиономию, но затем одобрил и это предложение. Стало заметно, что у него здорово не хватает зубов.

— Можно и пива, — улыбнулся он, почесав горло под бородой. — С этого начинать даже предпочтительнее. По-научному. Градус должен только повышаться.

— Тогда жди, — сказал Лаголев.

Он решил спасти друга.

— Само собой, Саня! — Шишлов переступил с ноги на ногу и поднял руку со сжатым кулаком, выражая солидарность походу Лаголева в магазин.

Рот фронт.

В магазине Лаголев купил одну банку в ноль тридцать три литра. Не самого дешевого,

не самого дорогого. Федька обрадовался подарку, как ребенок, посмотрел лукаво, дернул кольцо, присосался к жестянке. Лаголев смотрел, как он покачивается, вбирая в себя слабоалкогольную жидкость.

— Ф-фу!

Шишлов выдохнул, утер губы рукавом свитера и тут же сплющил опустевшую банку ногой. В руках его появился кулек.

— Оставь, — сказал Лаголев.

— Ну, ты что! — хрипло возразил Федька. — Алюминий!

Он положил жестяную лепешку к трем или четырем соседкам.

— Может, ко мне? — предложил Лаголев.

— Это деловой разговор, — кивнул Шишлов. — Пошли! Только по пути винца купим. Употребляю самый дрянной портвейн. Все полезно, что в рот полезло. И, кстати, тебе выйдет чистая экономия.

— Это уже дома.

— Дома? — Шишлов шмыгнул носом. — А что дома? Жена?

Они медленно пошли по улице. Федька прихрамывал. Жестянки бренчали. На Федькин костюм оглядывались.

— Жена, — сказал Лаголев. — И сын. У тебя же вроде тоже жена была.

— Ушла, — скривился Шишлов и подался ближе к другу: — Веришь, — доверительно сообщил он, — проигрался я в пух и в прах. Машину, квартиру — чуть ли не одним махом. Еще людям остался должен, серьезным людям. Знаешь, сколько?

Лаголев качнул головой. Федька стрельнул глазами по сторонам, словно боялся, что их подслушают.

— Двадцать пять тысяч! — выдохнул он.

— Много, — сказал Лаголев.

— А то! Бегаю вот, скрываюсь. У тебя недельку перекантоваться можно? О тебе, думаю, не знают, мы ж лет семь не контактировали. Пересплю в уголке на кухне. Или на балконе! — жарко произнес Шишлов. — Сейчас тепло, можно и на балконе.

— У меня нет балкона.

— Жаль.

— Но мы что-нибудь придумаем, — обнадежил Лаголев.

Федька поверил в счастливую свою судьбу.

— Знаешь, — заговорил он, бодро вздергивая ногу при ходьбе, — ты мне «пузырик» в день ставь, и я буду сидеть тихо-тихо. Как таракан. Ну, еще шпротину с хлебом кинешь. Потому что без закуски целый день никак нельзя.

Лаголев улыбнулся.

— Посмотрим.

Вытянулась, прикрылась вдали поворотом Лесная.

— Жуткие, знаешь, люди пошли, — сказал Шишлов обеспокоенно, — видят, что человеку край, что не отыграть ему, и ни гроша за душой, все, говорят, не человек ты уже, а долговая расписка. Сгинь, говорят, со свету.

Лаголев остановился.

— Федор, — взял он друга за плечи, — скоро в твоей жизни все изменится. Это я тебе обещаю. С этого же дня.

Шишлов шмыгнул носом.

— Охотно верю!

— А на счет долга твоего... Не знаю, на работу устроишься да мы поможем...

— А ты, значит, это... Бога за яйца, да?

Лаголев шагнул через дорогу.

— Нет, — сказал он. — Просто у меня есть остров.

Федька пропустил гремящий разболтанными бортами грузовик и заковылял следом.

— Постой, Саня, это что, как у Крузо что ли? Он, твой остров, где, на севере, на юге?

Откуда у тебя такие «бабки»? Наследство из-за границы? Или хапнул где-то, что плохо лежит? Ты всегда был головастый!

Он затряс пальцем.

— Придем, увидишь, — сказал Лаголев.

Они зашаркали по тротуару.

— Я бы на теплый остров — с удовольствием, — сказал Шишлов, мимоходом одергивая свитер. — Чтобы солнце и виноградники. Лежишь, винишко попиваешь. Жизнь этого... как его? А! Патриция, во!

— У меня другой остров, — сказал Лаголев.

Родная пятиэтажка засерела облупившимся, траченным дождями фасадом. Старинный друг закрутил косматой, неухоженной головой.

— А где тут ларьки у вас? — нахмурился он. — Ты же мне это, портвешок обещал. Надо бы затариться.

— Все дома.

— Да я бы уже употребил.

— Встанешь на остров, может и не захочется, — сказал Лаголев.

— Чего? — Шишлов хохотнул. — Био-Шурик, ты остров себе дома что ль насыпал? Из первостатейного песка?

Лаголев не ответил.

— Но райончик у вас тихий, кажется, — сказал Федька, разглядывая погнутые детские качели. — Ни ресторанов, ни игорных клубов. Видеопроката даже что-то не видать.

— Этого добра в самом конце Лесной много. Там и «Огонек», и несколько кафе. А видеопрокат у нас через дом.

— Надо было тебе два пива заказать, — вздохнул Шишлов.

Они добрались до подъезда и поднялись на четвертый этаж.

Натка была на работе, сын в школе. Лаголев заставил друга сбросить ботинки и первым делом повел того в ванную. Дал полотенце, показал мыло.

— Мойся.

Федька качнулся в проеме.

— Как-то не по-дружески.

— Ну не могу же я тебя такого, за стол, — объяснил Лаголев.

Возразить ему было сложно. Шишлов похмыкал, покривился и потянул свитер через голову.

— Горячая-то хоть есть?

— С утра была.

— А ты давай тогда на стол че-нибудь...

Федька закрылся в ванной. Зашумела вода. Пока друг мылся, Лаголев вскипятил чайник, сделал несколько бутербродов, вымыл кружки и поставил их на освобожденный от растений

подоконник. Обновленная кухня не имела стола, зато рядом у стены с окном расположились аж семь разномастных стульев. Неким заменителем стола служила круглая, принесенная Галиной Никитичной этажерка. В нижнем отделении ее помещалась сахарница и розетки с вареньем, на верхнее ставились чашки и блюдца.

Остров дышал теплом и светом. Даже в шаге от него было щекотно, хотелось жмуриться и какое-то время стоять, глупо улыбаясь. Сейчас вот Федьку еще через тебя пропустим, сообщил острову Лаголев, и добра у нас прибудет.

Он приготовил чистую майку и старенькие, но стиранные спортивные штаны, дождался, пока шум воды в ванной стихнет, и стукнул в дверь.

— Федька!

— Да! — отозвался друг.

— Чистое белье.

— Давай.

Дверь приоткрылась, Шишлов с волосами, облепившими лицо, с мокрой, капающей бородой, протянул руку. Лаголев вложил в нее белье.

— Пожрать-то есть что? — спросил Федька.

Отмытый, он выглядел получше. Но и пятна синяков по всему телу проступили пугающим узором.

— Оденешься, проходи на кухню, — сказал Лаголев.

— Яволь.

Одевался Федька минут пять, что-то роняя с полок и чертыхаясь. Наконец, вышел. Лаголев ждал его у холодильника.

— О как! — оценил обстановку Шишлов, ступая на кухню босыми ногами. — А где стол?

— Много места занимает, — сказал Лаголев.

— Погоди, а рюмочку поднести? Человеку с бани холодная водочка в самое то. Саня, ты меня не обижай.

Лаголев улыбнулся.

— Ты сначала сядь.

Он подвинул один из стульев. Шишлов устроился на нем. В узкой для него майке и синих «трениках» Федька больше походил на хозяина квартиры, чем Лаголев в брюках и джемпере.

— Ну, сел.

— Что чувствуешь?

— Жажду.

— И все?

Шишлов развел руками.

— Я же тебе не принцесса на горошине. Ты что, подложил мне что-то?

Он попытался приподняться, одновременно щупая под собой ладонью, но Лаголев сел рядом и взял его за руку.

— Ты просто сидишь на острове.

— Где?

Тепло привычно нахлынуло, душа распахнулась, взлетела, вверх-вверх, Федька рядом замер, а через мгновение уперся глазами в потолок. Что он там видел, Лаголеву было не известно, но лицо давнего друга менялось, болезненно комкалось, светлело, из щелястого

рта с хрипом вырывалось дыхание, и вместе с дыханием, казалось, выбивается в воздух мелкая черная пыль, превращаясь в золотистые искры.

— Е!

Коричнево-розовой кашицей Шишлова стошнило на собственные ступни, и он, торопливо присев, принялся собирать блевотину ладонями, которая неумолимо просачивалась обратно сквозь пальцы.

— Тарелку, Саня! Или миску!

— Брось, — сказал Лаголев.

— Прости, я это...

Федька с посмотрел на испачканные руки. Его стошнило еще раз. Какие-то малоприятные комки брызнули изо рта.

— Я сейчас, — сказал Лаголев и пошел за тазиком и тряпкой.

Вдвоем они быстро справились с уборкой. Впрочем, энтузиазм Шишлова больше мешал. Он скользил и разносил продукты своего метаболизма по кухне.

— Так, сядь, — сказал ему Лаголев.

Федька сел.

— Держи таз.

Друг принял посуду. Вид у него сделался виноватый.

— Саня, прости, пожалуйста.

— Видимо, у тебя запущенный случай, — Лаголев собрал блевотину тряпкой. — Как ты себя чувствуешь?

Шишлов нахмурился, оценивая свое внутреннее состояние.

— Вроде ничего не болит, — с удивлением произнес он. — Даже нога не болит.

— Вот это и есть остров.

Лаголев подтер в двух местах и взял у Федьки тазик.

— Вымой руки вон, в мойке. Выпить хочется?

Друг качнул головой, но, поднявшись, широко улыбнулся.

— А вот, знаешь, да!

Он склонился над раковиной и принялся под струей, морщась, оттирать пальцы.

— Понятно, — сказал Лаголев. — На подоконнике чай и бутерброды, можешь перекусить.

Шишлов повернул голову.

— Не, ты жулик, конечно, порядочный, — заговорил он в сторону коридора, где исчез Лаголев, чтобы слить собранное в унитаз, — Я к тебе со всей душой... — он шумно прополоскал рот. — А ты и угостить друга не удосужился. Баночку пива всего-то и купил. Ты знаешь, как выглядит баночка пива со стороны?

— Как? — спросил Лаголев.

— Как насмешка.

— Погоди. Я сейчас.

Лаголев с тазиком перешел в ванную. Шишлов закрутил кран, встряхнул над раковиной кисти рук, потом вытер их о полотенце, висящее на крючке. Поискал и нашел на подоконнике бутерброды.

— Ты одежду мою не выкидывай, — жуя, невнятно проговорил Федька, — пригодится мне еще. Я же это... бомжую.

— И нравится?

— Ха! Меня вообще-то никто не спрашивал на этот счет.

— Ладно, — появился на кухне Лаголев, — давай мы с тобой еще раз...

— Да ну нахрен! — сказал Шишлов, выложив на подоконник локоть.

— Почему?

— Отходняк у меня после твоего острова.

Лаголев улыбнулся.

— Ты бы в зеркало посмотрелся.

— А че, красавец стал? — Федька сунул в рот остатки бутерброда и прошел в коридор.

Там он, почти уткнувшись носом в зеркало над полкой с феном и расческами, секунд тридцать так и этак поворачивал лицо. Пальцы его мяли и отводили растительность, добираясь до кожи под ней.

— Это что, — спросил он, — у меня шрам исчез?

— Ага.

— Не, ну, круто, конечно.

— Что, хуже стало?

— Да не, — Шишлов появился в проеме, — только меня так узнают с пол-тычка. Физиономия, как с фотокарточки.

— Садись, — предложил Лаголев.

Федька скривился.

— Ты бы лучше налил чего, блин.

— Садись-садись, — потянул его к себе Лаголев, — хуже не будет. Это остров, он многое может.

Шишлов хохотнул.

— В прошлое не возвращает? А то я бы загадал, на какое ставить. Была у меня ситуация, где я миллионов пять, если на старые деньги считать, на рулетке за раз спустил.

— Не возвращает.

Знакомое тепло — как пуховое одеяло в детстве. Тебя закутали в него, ты надышал, согрелся, а свет — словно дымок из макушки.

Хорошо!

— Федя?

Шишлов, наверное, с минуту не решался открыть лицо. Держал ладони прижатыми — ни глаз не видно, ни рта, ни носа. Одни клочья бороды по сторонам.

— Какая же я сволочь, — выдохнул он, опустив руки.

Глаза у друга покраснели, кадык скакал по худому, заросшему горлу.

— Всех подвел, все продал, в бега, сука, ударился. От кого? От себя-то куда денешься? Сдохнуть надо было в подворотне. Но живуч, как клоп. Хотя, наверное, еще годик-два и скопытился бы от какой-нибудь сивухи.

— Не о том думаешь, — сказал Лаголев.

Шишлов кивнул. Глаза его сверкнули.

— Не о том. Надо что-то делать, — он взбил волосы и вскочил. Обернулся. — Жизнь ведь еще не кончилась?

— Зависит от тебя.

— Точно! Саня! — Федька поймал в пальцы и долго тряс ладонь Лаголева. — Ты — молоток, Био-Шурик! Ты просто супер! И остров твой — бомба! Но я не могу здесь сидеть когда у меня вся жизнь...

Шишлов выскочил в коридор.

— Слушай, — снова заглянул он на кухню, — куртку дай, какую не жалко. И треники я твои пока поношу. Не в прежнем же своем...

— Погоди.

Лаголев пожертвовал другу болоневую куртку.

— Ты только возвращайся, — сказал он.

— Завтра как штык, — осклабился Федька. — И сразу на остров твой. Чистит лучше стекломоя. Шучу. Завтра буду.

Он хлопнул дверью и пропал. Только не появился ни завтра, ни послезавтра.

Представительный мужчина позвонил Натке и снова, как и в прошлый раз, попал на Лаголева.

— Наталью Владимировну можно? — поинтересовались в трубке.

— А вы кто? — спросил Лаголев.

— Я по работе.

— А я — муж.

На том конце провода не стушевались.

— Очень приятно. Но, боюсь, вы не обладаете компетенциями Натальи Владимировны. Уж извините.

— Конечно. Натка! — крикнул Лаголев. — Тебя!

— Сейчас.

Натка появилась в коридоре, на ходу вытирая руки от теста. Они с Машей и Игорем пытались соорудить пирог с лимонной цедрой. Мучная пыль висела в кухонном воздухе. Лаголев вежливо отступил в комнату.

— Да? — сказала Натка, приложив трубку к уху.

Мужчина неразборчиво заквакал в динамике. Ква-ква, ква-ква. Уверенно так, обволакивающе. Ква-ква. Натка слушала его с минуту.

— Извините, Максим Сергеевич, я не могу, — сказала она.

— Ква? — спросила трубка.

Натка оглянулась на Лаголева.

— Я мужа люблю, — просто ответила она.

Звонивший квакнул, умолк, раздались гудки разрыва соединения.

— Быстро ты, — сказал Лаголев.

Натка посмотрела на него веселыми глазами.

— Чего ж он, дурак, в самое неподходящее время набирает? — И спросила: — Готов помочь с пирогом?

Лаголев выпятил грудь.

— К дегустации готов!

Натка захохотала, замахала руками и на полусогнутых уползла в кухню.

Федька не появился и на третий день. У Лаголева выдался неожиданный выходной — Руслан отпустил его до завтра, сказав, что сегодня поработает сам, «вспомнит молодость». Но, возможно, у него были какие-то другие мотивы.

Лаголев решил сходить туда, где увидел Шишлова в первый раз. Место оказалось доходным — вместо старинного друга там сидел теперь другой заросший и пьяный мужик,

который внятно что-либо сказать был не в состоянии. Он только мычал и тряс грязной пятерней, выпрашивая мелочь. Добиться у него, знает ли он Шишлова, видел ли его, Лаголев не смог и направился домой.

Во дворе стояло несколько дорогих автомобилей. Хищные силуэты, тонированные стекла. Лаголев подумал, что кто-то из новых богачей прикупил себе квартиру, а то и целый этаж в их или соседней пятиэтажке. Связать появление автомобилей с собой он не догадался. Только когда в подъезде на него надвинулись с боков двое и, легонько пристукнув и взяв под мышки, потащили вверх по лестнице, Лаголев подумал: ах, вот оно что!

Страха в нем не было. Но смутное беспокойство крутилось в животе червячком. Натка, Игорь, с ними-то что?

Дверь его квартиры оказалась приоткрыта, за ней обнаружился еще один незнакомец, одетый во все черное, молодой, угрюмый, коротко стриженный, с кобурой, выглядывающей из полы пиджака.

— Стойте, — сказал он и приподнял голову Лаголева за подбородок.

— Да он это, он, — сказал один из придерживающих. — Мы его метров за пятьдесят срисовали.

— На ноги поставьте, — распорядился стриженный и скользнул за кухонную дверь.

Лаголева отпустили, но были готовы, если что, зафиксировать по-новой. На кухне что-то звякнуло, стукнуло, и уже другой голос громко сказал: «Ну, веди, веди товарища, не держи меня за барана, Олежка».

Через мгновение стриженный снова возник перед Лаголевым.

— На кухню, — показал жестом он.

— А мои... — произнес Лаголев.

— Все там, — сказал стриженный.

Лаголев шагнул через порожек. Первым делом он нашел глазами Натку и Игоря. Они сидели на стульях у раковины. У сына под глазом наливался синяк. Натка кусала губы. Но оба, слава богу, были целы. Ни разорванной одежды, ни крови. Хорошо. Синяк — это ерунда, подумалось Лаголеву. Заживет. Он едва заметно им улыбнулся.

Затем он обратил внимание на стоящего у окна щуплого мужчину лет сорока, белобрысого, тонкогубого и тонконосого, очень спокойного и этим спокойствием внушающего опасность. На нем были джинсы, серая водолазка под горло и пиджак. Мужчина посмотрел на него задумчивыми глазами, и Лаголев ощутил, будто его взвесили: боец или не боец, как поведет себя в экстремальной ситуации, на что вообще способен. Чувство было неуютное, но Лаголев заставил себя не опускать взгляд. Впрочем, человек в серой водолажке быстро потерял к нему интерес и стал, повернувшись вполборота, наблюдать за обстановкой за окном. Видимо, большего Лаголев не заслуживал.

Мужчина, понятно, был охранником, и следующим и последним чужаком на кухне являлся тот, кого он охранял.

— А вот и глава семьи!

«Виновник торжества» сам заявил о себе. Это был крупный мужчина за сорок с крепкими, мощными ляжками, мосластыми руками и уже оформившимся брюшком. Лицо у него было широкое, холеное, розовое. Губастый рот, нос с крупными ноздрями, выбритые полные щеки и небольшие, похожие на потертые пуговицы глаза. Лаголев заметил, что за лицом, ногтями, редяющими каштановыми волосами гость трепетно ухаживает. Одет мужчина был в темные брюки, розовую рубашку и клетчатый светлый пиджак. Из

нагрудного кармана торчал краешек платка. Два пальца на левой руке украшали перстни.

Располагаясь у подоконника, объект охраны занял сразу два стула, а на соседние по-хозяйски водрузил локти.

— Похоже, все в сборе.

— Здравствуйте, — сказал Лаголев.

Гость промолчал, с кривоватой улыбкой изучая поздоровавшегося. Перстни на пальцах щелкнули друг о друга. Верхняя губа приподнялась, крупные ноздри втянули воздух.

— Чем обязан? — спросил Лаголев.

— Правильный вопрос, — наставил палец мужчина. — Итак, чем ты мне обязан? Может, ответишь сам?

— Ничем.

— Ну, так нельзя, — разочарованно протянул собеседник. — Ты разве не знаешь, кто я?

— Нет.

Щуплый на мгновение повернулся от окна, словно ослышавшись. Под мужчиной в клетчатом пиджаке скрипнули стулья.

— В определенных кругах я очень известен, — сказал он.

— Я же не из этих кругов.

— Неуважительно, — качнул головой мужчина. — Меня все знают как Марика, я держу половину города в его, скажем так, неофициальной части. Здесь все так или иначе под мной, вплоть до ментов. Ты можешь звать меня Константином Ивановичем, поскольку Костя я только для близких друзей.

— Хорошо, — сказал Лаголев.

— Ну, вот, уже лучше. Теперь представься ты.

— Александр Степанович.

— Замечательно! — Марик поерзал на стульях. — Дошли до меня слухи, Александр Степанович, что вы здесь... — он замялся. — Как бы сказать? В общем, что вы тут обладаете семейным чудом. Ты же не будешь этого отрицать?

Лаголев пожал плечами.

— Угу, — Марик наклонился вперед. — Ты не мог бы мне его продемонстрировать? Я хотел бы оценить, насколько твое чудо — чудо. А то на словах — это одно, а в действительности оказывается все совсем другое. Не люблю, знаешь ли, Александр, покупать кота в мешке. Говорят, для этого ты должен держать человека за руку. Что ж, я не против.

Он протянул розовую, пухлую ладонь.

— Пап, — произнес Игорь.

Лаголев улыбнулся.

— Все в порядке, сын.

— Я о нем слышал, — сказал Игорь. — Он — бандит.

— Это не важно.

Марик растянул рот в улыбке.

— Слушай, что отец говорит, — погрозил он пальцем Игорю, — а то так и до беды недалеко. Мать твоя грамотная, молчит. О чем это говорит? О том, что она жизнью научена, когда можно рот раскрывать, а когда нельзя. Краси-ивая.

Лаголев шагнул к бандиту.

— Обойдемся без угроз.

— Хорошо, — Марик запахнул полы пиджака, — а то я смотрю, что ты топчешься. Дай, думаю, заставлю пошевелиться. Встать надо?

— Нет.

— О, вообще замечательно. Витя, ты на контроле.

Мужчина в водолазке кивнул.

— Как мы договаривались, — добавил Марик.

Охранник кивнул еще раз. В руке его появился пистолет.

— Это зачем? — спросил Лаголев.

— Предосторожность, — улыбнулся авторитет. — Если что-то нехорошее со мной случится, Витя тебя убьет.

— Не случится.

— Ну-ну.

Лаголев сцепил пальцы на ладони Марика. Тепло лизнуло пятки, золотистой волной поднялось выше. Закружило, вымывая из головы тревогу, вызванную непрошеными гостями.

— Стоп!

Марик дернулся, высвобождая руку. Свечение, будто краска, сползло с его лица, но оскал остался.

— Действительно, — сказал он, отпихнув Лаголева к семье, — эффект наблюдается. Интересный эффект.

Он повертел шей, пошевелил плечами.

— Получается, никакого вранья? — Марик с минуту сидел неподвижно, видимо, оценивая идущие в организме процессы. — Сука, так и хватку потеряешь... И на всех действует?

— Да, — сказал Лаголев.

Марик задумчиво потрогал подбородок.

— То есть, допустим, если я приглашу сюда на пару рюмок коньяка человечка, а ты его обрабатываешь, он станет... ну, как бы... уже другим человеком, так? Без жесткости? Добреньким, да, прямо скажем?

— Да.

Марик нашел взглядом охранника.

— Хочешь попробовать, Витя? — спросил он, выдирая из внутреннего кармана плоскую фляжку.

Мужчина в водолазке выразил равнодушие в изломе правой брови.

— Могу, Константин Иванович.

Его хозяин рассмеялся и, свинтив крышку, глотнул из фляжки.

— Нет, Витя, ты так квалификацию свою похеришь. Был спец, а станешь... не знаю, кто. А ты мне еще нужен.

— Все? — спросил Лаголев.

— Почему — все? — выпятил губы Марик. — Еще мне сказали, что ты, Александр, и раны вроде как заживляешь.

— Не я, место, — сказал Лаголев.

— Это место? — указал на пол и стулья бандит.

— Да.

— Но посредством тебя?

— Посредством меня.

— Угум, — Марик усталил на Лаголева глаза-пуговицы. — Знаешь, интересно было бы посмотреть. Витя.

Охранник шагнул в сторону Натки и Игоря. Казалось, мигнул свет. Мгновение — и раздался хруст, а сын вскрикнул.

— Сделано, — сказал Витя, отступив обратно к подоконнику.

— Уроды! — крикнула Натка, обнимая Игоря.

Сын, бледный, с искаженным лицом, одной рукой поддерживал другую, на которой неестественно, в стороны, кривились пальцы. Игорю было больно, и он, морщась, с присвистом дышал.

— Зачем? — спросил Лаголев, скрипнув зубами.

— Ну надо же мне было выбрать кого-то для опыта, — сказал Марик, удивляясь глупости вопроса. — Не из своих же. Вот тебе сын, лечи.

Лаголев посмотрел на гостя, но ничего не сказал.

— Игорюшка, — позвал он сына.

Игорь встал.

— Вы за это заплатите, — прошипел он.

Марик фыркнул.

— Какая киношная фраза! Хочешь, Витя проломит тебе череп? Боюсь, после этого никакое лечение не поможет. Мне подвинуться?

— Да, — сказал Лаголев.

Он подтянул сына ближе к холодильнику. Авторитет, глотнув из фляжки еще раз, перебрался на стул правее.

— Ну, я готов. Вы это, повернитесь, чтоб я видел.

— Пожалуйста, — сказал Лаголев.

Он поставил Игоря боком к Марику.

— Смотри на меня, — сказал он ему. — Просто смотри на меня.

Сын мотнул головой, но потом коротко кивнул. Боль и злость мешались в его глазах. Лаголев молча, одним взглядом передал: не надо. Он взял Игоря за руку чуть повыше запястья, решив и дальше показывать бандиту, что только он один и умеет обращаться с островом. Так было безопаснее и для сына, и для Натки. Так создавалось пространство для маневра, если вдруг кому-то из них повезет незаметно завлечь на остров одного из подручных авторитета. Лаголев потихоньку думал об этом.

— Вить, ты тоже смотри, — сказал Марик, — пригодится.

— Зачем? — спросил Витя.

— А вот если какой Колтырь тебя вновь подстрелит, чтобы знал, к кому обратиться. Через меня, конечно.

— Учту, Константин Иванович.

Лаголев смотрел на Игоря. Тепло облекло его с ног до головы, густое, как мед. Злость из глаз ушла почти сразу, но боль несколько задержалась. Он услышал, как потрескивают, срастаясь, пальцы, как сын дрожит, как в груди у него звенит обида. Лаголев зачерпнул от острова ясного спокойствия и послал сыну.

Обида улеглась.

— Ты смотри, смотри, Витя, — будто из другого пространства вещал Марик, — на пальцы смотри. Видишь?

— Вижу, Константин Иванович.

— Бывают же в жизни чудеса.

Лаголев отнял руку.

— Так, малой, — сразу распорядился Марик, — брысь на место. И не отсвечивай. Да, пошевели пальчиками.

Игорь, повернувшись, сжал руку в кулак. Разжал. Сжал снова. Лаголев чувствовал, как ему хочется превратить простое движение в неприличный жест. Молодец, удержался. Сел.

— Хорошо, — кивнул бандит. — Александр, ты тоже... Можешь воссоединиться с семьей. Пстой в уголке.

— Что дальше? — спросил Лаголев.

Он встал сбоку от Натки, мельком тронул ее плечо: держись, родная.

— Дальше мы ломаем пальцы твоей жене, — заулыбался Марик. — Надо же закрепить чудо экспериментальным образом. Вдруг у тебя сын просто уникальный, все на нем, как на собаке...

Лаголев, шагнув вперед, закрыл Натку собой.

— Только попробуйте.

Витя со скучным лицом выдвинулся ему навстречу.

— Ну-ну! Тише! — крикнул Марик, предупреждая драку. — Шутка это была, шутка. Витя, вернись к окну.

— Окей, — сказал Витя.

— Вот ведь, и пошутить нельзя, — сказал Марик, дождавшись возвращения охранника на свои позиции, спрятал фляжку и вытянул шею в сторону двери: — Олежек! Олежек, загляни ко мне!

В кухне на голос появился знакомый белобрысый мужчина.

— Давай, Олежек, дуй вниз, скажи Фитилю, чтобы отпустил уже балабола.

— Совсем?

Марик вздохнул.

— Не совсем, Олежик, а на все четыре стороны. Ты понял? И передай, что Константин Иванович долг ему прощает из беспримерной своей доброты. За рассказ вот об этой любопытной квартире прощает.

Подручный кивнул.

— Понял!

— И пусть Лев Арнольдович сюда поднимается. Можешь ему даже помочь.

— Понял. Одна нога здесь...

Белобрысый пропал за дверью.

— Что дальше, что дальше... — пробормотал Марик. Фокус его взгляда снова остановился на Лаголеве. — Александр, а это твое место границы имеет?

— Четверть кухни.

— Ага.

Белобрысый заглянул снова.

— Константин Иванович, — сказал он, состроив жалобную гримасу. — Там на улице народ толпится.

— С какой это стати? — спросил Марик.

— Так все сюда. Типа, на посиделки. У них тут как бы вечера.

— Чего? Гони их к чертям!

— Их там человек пятнадцать.

Марик завел глаза к потолку.

— Ну, вызови ментов, Олежек. Пусть поработают, займутся охраной общественного порядка. Мне здесь собрания не нужны.

— Понял.

— Действуй.

Подручный исчез. Марик посмотрел на Лаголева.

— За деньги народ привечаете или так? — спросил он. И скривился, глядя на реакцию главы семьи. — Что, неужели бесплатно?

— Разве это возможно, постояв на острове? — в свою очередь спросил Лаголев.

— Да я уже понял, что у вас тут сплошная благодать. Чуть сам не вляпался. — Марик передернул плечами. — Хотя мысль интересная. Остров... Остров. Тысяч по сорок-пятьдесят баксов брать за лечение. Особенно, если Крапленого уговорить и на ноги поставить. А за ним и остальные потянутся. Так-то он в немецкой колясочке ездит. Сможешь поставить на ноги парализованного человека, Александр?

Лаголев пожал плечами.

— Скорее всего, да.

— А мозгами Крапленый не поедет?

— Не знаю, — сказал Лаголев.

Марик задумался.

— А может так и лучше будет, — сказал он вдруг, качнув головой. — И ему, и всем. Зато какие интересные комбинации намечаются!

За окном коротко взвыла милицейская сирена. Авторитет встал и сдвинул стул, чтобы посмотреть, что происходит во дворе. Охранник Витя тоже прикинул к стеклу. Блик проблескового маячка мазнул по окну.

— Ну вот и менты приехали.

У Лаголева мелькнула мысль броситься на непрошенных гостей. И двух секунд ему бы, наверное, хватило. Только поймав внимательный взгляд Вити в смутном отражении, он от этой затеи отказался. Ждут, ждут.

— Так, ладно, — помедлив, уселся обратно Марик, — контингент ваш хилый погонят сейчас по домам ссаными тряпками. А вы готовьтесь, дорогие жильцы, готовьтесь.

— К чему? — спросила вперед Лаголева Натка.

Бандит рассмеялся.

— О! Женщина всегда чует, когда идут хозяйственные вопросы! А их пора, пожалуй, настала. К переезду готовься, хозяйка! — громко объявил он.

— К-как?

— Элементарно, — улыбнулся Марик. — Здесь буду жить я.

В коридоре грянул дверной звонок.

— Добрый день, добрый день, — услышал Лаголев дребезжащий голос.

Секунд через двадцать порог кухни переступил старик в потертом коричневом пиджаке с заплатами на локтях, в мятых черных брюках и в туфлях с оббитыми носами. Крупная голова старика сидела на тонкой шее, большие очки седлали большой нос, из ноздрей лезли седые волосы, мешаясь с короткими седыми усами, нижняя челюсть выдавалась вперед, приковывая внимание к по-жабьи большому рту и влажной нижней губе. Голова старика заметно тряслась, и вместе с ней тряслись пегие, волнисто уложенные волосы.

Вслед за стариком проскользнул Олежек, в руке у него был пухлый кожаный портфель с

пряжкой-застежкой.

— Лев Арнольдович!

Марик встал, чтобы проводить старика к стулу. Олежек переставил из угла этажерку ближе к окну и водрузил на нее портфель.

Прежде, чем сесть, старик повернулся к Лаголеву, Натке и Игорю и отрекомендовался, чуть наклонив голову:

— Лев Арнольдович Шмейцер, нотариус.

Глаза за толстыми стеклами очков показались Лаголеву равнодушными глазами долго живущей на свете черепахи.

Устроившись, Лев Арнольдович долго копался в портфеле. Он достал несколько ручек, кипу каких-то бумаг, печать, чернильную подушечку, чистые листы, все это положил на стул рядом с собой, потом порывлся в отделениях и извлек на божий свет скрепленные и подшитые бланки договоров.

— Я уж задремал в твоей машине, Костя, — сказал он надтреснутым голосом, подвигая этажерку и раскладывая часть бумаг на ее тесной поверхности, — думаю, уж что там? Потом Олег в стекло пальчиком...

— Ты, Олежек, иди, — сказал Марик подручному.

Тот, кивнув, пропал.

— Так что мы делаем? — вскинул голову Лев Арнольдович.

— Люди решили продать мне квартиру, — сказал Марик. — Замечательная семья. Уступают почти что за бесценок.

Лев Арнольдович облизнул губу.

— Понимаю, обстоятельства. — Он нацелил толстые стекла очков на Лаголева. — Квартира приватизирована?

— Да, — сказала Натка, — но продавать ее мы не хотим.

Старик-нотариус оглянулся на Марика.

— Костя, что за разнобой? Я могу выйти на какое-то время, чтобы ты уладил вопрос. Так невозможно работать.

— Не надо выходить, — сказал авторитет. — Витя сейчас уладит.

Витя шагнул от окна.

— Руку парню, — приказал Марик.

Лев Арнольдович предупредительно закрыл глаза.

— Не надо, — Лаголев вложил в голос всю силу убеждения. — Константин Иванович, мы можем договориться.

— Постой, Витя, — сказал Марик. — О чем, Саша, мы можем договориться?

— Вам лучше иметь во мне союзника, чем врага.

— Пап, я вытерплю, — сказал Игорь.

Лаголев посмотрел искоса.

— А мама?

Сын нахмурился. Натка притянула к себе его непослушную голову, зашептала что-то на ухо.

— Как включать остров, знаю только я, — сказал Лаголев, — сам по себе он не включится, иначе тут уже и Витя ваш, и вы совсем бы переменились.

Старик-нотариус открыл глаза, словно выполз из панциря.

— О чем он говорит, Костя? Ты покупаешь квартиру или что-то еще?

Марик поморщился.

— В основном, квартиру, Лев Арнольдович. Квартиру с довеском.

— Как интересно!

— И если нам негде будет жить, — сказал Лаголев, — вряд ли я смогу с вами работать.

Возможно, найду способ отомстить.

Он посмотрел бандиту прямо в глаза. Словно в стену посмотрел. В пустоту. Но пустота на мгновение дрогнула.

— Я могу легко убить тебя, Александр. И всю твою семью. Вот прямо здесь, — Марик показал пальцем на пол. — Один на другом будете лежать. И никто ничего не увидит и не услышит, хоть вы криком кричите, а дело объявят загадочным и не раскрываемым. Не понятно как, но вместо живых людей объявились три трупа. Чудеса. Что можно сделать? Ничего. Перекреститься разве что. Да свечку поставить.

Он помолчал. Лаголев сощурился. Остров дышал теплом всего в одном шаге. Жалко было, что бесконтактно невозможно распорядиться.

— Кремень ты, Александр, да? — Марик неожиданно улыбнулся. — Ладно, резон в твоих словах имеется. Действительно, куда вы без квартиры? Считай, подобрел я на какое-то время от твоего острова. Лев Арнольдович, есть ли у меня подходящая для людей недвижимость? Желательно, на другом конце города.

Старик кивнул.

— Две квартиры. Одна двухкомнатная, на улице Талалихина, другая однокомнатная — на Малой Социалистической.

— А откуда у меня квартира на Малой Социалистической? — удивился Марик.

— От сестры, Костя, — сказал Лев Арнольдович.

— Ах, да.

Авторитет, размышляя, побарабанил пальцами по колену.

— Ну, что ж, значит, оформляй, — сказал он, — договор купли-продажи на эту квартиру за десять тысяч рублей и договор дарения на квартиру на Малой Социалистической...

— Дарения?

— Дарения, дарения, Лев Арнольдович. Дом там старый, на балансе у совхоза, который и сам при смерти, бывшее общежитие агротехников. Век бы его не видел.

— Мне нужны документы, — сказал нотариус. — Свидетельство о приватизации, кадастровый паспорт или техплан, паспортные данные владельцев.

— Давай, Александр, ищи, — сказал Марик. — Моя доброта на исходе.

Лаголев направился в комнату.

— В шкафу на верхней полке, — подсказала Натка.

— Понял.

Белобрысый подручный давил спиной простенок и читал какую-то книжку, чуть ли не братьев Вайнеров. Лаголев прошел мимо него. Включил свет, открыл дверцы шкафа. Страх в нем так и не было, в груди шевелились лишь недоумение и легкая обида. Как же так? — думалось ему, пока руки в автоматическом режиме сновали среди постельного белья, сорочек, носков, полотенец и вязаных жилеток и кофт. Почему вдруг появляется человек и начинает распоряжаться моей жизнью, моей семьей, моей квартирой, моим островом? Разве это правильно, разве это справедливо?

Потом он подумал: возможно, это реакция действительности на то, что остров из нее

выбивается. Мир не таков, как остров. Мир холоден, дик, жесток, полон крови и сломанных пальцев. Остров послужил раздражающим фактором. И мир послал фагоцита. Фагоцита Константина Ивановича по кличке «Марик».

— Саша! — крикнула из кухни Натка.

— Уже!

Лаголев нащупал большую жестяную коробку из-под печенья. Натка хранила в ней все имеющие ценность документы. Лаголев не стал в ней рыться, а сразу определил ее под мышку, потом из ящика серванта выудил паспорта. И что? — вдруг растеряно подумалось ему. Острова больше не будет? Нет, нет, он не согласен.

— Саша! — уже с испугом в голосе крикнула Натка.

Лаголев скрипнул зубами.

— Иду!

Выхода он не видел.

Лев Арнольдovich просто-таки засыпал их вопросами, аккуратно записывая в договор необходимые сведения. При этом ответы ему часто были не нужны, он все видел в бумагах. Кто считается владельцами приватизированной квартиры? А, вижу, вы и вы. Лаголев. Лаголева. Паспорт такой-то, паспорт такой-то. А ребенок включен в свидетельство? Нет, не включен. Так даже лучше. Адрес? Вижу адрес. Прописаны, соответственно, там же...

Марик зевал, плотоядно поглядывал на Натку, чесал голень. Минут через десять встал, заглянул в холодильник, угостился бутербродом.

— Это наше, — сказал ему Игорь.

— Хлебало закрой, — отрезал Марик, — по бумагам все почти уже мое. Хотя холодильник... — он смерил взглядом изделие советской промышленности. — Холодильник я поставлю нормальный. Не это чудо-юдо. Олежек!

Олежек просунул голову в дверь.

— Да, Константин Иванович.

— Вызови через Диму или Рустама «Газель» грузовую. Людей с вещами перевезти надо.

— Так вечер.

— Вызови, Олежек. Им необходимо срочно отправиться на Малую Социалистическую. Ты понял?

— Понял.

Лаголев с Наткой подписывались там, где показывал им тонкий палец Льва Арнольдovichа, Лаголев пробегал глазами: «...Александр Степанович... года рождения... именуемый в дальнейшем... обязуются продать...», старик переворачивал листы: «Здесь, пожалуйста... И здесь». Затем они писали расписку о том, что получили десять тысяч рублей, хотя, конечно, никаких денег никто им платить не собирался.

— Это формальность, — жуя, невнятно объяснил им Марик. — Вы ж нищета, вам никакие тысячи впрок не будут.

Тикали часы. За окном совсем потемнело. На ночном небе, поверх крыш, выспали звезды.

— Ну, что, — подытожил Лев Арнольдovich, укладывая договора, документы и расписки в портфель, — с куплей-продажей, в сущности, все, а завтра-послезавтра я забегу в БТИ, и сделку можно будет считать юридически оформленной.

Натка торопливо завладела сдвинутыми на край этажерки паспортами.

— Так, — распорядился бандит, — жена с сыном могут быть свободны, собирайте там потихоньку вещи, скоро подъедет «Газель», будьте готовы грузиться.

— Договор дарения оформляем? — спросил старик.

— Оформляй, оформляй, Лев Арнольдич, — сказал Марик, — у нас же, так сказать, полюбовное соглашение.

Нотариус качнул головой.

— Как скажешь, Костя.

Из портфеля появились новые бланки.

Снова заглянул Олежек, сообщил, что договорился, грузовая «Газель» будет через полчаса, за рулем Дима, Дима готов работать до упора, отвезет, куда скажут. Марик показал Натке и Игорю на дверь.

— Давайте, давайте. Время — деньги.

Натка посмотрела на Лаголева. Над переносицей у нее пролегла тонкая, отчаянная морщинка.

— Собирайся, — вздохнул Лаголев.

— Вы еще пожалеете, — уходя, сказал Игорь.

— Заткнись, придурок!

Марик отвесил Игорю полноценный поджопник. Лаголев спрятал руки за спину и сжал кулаки. Схватить бы и держать, пока вся муть в этом уроде не выдавится наружу. Схватить и держать.

Собирались в спешке. Сосредоточенная, сердитая Натка навязала узлов из простыней и покрывал, упаковывая в тюки нижнюю и верхнюю одежду, носки, шапки, обувь, посуду, хрусталь и книги. Лаголев помогал, чем мог. Лицо у Натки было спокойным, почти скорбным, но он замечал, как оно дергается, комкается на долю мгновения, когда он смотрит в сторону. Они почти не разговаривали. Подай, придержи, затяни сильнее. Все раздражение Натки выплескивалось в порывистые, резкие движения рук.

Он вновь стал Лаголевым. Это было больно. Но Натке, он чувствовал, было куда больнее. Не будь острова, возможно, она перенесла бы оскал бандитской действительности гораздо легче, была бы готова.

Сын не взял ни игровую приставку, ни магнитола. При нем был небольшой рюкзак и сумка через плечо. Смена белья, учебники, несколько плакатов. Лаголеву удалось с ним пошептаться наедине.

— Как погрузимся, — сказал он, — беги через двор.

— Зачем? — спросил Игорь.

— Предупредишь Машу, что к нам больше нельзя. Чтобы какой беды не вышло. Пустит она тебя переночевать?

Сын кивнул.

— Ну тогда утром уже к нам, — сказал Лаголев.

— А какой план? — спросил Игорь. — В милицию? Надо только не в местную.

Лаголев улыбнулся, чтобы как-то поддержать сына.

— Посмотрим.

Потом они тряслись в «Газели», пронзающей ночной город светом фар. Тюки бултыхались в кузове. Натка сидела между Лаголевым и водителем, крепко прижимая к

животу жестянку с документами и переданные Мариком ключи. Лаголев чувствовал, как она давит в горле слезы. На него Натка старалась не смотреть. Он попытался было с ней заговорить, но жена просто отвернулась, перестала его слышать.

Игорь благополучно бежал. Его вещи Лаголев положил себе в ноги. Еще он вытащил из холодильника остатки бутербродов и прихватил чайник. У чайника на ухабах противно позвякивала крышка, но прижать ее было нечем. Разве что подбородком. Только Лаголев не смог бы так изогнуться.

Ему казалось, что он до сих пор чувствует остров. Остров словно бы тянулся за ним, разматываясь в теплую желтую ленту. Лента истончалась, опасно потрескивала с каждым метром. В этом треске чудилось: назад, назад! Сердце у Лаголева вдруг зачастило, как разогнавшийся мотор, ему стало жарко, ворот рубашки бы рвануть к чертям, да руки заняты. Но скоро стало никак. Связь с островом лопнула.

Дзынь!

Какое-то время Лаголев не дышал. Мимо, как в безвоздушном космосе, проносились серые дома и такие же серые столбы. Дома наплывали из темноты, попадали в свет и теряли космическое очарование, выпячивая трещины и заплатки. Столбы поворачивались лишаем рекламных объявлений.

Разгрузились быстро.

Квартира была маленькая и слабо пахла лекарствами. В узкой прихожей на вешалке висело бордовое драповое пальто, лежал тапочек. Застеленная желтым покрывалом кровать была рассчитана на одного. Впрочем, имелся крохотный диванчик.

Сложенные в центре единственной комнаты на вытертом ковре тюки почему-то будили в Лаголеве ассоциации с пиратскими сокровищами. Напиратили. Утащили все, что были в силах утащить. И больше не вернемся. Он вздрогнул от этой мысли.

Натка стояла спиной к стене у дверного проема в комнату, лицо ее было глубоко пустым. Потом она встряхнулась.

— Прекрасная работа, Лаголев!

— Нат.

Натка подступила к мужу.

— Игорь куда убежал?

— К Маше, — сказал Лаголев.

— А, ну, тогда...

Натка замолчала. Взгляд ее с тоской прошелся по зеленовато-сиреневым обоям, бледным занавескам на окне, ковру, повешенному над кроватью.

Все чужое.

— Не хочу жить, — вырвалось из нее вдруг.

Лаголев кое-как смог уговорить ее на чай.

Кухня была побольше их прежней, на подоконнике стояли засохшие до ломкости букеты из едва определимых цветов, стол был покрыт клетчатой клеенкой, во всю стену за раковиной и газовой плитой розовела кафельная плитка. Натка сгорбилась на круглом стульчике и казалась Лаголеву опустошенной и сломленной.

— Нат, — сказал он, — не переживай.

Натка опустила лицо в ладони.

— Господи, Лаголев, какой ты дурак, — глухо произнесла она. — Ты не понимаешь, что

все кончилось?

— Нат...

— Я уже на тебя злюсь, Саша. У меня островного тепла почти не осталось, и я не знаю, на сколько меня хватит. Думаешь, ты завтра увидишь нормальную Натку?

— Я что-нибудь придумаю, — сказал Лаголев.

Натка рассмеялась каркающим смехом.

— Ты сам-то в это веришь?

— Верю.

— Ну-ну. Лучше скажи, когда Игорь вернется.

— Утром, — сказал Лаголев.

Натка выдохнула и подняла голову.

— Где твой чай?

— Сейчас.

Лаголев порылся в тюках и наковырял две чашки, сахар и упаковку чая. И что? — подумал он в полутьме комнаты. Я тоже на грани. Кто об этом знает? Никто. Держите меня. Дайте мне топор. Я читал, это помогает. Он вздохнул.

— Нат, придется по-походному.

— Лей по-походному.

Лаголев отмерил в ладонь чая, просыпал жене в кружку, отмерил и себе, залил кипятком. Несколько чайнок всплыли.

— Будешь у него работать? — спросила Натка.

— Не знаю, — честно ответил Лаголев.

— Чтоб его кто-нибудь шлепнул!

— Думаешь, так будет лучше?

Тянулся вверх парок. Гипнотически кружились чайники.

— Он раздавил нас, — грея о кружку пальцы, мертвым голосом произнесла Натка. — Раздавил и выкинул из квартиры.

— Тебе надо поспать, — сказал Лаголев.

— Не хочу. Я изменюсь. Я не хочу. Я лучше дождусь Игоря.

Лаголев отпил чаю и обжегся.

— Уже два часа ночи, Натка.

— Хоть три.

— Значит, я тоже спать не буду. Из солидарности.

Натка грустно улыбнулась.

— Я не вспомню этого, Саш.

Через полчаса Лаголев начал задремывать. Он вскидывался, открывал глаза и тарасил их на Натку, но через минуту или две снова погружался в странное, зыбкое, ласково обволакивающее забытие.

Ему снились дома. Высотки, одетые в бетон и стекло, бриллиантовые, сверкающие на солнце иглы и дикие, изломанные башни. Некоторые были похожи на вздутые ветром паруса, другие — на гигантские, многогранные сверла, третьи, казалось, и вовсе балансировали на грани самораспада — завивались каменными лепестками, клонились в стороны или вырастали к небу обратными пирамидами.

Во сне Лаголев сторонним наблюдателем плыл по воздуху.

Он застал конец жизненного цикла этих зданий. Они были пусты. Их густо пятнали то ли плесень, то ли мох. Стекла были мутны и слепы, как глаза отживших свое стариков. Одна из высоток рядом с ним неожиданно просыпала с верхних ярусов облицовочную плитку и элементы отделки, а затем принялась оседать сама в себя, выдыхая вверх, на многометровую высоту пыль и серые хлопья. Пых-пых-пых-пых.

Этажи складывались. Пыль поднималась расходящимся колоколом. Лаголев почему-то испугался. Он полетел прочь. Но обрушение высоты, видимо, стало спусковым крючком для всего города, поскольку вокруг него одно за другим стали распадаться и умирать здания. То справа, то слева, то впереди. Лаголева накрыло штукатуркой, как прощальным выдохом. Зеркальным ливнем устремились вниз осколки, за осколками последовали ограждения и кронштейны, болты и заклепки, с устрашающим треском стал рваться металл.

Как в гигантском лифте понеслись перекрытия и балки, участки оклеенных обоями стен, еще в воздухе сталкиваясь и превращаясь в пыль, в мусор.

Лаголев заметался в поисках открытого пространства, но из одной гущи зданий все время влетал в другую, где поспевал аккурат ко все той же картине жуткого обрушения. Скользили балконы, падали рамы, фасады взрывались трещинами, дома со стоном кренились, проседали, заваливались друг на друга.

Одна из высоток вдруг напомнила ему Натку. У нее были Наткины плечи и тонкая Наткина шея. А выше комплекс этажей смотрел на Лаголева Наткиными глазами. И когда это здание, подчиняясь общей тенденции, брызнуло первой крошкой распада, Лаголев сказал: «Стоп».

Стоп.

И все остановилось.

— Лаголев, ты спишь?

У Натки были воспаленные, красные глаза.

— Нет, — сказал Лаголев, поднимая голову, — уже нет.

Он вытер обслюнявленную ладонь о живот.

— Семь часов, — сказала Натка.

— Утра?

— Утра. Я чай вскипятила.

Лаголев ожесточенно потер лицо. В окно лезло серое, туманное утро. Зыбким пространством виделся двор. Сарай в дальнем его конце походил на плохо скроенный, уменьшенный в размерах библейский ковчег. Плыть бы ему отсюда...

— Ты хоть поспала? — спросил Лаголев.

— Нет. Но я придумала, — поднимаясь, сказала Натка напряженным голосом. — Я дождусь Игоря и пойду обратно в свою квартиру. Пусть меня убивают, пусть ломают пальцы, но это моя квартира. Моя. И ты меня не остановишь.

Ее боль звенела, как струна. Лаголев чувствовал.

— Нат, — сказал он.

И поднялся тоже.

— Что? — спросила, почти выкрикнула Натка.

— Я тебя люблю.

Наткин рот треснул кривой усмешкой.

— Нашел время...

— Нашел, — сказал Лаголев. — Ты пойдешь, и тебя убьют.

— И пусть. Пусть! — Слезы заклокотали у Натки в горле. — Господи! Жрут и жрут, все им мало! Когда же они нажрутся, Саш? Воруют и тащат, обманывают, убивают, лишь бы карманы набить. Все себе и себе! Ничего никому. Себе! Куда, Саш? Что бандиты, что власти, никакого спасения. Куда не ткнешься — гроши. А у них — все. И хотят еще больше. У нас уже один цех закрыли, а с осени, говорят, еще треть работников уволят. Куда я пойду, Саш, если и меня? Торговать на рынок тем, что есть в доме? Скатертями и салфетками? Старовата для гетеры. Все развалили, — с ожесточением произнесла она, — и радуются! И жрут, жрут, до чего могут дотянуться, все к себе тащат. А мы сдохнем, и ладно. Так, да? Почему у них сила, Саш? Ну ведь не должно такого быть! Не должно! Что это за мир такой гадский! Ответь мне! Скажи, что мы сделали не так? Мы остров разве для себя оставили? Мы же не стали им втихую пользоваться. Как им не поделиться? Это тепло, это счастье...

— Натка, — сказал Лаголев.

— Нет, ты послушай, послушай! — торопливо проговорила Натка. — Я тебя скоро возненавижу, Саша, так что ты просто выслушай. Я тебе очень благодарна. Потому что... никогда я так на жизнь не смотрела и на людей. И на тебя. Даже когда вокруг... оказывается, совсем немного нужно...

— Натка, — шагнул к ней Лаголев.

Он обнял и притянул ее к себе.

— Пусти, — сказала Натка.

Она дернулась, он Лаголев держал крепко.

— Почему? Почему обязательно надо отнять? — спросила Натка, бодая лбом его грудь. — Нужен этому бандиту наш остров? Ведь нет. Он его боится! Урод! Настоящий урод! Тварь! А мы теперь...

Она всхлипнула.

— Тише, тише, — Лаголев принялся поглаживать ее по затылку. — Мы как-нибудь...

— Ты не понимаешь, — сказала Натка, обнимая его в свою очередь. — Он разрушил мою, твою, Игореву жизнь, жизнь Маши и ее матери, и еще много-много жизней просто потому, что привык только жрать, брать...

Она зарыдала.

— Натка.

— Я скоро лаять начну, Саша. Гавкать. На... на тебя. На всех. И все... все мне будут враги, а не люди.

— Нет, — сказал Лаголев.

— Почему нет?

Лаголев промолчал. Он обнимал жену и пытался вызвать в себе островное тепло. Казалось, в груди что-то ворочается, тихонько скребет о грудную клетку, едва-едва дышит, как прогоревший уголек. Связи с островом не было. Сволочь этот Марик! Ну зачем ему остров? Доллары сшибать?

Натка вздрагивала в его руках.

На мгновение Лаголев перенял ее боль и зашипел сквозь зубы, готовый сойти, как Кумочкин, с ума, сделаться в десять, в тысячу раз страшнее Марика, чтобы сожрать его с потрохами, и жрать, жрать, жрать дальше.

Жрать. Господи, как противно! Лаголев выдохнул. Нет, он не станет превращаться ни в Кумочкина, ни в еще одного Марика. Он все-таки лев. Яблоня. Муж. Отец. Свет. Где-то у

сердца, под ребром, он вдруг уловил крохотное шевеление тепла, словно маленький, едва пробившийся сквозь отчаяние, ненависть, бессилие, желание завывать и выброситься из окна росток подал признаки жизни. Ах, как он ухватился за него! Как обрадовался! Расти, едва сдерживаясь, прошептал ему Лаголев, ты мне нужен. Давай! Крепни, звени, пылай, я не хочу, чтобы мир кончился так. И не хочу терять Натку.

Я сам — остров.

Он представил себя пространством, простирающимся на многие километры, распахнул ростку всю свою душу: пожалуйста, вот он я. Бери.

И был услышан.

Завиток тепла распрямился в нем, развернулся, заклокотал жарким протуберанцем. Еще, попросил Лаголев. Но это оказалось трудно. Протуберанцу для дальнейшей трансформации не хватало места, и Лаголеву пришлось, как дробины, застрявшие под кожей, выковыривать из себя мелочные обиды, пришибленную, ущербную гордыню, колкую зависть, обморочный, хрипящий страх. И хорошо, что Натка за рыданиями не замечала, как его трясет.

Но зато потом, потом...

— Саша?

— Да, — ответил он, стараясь быть серьезным.

Натка подняла на него удивленные, не верящие глаза. Провела ладонью по мокрой щеке. Улыбнулась.

— Ты чувствуешь?

— Что я чувствую? — спросил Лаголев.

Натка замерла, как радист, напряженно слушающий эфир.

— Остров, — несмело произнесла она.

— Остров?

— Ну, да.

Натка отступила, шагнула в сторону и вернулась к Лаголеву.

— Остров. Маленький. Но остров.

— Ты уверена?

— Я на нем стою!

Лаголев скривил губы.

— Seriously?

— Лаголев! Саша! Это ты! — воскликнула Натка и, хохоча, бросилась его обнимать. —

Это ты!

— Что — я?

— Ты украл его!

— Постой, — с достоинством сказал целуемый в щеки, в подбородок, в висок Лаголев, — я его не крал. Мне кажется, я его родил.

— Пусть!

Натка закрыла глаза.

— Теперь он будет расти, расти, — мечтательно произнесла она, — и однажды дорастет до таких размеров, что всех людей сделает лучше!

— Или превратит в яблони, — сказал Лаголев.

Натка прыснула.

— Никогда!

— На самом деле, — сказал Лаголев, убирая растрепавшиеся волосы со счастливого, светящегося Наткиного лица, — мне кажется, этот остров — он у каждого внутри. Его просто очень сложно найти в себе. И еще сложнее прорастить. А то, что появляется снаружи, это всего лишь его проекция.

— Значит, и во мне? — спросила Натка.

— Конечно, — с улыбкой кивнул Лаголев.

Он закрыл глаза и мысленно, сгустками тепла, потянулся за стены, полетел по сонным дворам и улицам. Он видел людей, закрывшихся в своих квартирах, еще спящих и бодрствующих, видел идущих на работу мужчин и женщин, озабоченных и угрюмых, сжавшихся внутри себя, заключенных в тиски безденежья и тревожного будущего. Каждому он дарил немного тепла. Лица тогда светлели, на них появлялись улыбки. Люди почему-то поднимали головы и вглядывались в небо.

Он увидел в просторном коттедже за городом распластавшегося поперек огромной кровати Константина Ивановича Маркова и просто коснулся теплом его сердца. Этого было достаточно.

А еще Лаголев обнаружил за окном Игоря с Машей. Они с Наткой, оказывается, забыли сказать сыну номер квартиры.